

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**
АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

СЕНТЯБРЬ
ОКТЯБРЬ

№5(149)

МОСКВА 2023

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2023. № 5 — 256 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Научно-редакционный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан); д.ф.н., проф. А.Л. Андреев;
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.П. Бабаев (Азербайджан);
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок;
академик РАН С.Ю. Глазьев; член-корр. РАН Р.С. Гринберг;
академик НАНУ А.А. Гриценко (Украина); д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский);
д-р, проф. В. Драшкович (Черногория); к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора;
д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина); д.э.н., проф. В.Я. Иохин; д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза;
к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск); д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); А.А. Козлачков; д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. М.В. Кулаков; д.э.н., проф. В.М. Кульков, зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. П.С. Лемещенко (Белоруссия); к.ф.н. С.С. Мерзляков;
академик РАН В.Л. Макаров; д.и.н., проф. Г.Р. Наумова; д-р, проф. А.З. Новак (Польша);
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., д.ю.н., проф. П.В. Павлов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. А.А. Пороховский;
д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.соц.н., проф. Л.И. Ростовцева (Тула);
д.э.н., проф. В.В. Смагина (Тамбов); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров); к.и.н. И.П. Смирнов;
д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург); Т.С. Сухина;
д.ф.н., проф. Л.А. Тутов; д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. К.А. Хубиев;
д.э.н., проф. В.В. Чекмарев (Кострома); д-р богосл., проф. Н. Чернокрак (Франция);
д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец

Редакция:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова, С.С. Мерзляков, К.В. Молчанов,
И.Г. Морозов, Н.П. Недзвецкая, И.П. Смирнов, Т.С. Сухина,
О.Б. Лемешонок, И.А. Ольховая, В.В. Осипов

Научный редактор — Е.С. Зотова

Художник — Е.Ю. Осипова

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий. Индексируется в РИНЦ

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183

e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

сайт: <http://www.phil.ru>

<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/fhjournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в ФГУП Издательство Наука (Типография «Наука»).

121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания «БАРРЕЛЬ»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2023

Содержание

У обрыва (<i>Главный редактор</i>).....	7
Раздел I. Философия хозяйства	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Софиасофия как инознание и как инонезнание	13
<i>В.К. Королев</i>	
Искусственный интеллект как «Иное»: к постановке проблемы	33
<i>В.Я. Иохин</i>	
О практическом аспекте формирования хозяйственной модели развития России	48
Раздел II. Экономическая теория	
<i>Т.В. Гудкова</i>	
Экономика совместного потребления как новая модель социально-экономического развития цифровой экономики	67
<i>О.В. Ницаева</i>	
Основные тенденции развития современной экономической методологии.....	91
<i>С.Г. Ковалев</i>	
Державность как парадигма теоретической экономики и стратегии воспроизводственной безопасности РФ	104
<i>И.В. Манахова, В.Ю. Евтух</i>	
Цифровой протекционизм как направление экономической политики	120
Раздел III. Актуальная философия	
<i>А.Н. Фатенков</i>	
История: что с ней не так?	135
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Бездна — основание, угроза и горизонт возможностей человеческого мира.....	143
<i>А.Ю. Горбачев</i>	
Добро и зло (тезисы).....	160
<i>Ван Вэйюй</i>	
Левинас как онейрический философ.....	170

Раздел IV. Рецензии и отклики

Ю.К. Волков

Знание и мудрость (об одной юбилейной статье
и последних публикациях В.А. Кутырева) 179

А.А. Тарасов

Владимир Александрович Кутырев (1943—2022)
и Бруно Латур (1947—2022): две судьбы — две философии 193

М.М. Гузев

Непокорный (отклик на книгу Ю.М. Осипова
«Страда. Непокорный автоопус. О себе самом —
от себя и со стороны») 211

Научная жизнь

Т.С. Сухина

Философия хозяйства в актуальном слове
(к 35-летию лаборатории философии хозяйства) 220

Е.С. Зотова

Политическая экономия и актуальная экономическая
реальность сегодня (обзор секции лаборатории
философии хозяйства на VII международном
политэкономическом конгрессе) 235

Анонсы — 2023 249

Наши авторы 250

Contents

At the Precipice (<i>Chief Editor</i>)	7
Part I. Philosophy of Economy	
<i>Yu.M. Osipov</i> Sophiasophy as the Other Knowledge and as the Other Ignorance.....	13
<i>V.K. Korolev</i> Artificial Intelligence as «Other»: Towards the Formulation of the Problem.....	33
<i>V.Ya Iokhin</i> On the Practical Aspect of the Formation of the Economic Model of Russia's Development	48
Part II. Economic Theory	
<i>T.V. Gudkova</i> The Sharing Economy as a New Model of Socio-Economic Development of the Digital Economy.....	67
<i>O.V. Nifaeva</i> Main Trends of the Development of Modern Economic Methodology	91
<i>S.G. Kovalev</i> Sovereignty as a Paradigm of Theoretical Economics and Strategy of Reproductive Security of the Russian Federation.....	104
<i>I.V. Manakhova, V.Yu. Evtukh</i> Digital Protectionism as a Direction of Economic Policy.....	120
Part III. Actual Philosophy	
<i>A.N. Fatenkov</i> History: What is Wrong with It?.....	135
<i>N.B. Shulevsky</i> The Abyss is the Foundation, the Threat and the Horizon of the Human World.....	143
<i>A.Yu. Gorbachev</i> Good and Evil (Thesis)	160
<i>Wang Weiyu</i> Levinas as an Oneiric Philosopher	170

Part IV. Reviews and Responses

Yu.V. Volkov

Knowledge and Wisdom (on the Anniversary Article
and the Latest Publications of V.A. Kutyrev) 179

A.A. Tarasov

Vladimir Aleksandrovich Kutyrev (1943—2022)
and Bruno Latour (1947—2022): Two Destinies —
Two Philosophies 193

M.M. Guzev

Unyielding (Response to the Book by Yu.M. Osipov «Strada.
The Unruly Autobiography. About myself — from Myself
and from the Outside») 211

Scientific Life

T.S. Sukhina

Philosophy of Economy in the Actual Word
(to the 35th Anniversary of the Laboratory of Philosophy
of Economy) 220

E.S. Zotova

Political Economy and Current Economic Reality Today
(Review of the Section of the Laboratory of Philosophy
of Economy at the VII International Political Economy Congress) 235

Anounce 249

Our Authors 250

У обрыва

Что же у обрыва? Да не что иное, как сама ученая гуманитарность, аккурат у того самого обрыва, за которым у сей гуманитарности если и не полное небытие, то уж вполне себе отстойная навь, а вот у оцифрованной технотронники, замещающей собой в ноосфере и в головах людских уже становящуюся пресловутой гуманитарностью, как раз самое что ни на есть полное цветение. Ежели вдруг заходит ныне разговор о той же гуманитарной науке, то исключительно о джитабельной (оцифрованной, значит) с ее компьютерной моторикой, оперативной и стратегической обработкой больших масс данных с адекватным-де моделированием реальности, вполне себе вольным образом через компьютерное же моделирование кем-то заблаговременно сконструированной. Так что уже нет места истинно-неистинной, но все-таки еще гуманитарности, то бишь знанию-незнанию, пусть и немало мифотворному, освоенному человеком, долгое историческое время казавшимся самому себе именно *человеком*, о *самом себе*, как и о *своем мире*, казавшимся тому же человеку долгое историческое время именно *человеческим*, аккурат нет места в современном... э-э... *конструкторе реальности*, как, собственно, и во все более обыскуствуваемом, скажем по-привычному, людском интеллекте, все более становящемся агрегативным компонентом в так называемом, скажем по-модному, *искусственном интеллекте* (или *разуме*), все более нависающем облакообразно над человечеством с вроде бы *его* (*его!*) Землей, будто бы призванном лишь служить человеку, да нет, совсем нет, мало что человек будет служить (и уже служит в меру утрачиваемых человеком своих божественно-природных способностей и творческих гуманитарных сил) техно-«интеллекту», представляющему собой целый мир сообразованных между собой электроннооцифрованнорешающих машин (устройств), так еще и сам человек станет (и уже становится) техноискусственным... э-э... да вот интеллектом ли?.. ну пусть пока еще интеллектом, но уже никаким не гуманитарным. Не надо создавать никаких железо-пластмассовых человекообразных роботов, сам человек охотно станет (и уже становится) роботом — таким пока вполне себе биоспиритороботом, причем вовсе не обязательно им станет и становится какая-то там сумма человек, вовсе нет, вполне

себе всякий из человек, даже и из рожденных еще в СССР, где когда-то гоняли взашей кибернетику с генетикой вкупе с кое-какой психологией, а чтобы убедиться в запущенной вскачь роботизации человека вообще, достаточно нам, остаточным гуманитариям, если уже не псевдогуманитариям, на самих себя повнимательнее взглянуть, как раз на всех и без особого исключения, на покорно, если не охотно, публикующихся в нужно-ненужных кому-то из мирового, да и из российского тож, закулисья обязательных-де изданиях, на гуманитариев, если уже не псевдогуманитариев, усердно ссылающихся на, а то и цитирующих, в своих скромных по размерам текстах до полусотни, если не более, предшественников (каких-таких в таком изобилии уникальных ученых-предшественников?!), непременно затем ожидающих сотен, если не тысяч, ссылок на себя и себя же цитирований от таких же откуда-то берущихся последующих ученых бедолаг-квазироботов, да и это еще не все, обязанных в своей научной работе исследовать и только исследовать, моделировать и только моделировать, математизировать и только математизировать, формализовывать и только формализовывать текущую иллюзорную реальность (или уж, на худой конец иллюзорно прошедшую или же иллюзорно будущую), причем «реальность», любезно подсовываемую «исследователям» тотально и не иллюзорно управляющим ими и всей псевдореальностью комплексом вполне себе айсбергового типа, то бишь по большой и главной доле закрытым, даже и тайным. Вот тебе и гуманитарность, да еще и научная-де, да еще и точная-де, ну и, само собой, чем-то, включая и «мани», щедро проплаченная. Отсюда каверзный вопрос: так пока лишь у обрыва *все-еще-гуманитарность* или, пардон, она уже «тама» — в отстойной нави, а то и в безотстойном небытии, а-а?! Да и была ли вообще когда-нибудь она, истинная-де гуманитарность?

Главный редактор

At the Precipice

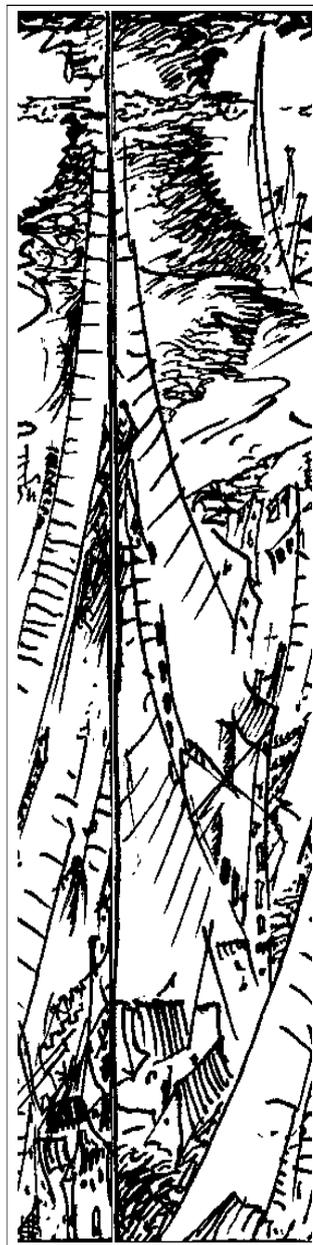
What is at the precipice? Nothing more than the scientific humanities themselves, right at the very precipice beyond which this humanities, if not complete non-existence then crap reality but digitized technotronics which replaces itself in the noosphere and in human heads that is already becoming notorious humanitarian, have just complete flowering. If suddenly now we talk about the same humanitarian science then we exclusively talk about digitized science with its computer motility, operational and strategic processing of big data with adequate modeling of reality, quite freely through computer modeling by someone in advance of constructed reality. So there is no longer a place for true and non true but still humanitarian, that is knowledge and not, albeit a lot of myth-making mastered by man, for a long historical time seemed to himself to be a human about himself, as well as about his world, who seemed to the same human for a long historical time precisely human, there is no place in the modern constructor of reality as, in fact, in more and more human intelligence increasingly becoming an aggregative component in the so-called, let's say, fashionable, artificial intelligence (or mind) increasingly overhanging cloud-like over humanity with seemingly his (his!) The Earth, called only to serve a human and not at all, a human will serve (and already serves to the extent that a human loses his divine and natural abilities and creative humanitarian forces) artificial intelligence which is a whole world of electronic machines (devices) co-educated among themselves, so also a human himself will become (and is already becoming) technoartificial, albeit still intelligence, but no longer humanitarian. No need to create any iron-plastic humanoid robots because a human himself will willingly become (and is already becoming) a robot, while it is quite a biorobot and it does not necessarily some amount of people becomes there but quite any of the people, even those who were born in the USSR where cybernetics, genetics with some kind of psychology were banished, but to make sure of the quickly launched of human robotization in general, it is enough for us, residual humanitarians if not pseudohumanitarians, take a closer look at themselves just on all and without special exception, dutifully if not willingly, published in needless to someone from the world, and from Russian too, backstages, essential publications, on humanitarians if no

longer pseudo-humanitarians, diligently referring and even quoting in their modest texts up to fifty if not more, predecessors (what such many unique scientific predecessors?!), certainly then expecting hundreds if not thousands, references to oneself and oneself quotations from the same subsequent poor fellow quasibots coming from somewhere and this is not all, obliged in their scientific work to investigate and investigate, simulate and simulate, mathematize and mathematize, formalize and formalize the current illusory reality (or, at worst, illusory past or illusory future), moreover, «reality» that is offered courtesy to «researchers» completely and not illusively controlling them and the entire pseudoreality complex like iceberg type that is, in a large and main share closed and even secret. This humanitarian and even scientific humanitarian and even accurate one and of course, something including money generously paid. Hence the tricky question: is this humanitarian only at the precipice so far or, pardon, is it already "there" in a crap reality or even in crap non-existence, eh?! And has it ever been a true humanitarian?

Editor-in-Chief

I

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Ю.М. ОСИПОВ

Софиасофия как инознание и как инонезнание*

Аннотация. Русская софийная философия конца XIX и XX вв. уделила пристальное внимание феномену Софии Премудрости Божией, разрабатывая ее философское приятие в русле *софиологии*. Автору данной статьи довелось в этом поучаствовать, доведя *софиологию* (философическое учение о Софии) до *софиасофии* (учения от Софии), подняв софийную философию до течения мысли, согласного с самой Софией и воспринимаемого человеком не так познавательного-рассудительно, как откровенчески. Впереди и в начале Соф́ия, а уж следом и потом человеческая со́фия, отчего и *софиасофия*! Отсюда и *ино*-(мета)-знание как восходящее непосредственно к Софии и от нее же непосредственно исходящее и *ино*-(мета)-не-знание как не просто незнание, которое можно со временем, пусть и не без труда, узнать, а как знание о софийном для человека незнании, с которым можно вообразительно и в меру оперировать, разгуливая по знаниевому полю, натываясь на неизвестные лагуны и непременно доходя до незнания как раз того самого — которое никогда нельзя в пределе человеку узнать.

Ключевые слова: София Премудрость Божия, софиология, софиасофия, русская софийная философия, философия, метафизика, философия хозяйства, знание, незнание, инознание, инонезнание, гуманитарность.

Abstract. Russian Sophia philosophy of the late XIX and XX centuries paid close attention to the phenomenon of Sophia the Wisdom developing its philosophical acceptance in line with sophiology. The au-

---

*Текст распространялся среди участников авторской конференции-презентации 22.06.2023.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Осипов Ю.М. Софиасофия как инознание и как инонезнание // Философия хозяйства. 2023. № 5. С. 13—33. DOI: 10.5281/zenodo.8416707.

thor had a chance to participate in this bringing sophiology (the philosophical doctrine of Sophia) to sophiasophy (doctrine of Sophia) raising Sophia philosophy to the trend of thought attributed to Sophia itself and perceived by a person not as cognitively and judiciously as revelationly. Sophia is ahead and at the beginning and then human sophia which is why sophiasophy! Hence the other metaknowledge as ascending directly to Sophia and from it directly emanating and the other metaignorance as not just ignorance which can be learned over time, albeit not without difficulty, but as knowledge of Sophia's ignorance for a person with whom we can imaginatively and moderately operate walking through a knowledge field stumbling upon unknown lagoons and certainly reaching ignorance of the very same which can never be recognized in the limit by a human.

Keywords: Sophia the Wisdom, sophiology, sophiasophy, Russian Sophia philosophy, philosophy, metaphysics, philosophy of economy, knowledge, ignorance, metaknowledge, metaignorance, humanitarianity.

УДК 111
ББК 65в

Какое счастье, что не все и не сразу
понимают Слово..!

Ю. Семенов

Победа, коли она вдруг в Слове случается,
бывает по обыкновению не с нами, а
за нами.

Новый Екклесиаст

Нам не дано предугадать, как Слово
наше отзовется.

Ф. Тютчев

Когда-то известный историк, литератор и публицист XIX в. М. Погодин записал в дневнике после заседания «кружка Любомудров», состоявшегося в доме у поэта Д. Веневитинова, где присутствовал и А. Пушкин: «Пушкин демонстрировал против немецкой

философии». Любопытная во всех отношениях запись, не правда ли? Русский поэт, не только не профессиональный философ, но даже не выпускник университета, однако самодостаточный мыслитель от Бога, до семи лет, кстати, не говоривший по-русски и в лицее прозывавшийся друзьями «французом», то бишь вполне себе русский европеец, выражал несогласие... нет, не с материализмом или тем же еще не явившимся на свет марксизмом, а... *вообще* против *всей* немецкой философии, включая и, как совсем недавно у нас говорили, ее идеалистическую, как уже стало принято говорить ныне, составляющую.

Думаю, что Пушкина не устраивала не так сама по себе немецкая философия (чего на просвещенном Просвещением евро-свете тогда не бывало!), как сам просвещенческий подход к восприятию реальности, не то что бывший слишком европейским, по сути-то и местническим, сколько принципиально... э-э... нет, не всего лишь ошибочным — этого мало!, а, ежели исходить из взглядов и творчества зрелого Пушкина, *неверным*, но не относительно чей-либо во что-то веры или какой-то еще сторонней идеологии, нет, не относительно вообще чьих-либо и где-то там идеократических представлений, включая и отечественные (говорил-то Пушкин среди русских-де «любомудров»!), а, надо полагать, относительно... *самой реальности*, что то же самое — человека, жизни, бытия, Мироздания, Бога, причем говорил, разумеется, не затрачивая всего этого из понятийно-категориального (Пушкин не был и не мог быть метафизическим начетчиком), а пытался, видно, сказать, что не в философии, включая и немецкую, дело-то, а в *Тайне* — ТАЙНЕ!, причем сразу всего вокруг, которую никакой не то что рассудочной философии, но даже и мифотварной религии не разгадать, как и вообще никакой откровенческой концептуальностью не заместить.

Сокровенное, хоть и приоткрывается откровению, но никаким откровенным вполне ведь не замещается!

Так ли именно размышлял демонстративный Пушкин или нет, мы наверняка не знаем, но более или менее представляя себе Пушкина как беспрецедентно-трансцендентное на русском словесно-смысловом небосклоне явление, вправе предположить, учитывая, что все русские мыслители-словесники, даже и считавшие себя западниками, даже и несчастные модернистские XX в. ниспроверга-

тели Пушкина, пытавшиеся сбросить его с «корабля современности», все они вышли из-под обмакнутого в чудодейственные чернила острия пушкинского пера, можно вполне достоверно утверждать, что Пушкин имел тогда в виду вовсе не логику бытия, а как раз... ее — логики — *отсутствие*, тем более в германо-европейско-философском образе, ибо, продолжая наше в том убеждение, для Пушкина тоже, к примеру, $2 \times 2 = 4$ было в хомо-социальной реальности не более чем частным случаем, а вот $2 \times 2 = \dots X$ — вполне себе адекватной для человеческого, да и вообще всякого бытия, алгоритмикой, а для нас — *металогической*, а для простоты восприятия — *логично-нелогичной*, как раз и диалектичной, сочетавшей в одном хомо-социальном бытийственном флаконе сразу полагание чего-либо и его же отрицание, вроде той же пирровой победы.

Пушкин, в отличие от тех же немецких философов и их русских последователей, ничего не выдумывал для хомо-социальной реальности из логического, закономерностного, механического, хотя, надо полагать, и не отрицал наличия всего подобного в окружающей реальности, конечно же, либо как сугубо частных случаев, либо же как навязываемой «неправильной»-де живой реальности «правильной»-де пруссаческой мертвечины: Пушкин видел насквозь хомо-социальную реальность, и не только, заметим, русскую, как бы и безалаберную, но и «ихнюю» — по-европейски-де правильную (немецкую, французскую, английскую, католическую, протестантскую, светскую, атеистическую, все одно!), хоть в Европе Пушкин ни разу не был, даже в Варшаве не был, не то что в Риге (да и зачем, коли он был... *Пушкин!*); а почему же все-таки он видел сложность, неопределенность, неуловимость бытия? — да все потому, что *сам был... целым бытием*, а выразить свое сакральное единение с бытием вообще мог не специализированно философски, а всего лишь свободно поэтически, хоть в стихах при этом, хоть в прозе, а главное — не столько словами отыскать и выразить, сколько почувствовать без слов и преподнести заслочно, то бишь молча, немотно, отчего и... *незнаю как*: ведически, волхвически, сказочно!

«*Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что!*» — факт, который не просто знал Пушкин из предковской мудрости, а который вполне признавался Пушкиным за истину, а по-нашему —

за *метадогматическую истину*, позволявшую не только увидеть реальность *иной* — не германо-философической, как минимум, но и незримо разглядеть прячущееся в реальности субстанциальное, хоть и спиритуальное, и эфирное, и эфемерное, и вообще никакое, *Иное*, как и неощутимо ощутить стоящую за реальностью и на нее непрерывно воздействующую хоть и не субстанциальную как *Иное*, а вполне себе и «пустую», следственно, совсем уж «никакую» *Неизвестность*, это уже как максимум!

Иное и Неизвестность!

Да, Пушкин об этом всем именно *так*, конечно, не говорил, как и об этом именно *так*, наверное, и не думал, да ведь не суть важно, что говорил и не говорил, что думал и не думал Пушкин, ибо тут важно, что думаем и говорим мы сами вослед Пушкину, находя поддержку и у многих других русских мыслителей — ментальных сынов Пушкина, отчего и наших воззренческих предшественников, таких как Вл. Соловьев, Н. Данилевский, К. Леонтьев, П. Флоренский, Н. Бердяев, С. Булгаков, И. Ильин, И. Солоневич, да и литераторов — Ф. Тютчева, Л. Толстого, Ф. Достоевского, И. Бунина, А. Блока, С. Есенина, А. Толстого, М. Булгакова, А. Платонова, И. Бабея, М. Шолохова.

Однако, заметим сразу, что именно *так* — *Иное и Неизвестность*, да еще и в *такой* их трактовке, вообще-то никто до нас и не говорил, во всяком случае, сие нам не известно, хотя известно другое — об этом заговорила в один прекрасный момент сама *Реальность*, разумеется, открывшись на тот момент достаточно подготовленному ее воспринимателю, довольно прошедшему через иные восприятия, ему загодя по возрасту, образованию и чтению данные, однако вполне его в связи с откровенческими перед его глазами и когнитивом событиями 1980—1990—2000-х гг. не устроившие и им как раз через посредство обращения напрямую к разверзшейся вдруг Реальности преодоленные.

Отчего же случилось так, как случилось?

Не так, знаете ли, по причине философии, как, не поверите, по интенциям... *хозяйства*, конечно же, открывшегося автору сего текста сначала как неоднозначное, страдное и страдательное *жизнеотправление* человека и всего живого на планете Земля, затем как *жизнеотправление* самой планеты Земля, как и ближайшего к ней

космоса, но — еще не все! — и всего, знаете ли, Мироздания, мало того, и Господа Бога тоже!

Мироздание, оно же и мирозидание, пусть и не без мироразрушения — *хозяйство*; планета Земля со своим космосом — *тоже*; реализация Бога-Творца с его человечеством — тоже ведь *хозяйство*; ну а реализация человечества вкупе с природой, планетой и ближним космосом, не говоря уж о Боге и том же Его противнике — дьяволе, само собой не что иное, как *хозяйство*.

Вся вокруг вообще Реальность — *хозяйство*, как и вся ирреальность тоже, а целью, или даже задачей, всего этого хозяйства является, о чем может судить человек, удержание Реальности как (в виде-образе) реальности, не без участия, конечно, ирреальности, что возможно, во-первых, в движении (движениях) Реальности, во-вторых, в ее изменении (изменениях), в-третьих, с частичными утратами Реальности и ее в себя притоками, в-четвертых, с рожденьями, наличествованием и смертями всего из реального, что как раз и означает присутствие в Реальности, рядом с нею и вокруг нее *Неизвестности* и *Иного*, когда первая, оборачиваясь *Вечностью*, позволяет Реальности *быть*, а второе, оборачиваясь *Временем*, ставляет Реальность *быть* непременно *динамичной, изменчивой и смертной*, однако и *возрождающейся, бытийствующей, экзистенцирующей*.

Неизвестность — потенциальный «материал» Реальности, Иное — действующий от Неизвестности аттрактор Реальности. То и другое трансцендентно, и человеку (сознанию) является как *незнаемое* прямо из сферы *Незнания*, однако, пронзая насквозь самого человека с его сознанием, позволяет человеку все-таки знать о наличии всего этого незнаемого и его непреходящем значении для Реальности вкупе с человеком и его сознанием, отчего и *хозяйственно мифологизировать* и *мифотворчески хозяйствовать*, созидавая *свое и только свое мифологизированное бытие*, пусть и походя принимаемое человеком за истинную реальность.

Да, человек хозяйствующий много чего знает — как же иначе хозяйствовать, следственно, и жить? Он трудится, творит, вытворяет, но и, вооруженный знаниями, *со-творяет*, участвуя и продолжая, как ему кажется и не кажется, Творение Божие, а может, он делает все это, покоряя, как ему кажется и не кажется, Природу, Землю,

Космос и в той или иной мере вопреки Божиему замыслу, немало ориентируясь, сознавая это или нет, и на интенции противника Божиего — *диавола*, — кто знает!, а что касается человека, то он, хоть достоверно ничего такого не зная — что из первого, что из второго, действует себе и действует, накапливая доступные ему эффективные знания, их со знанием хозяйственного дела применяя и применяя, чем и созидая свой — *очеловеченный* — мир, да не только выводя его из себя, но и из Природы, из Земли, из Космоса.

Не слабо, правда! А еще более не слабо то, что, хозяйствуя и творя, человек, вроде бы все для этого зная, не знает все-таки одного: а *что* — ЧТО! — он на самом-то деле в итоге творит, а ведь творение его, уже давненько вышедшее за пределы Природы, Земли, Космоса, сейчас выходит с судьбоносным увлечением человека «искусственным разумом» и за пределы *самого человека как человека*, вновь поставив сакраментальный вопрос о *природе и сути человека как человека*: в каком же из исторических типов человека больше всего человеческого — в неандертальце, кроманьонце, нынешнем «гуманоиде» или же в подступающем чипизированном «робб»?

Так или иначе, несмотря на свои великие познания и не менее великие деяния, человек, хозяйствуя и творя, действует если и не в полной знаниевой темноте, то уж и не на полном знаниевом свете, хоть и явно зная что-то, однако в лоне все-таки сакрального незнания, причем такого незнания, которое хоть и открывается человеку по мере и в меру его творческого хозяйствования, но не настолько, чтобы открыть человеку саму Тайну Мироздания, остающуюся человеку, несмотря на все его познания, действия и творения, совершенно в исходе и в главном не известной, что и подводит воодушевленного своим творческим хозяйственным энтузиазмом человека... нет, вовсе не к разгадке сей Великой Тайны, а всего лишь к... *неизбежному в таком разе столкновению хозяйствующего человека с этой Великой Тайной*, что то же самое — Известного с Неизвестным, Этого с Иным, Бытия с Небытием, Времени с Вечностью, а вот с каким исходом для человека и его хозяйства, то вряд ли стоит надеяться на какую-либо заманчивую для человека экзистенциальную альтернативу, кроме хозяйственного для человечества эсхатологического Конца!

Тут самое *оно* — ОНО! — заметить, что *творя* (именно *творя*, а не просто ведя) хозяйство, человек *творит* доступную ему реальность, включая и *самого себя*, не удовлетворившись данной ему Богом (Мирозданием) природной реальностью и вступив на путь порождения новой реальности, не только переделывая и преобразуя природу в пределах природы, но и выйдя за ее пределы, устремившись к *неприроде*, созидая *свой*, вполне уже человеческий, *искусственный мир*, не остановившись и перед *обыскуствованием самого себя*, а это означает, что человек взял на себя функцию не просто солидарного Богу вспомогательного творца, а и в полной мере суверенного из себя *Творца*, возникшего поначалу вроде бы не более чем участника и продолжателя Божиего Творения, а затем, что ясно демонстрирует евроцентрическая просвещенческая, а на самом-то деле богоотступническая и весьма просатаническая эпоха XVIII—XXI вв.

А теперь второе *оно* — ОНО!, как раз уже не так хозяйственно-деятельское, как *хозяйственно-осмыслительное*, обусловленное, с одной стороны, ясно обозначившимся новым функциональным образом человека как *неприродного* (или сверхприродного, при этом и антиприродного) *творца*, то бишь как уже *человека-нечеловека* (или даже *сверхчеловека*, при этом и *античеловека*), а с другой стороны — рождением в ментально-духовной (гуманитарной) сфере человеческой экзистенции наряду с мифологией, религией, философией как философией и наукой как наукой мало что нового, так ведь еще и... *иного* течения мысли, как раз и поименованного ***философией хозяйства***, что объясняется, с одной стороны, хозяйственно-творцовскими достижениями человека, мало что создавшего свою целостную реальность, так еще и рискованно-героически вышедшего за край данной ему и не воспринятой им как родной и вполне ему адекватной природной реальности (протореальности), а с другой — единственно возможным обращением на момент осмыслительного порыва человека в сторону своей хозяйственной миссии и ее тревожно-поразительных итогов к наиболее свободному от априорной аксиоматики, не говоря о догматике, течению и образу мысли — *философии*, однако не как к новому разделу собственно философии и не как к строго философической манере размышления и описания, что очень важно подчеркнуть, а как к *само-*

стному наряду с мифологией, религией, философией и наукой идейно-концептуальному потоку агрегативной (целостной, холической) мысли.

Может, философия хозяйства и частность, но большая, самодостаточная, стволовая частность, не игнорирующая никакие другие частности, хоть большие, хоть малые, частично и ими пользующаяся, но при этом и уважающая саму себя, идентификационно относя себя к *самостоятельному потоку и образу мысли*, не испытывая при этом никакого комплекса неполноценности: у философии хозяйства есть что сказать *своего* из знания-незнания, причем выходящего за пределы общепринятых потоков знания-незнания, соответственно — из какого-то *инознания-инонезнания*, не то что не бывшего ранее, а ежели и бывшего, то не скомпонованного в единое, особое, высокое знание, претендующее на *свое* понимание человека, жизни, Мироздания, даже и самого Господа Бога (хотя бы как сакрального хозяйствующего Субъекта-Творца), а критерием мало что особой особости и особой значимости, но и особой адекватности постигаемой и по-своему отражаемой мировой реальности-ирреальности у философии хозяйства напрямую и в целом служит не что иное, как *София Премудрость Божия* — этот сакральный первоисточник мудрости, позволяющий человеку судить обо всем его познавательно занимающем, во-первых, как *не о своем только*; во-вторых, со стороны *Великой Неизвестности* и с учетом *Иного*; в-третьих, с первенством софийной премудрости, что то же самое — в русле *софиасофии*, что как раз и означает, что философия хозяйства если и софия, то иная софия, чем собственно философия, это какая-то *ино-софия*, а точнее *софийная софия*, где главную смысло-откровенческую нагрузку несет не софия, а *софия* — СОФІЯ!, то бишь не так *от-человеческая*, как *вне-человеческая* мудрость, однако преломляющаяся в человеке и бытующая уже как и в чем-то человеческая *софия*, разумеется, как софия с маленькой буквы, а не с большой — как сакральная *София*!

Софиасофия!

Не будет сильным (и лишним!) преувеличением сказать, что *это* — ЭТО! — высшее на сей момент достижение вдохновенного свыше человеческого разума, точнее, сознания — и ежели с наукой и философией тут более или менее ясно — софиасофия их попросту

преодолевают, вовсе при этом не отрицая и не избегая, — то с богословием, или религиозным знанием-незнанием, у софиасофии несколько иные взаимоотношения — не так тут преодоление, и уж тем более не отрицание, как, если так можно выразиться, обход цементирующей богословие догматики, как раз тот самый обход, позволяющий, свободно вникая в текущую (протекшую, ныне текущую, возможную в будущем) реальность, *по-иному* судить о ней, исходя при этом *из нее самой* — *из реальности* — из РЕАЛЬНОСТИ!, избегая любую догматику и не избегая прямого и непрерывного погружения в реальность, которая не просто есть как есть, даже и как делаемая человеком (с умом и безумием, сознательно и бессознательно, лояльно и враждебно, альтруистически и с ненавистью), но и которая сама о себе и о человеке тоже «думает», пусть и по-другому, чем человек, вроде бы как стихийно-объективно, но ведь думает же — *думает!*, отвечая человеку позитивом, негативом, нейтралом, а то и ненавистью вперемежку с мстостью, а все почему?, — да всего лишь потому, что человек, влияющий на текущую реальность, не особенно задумывается над тем фактом, что в ней, этой текущей реальности, таится и действует информация ото всего сразу — от прошлого, настоящего и будущего; от локального, мирового и сверхмирового; от Бездны, Преисподней и Небес; от Иного, Неизвестности и Трансценденции, от Времени и Вечности, даже и от самой Вселенской Тайны, отчего взаимодействовать с реальностью — что с тигром в клетке, хоть в ржавой, хоть в золотой, играть, если не со Змием многоголовым прямо у него в логове «по-товарищески» общаться за званым обедом... бац!.. и вот оно — *Иное*, уже как *иное самой реальности*, да мало что *иное*, так ведь еще и *коварно-роковое иное* — кто из людей, не говоря уж о разного рода правителях, сего не испытал, а-а?

Вот потому-то и *софиасофия* — СОФИАСОФИЯ!, которая, конечно, не ответит раз и навсегда на «вечные вопросы», ибо и не должна этого делать, не имея на то полномочий от Софии и Господа Бога, не говоря о Мироздании, а вот подвести к благоразумию при *игре с реальностью* (а ведь тут, знаете ли, и в самом деле *игра* — на удачу с победой, на проигрыш с бедой, как и на вылет в тартарары тоже) софиасофия, не обремененная догматикой, но при этом обремененная сакральной *мерой* — МЕРОЙ!, все-таки может, что, кста-

ти, и всегда было свойственно действующим среди реальности носителям первопрестольной мудрости.

А что сегодня, что видит и что может сказать обогащенная софиасофией философия хозяйства, враз превратившись во мгновение всевидящего, мудрого и своевольного ока в *софиасофию хозяйства*?

Нет, конечно, не только то, что мир зёмный в кризисе и ломке; что мир зёмный ныне на экзистенциальном краю, может, и не на последнем, да не так от угрозы ядерного себя сноса, как от самопревращения в тотально-техногенный мир, захватывающий в себя и самого человека, обращая его в пока еще человекообразного, а затем и вполне себе электронно-механического, *технотроника*; что мир зёмный ныне уже мир без явного будущего — как наличествующей неперменности, и т. д., и т. п., нет, конечно, не только, вовсе не только это может ныне сказать философия хозяйства, она же и отныне *софиасофия хозяйства* — тут главное в другом, что как раз и может сказать сейчас вослед автору библейского «Апокалипсиса» и в унисон с первооткрывателем философии хозяйства и первоадептом ее софийности С.Н. Булгаковым только софиасофия хозяйства, правда, с условием признания ее как необходимой и неизбежной в глобальное технотронное время воззренческой неперменности с откатом вон высокомерного к ней презрения, как к мешающей ходу (бегу) человека в «светлое технотронное будущее» и самой что ни на есть опасной для главенствующего обыденного сознания и расцветшего обывательского благополучия ментально-прогностической угрозы.

О чем же речь?

Да не более и не менее, как о возможности, пусть и кажущейся призрачной... *преображения человека* еще в *Этом* — зёмном, нашем, человеческом — мире, а не в каком-то там *Ином*, хошь-не хошь, а все-таки не нашем, не человеческом, не полнокровном, даже не в телесном и не в вещном, не в природном — земляном, растительном, водяном, кремнистом, не в небесном.

Да, о *преображении* тут речь — ПРЕОБРАЖЕНИИ!

И не по чьему-либо на Земле хотению, а как раз совсем даже не по хотению — кроме, разве, по желанию Господа Бога! — а по *жесточайшей необходимости*, мало того, не чудесным вовсе обра-

зом, не «по шучьему велению», не сказочно, даже и не (тем более *не!*) по-научному, расчетному, программному, а в долгой ожесточенной и изматывающей борьбе, может, немало и случайно, казусно, вопреки, даже и чему-то назло, да и в борьбе не так с кем-то или с чем-нибудь внешним, а в борьбе с *самим же собою* и *своим же миром*, совершенно, знаете ли, вроде бы человеческим по происхождению и принадлежности, но вдруг обернувшимся против самого же человека и весьма уже античеловеческим по сути — как раз уже *антимиром*, основательно пораженным, включая и самого человека, самым что ни на есть реальным, а вовсе не мифотворным, не сказочным и даже не только теологически обоснованным **сатанизмом**.

Сатана — вовсе не только мифологический герой, а действующий в реальном человеческом мире реальный трансцендентный субъект, конечно, исходно не материальный, не организменный, не объектный, а идеальный, сознаниевый, ноосферный, который, реализуясь в продуцируемом самим же человеком *сатанизме*, есть дух, сила, энергия, еще и текст, образ, сюжет, а вовсе не только, как обычно кажется, призрак, тень, галлюцинация, нет, вовсе нет, он, как было выше замечено, вполне реален, разумеется, как воплощенный в реальность дух, включая и реальность самого человека, превращая споро вершащуюся вокруг людскую жизнь в *антилюдскую антижизнь (нежить)*, а самого человека в столь же споро вертящегося по антижизни (нежити) *античеловека*, даже вроде бы вполне еще человекоподобного, даже частенько напогляд чуть ли не благого, вроде бы вполне и человеческого, одним словом — *хорошего!*

Сатана с сатанизмом — феномен-событие вовсе не сегодняшнего дня, он-оно — не открытая вдруг явленность, однако вряд ли когда ранее *это все* имело столь великое в бытии человека значение, — аккурат, кстати, с высокомерным отрицанием сего феномена-события «прогрессивным-де-человечеством» и в момент победы, пусть и мнимо-пирровой, этого «прогрессивного-де-человечества» над Природой, Землей, Космосом, чуть ли и не над Мирозданием, не исключая и самого Бога-Творца!

Ежели Бога для человека нет, или же Он навсегда для него умер, то тогда есть *он* — *сатана*, берущий инициативу в свои руки,

осатанивая человека и обращая его мир в *сатанамир*, эвтаназийно их наконец-то в целом и осчастливливая.

Вообще сатана — вовсе не волосато-рогатый козел или свирепый бык, да и вообще не страшный зверь, хотя сии жуткие личины ему символически совсем и не чужды, даже по-своему для него и характеристичны — внутренне, конечно, а вот внешне сатана вполне себе человечлив, представляясь зачастую вполне себе благообразным, респектабельным, нередко по-своему и красивым... *человеком*, ибо как еще привлечь человеке и в него войти, прельстить его, соблазнить, завоевать, а попросту — *осатанить*, и самое эффективное у сатаны для сего дела подспорье — полная для человеке свобода в желаниях и поступках при полном его — человеке — эгоцентризме, когда все ему позволено и все ради удовлетворения его эго, а уж матблагополучие с комфортом, потребительскими излишествами, непрерывным зрелищно-игровым пиршеством и телесными утехами тут уж идут в придачу.

Да, себялюбие, да, вседозволенность, да, алчность, причем все это без ограничений, и вот уже на месте вроде бы человека — зверь, бес, нелюдь, пусть по виду и манерам вполне себе людское комильфо, однако... «Бог шельму таки метит!», а вот как же Он метит сходу *осатаневающих неофитов*... о-о... по-разному, конечно, но... непременно, а уж как конкретно... а что-о!.. разве ничего *такого* не видно, хоть у высших слоев, хоть у низших, хоть у средних — тут уж все одно?!

Сатанизм многолик, ловок, лукав, изворотлив, гибок, переливчат, блестящ, но при этом и стоек, и настойчив, и непреклонен, и последователен, и тверд.

Сегодня на повестке — *экстраординарная историко-экзистенциальная схватка человека (все-еще-человека, ежели он еще есть, а он все-таки еще есть!) с охватившим зёмный мир сатанизмом, чуть ли уже не чувствующим себя полным надо всем зёмным человечеством победителем*, а уж коли вдруг завязалась та же война улыбочивого Запада с давно очарованной тем же Западом Россией, как и встряло в повседневность противоборство не одного лишь Китая, а и почти всей незападнической части планеты со все еще круто агрессивным, пусть и выдыхающимся на своей длинной имперо-колониальной дистанции алчно-хищным Западом, да и

вспыхнула та же горячая война на Украине все того же Запада против все той же с РФ — лицом России, то ничего не остается неангажированному наблюдателю, как прийти лишь к одному возможно ныне генеральному выводу, что вся эта противоборческая общемировая коллизия как раз немало и обусловлена триумфально раскинувшимся по всему миру сатанизмом, воинственно кинувшим человечество на край Бытия и Времени и, соответственно, вызвавшим, пусть еще и не вполне осознанное человеком, сопротивление все-еще-человечества пересотворяющему его с нечеловеческим энтузиазмом сатанизму.

Да, на бытийной поверхности все выглядит как борьба уходящего Запада с остальным, при этом как раз восходящим, хоть и восходящим пока во многом по западному образцу миром; как борьба США вкупе с Великобританией за продление англосаксонского общемирового господства; как война Запада с вдруг ставшей ему непокорной и ему тем невольно угрожающей Россией; как всю готовящееся столкновение великодержавных, вполне себе и имперских, мировых игроков за лидерское преобладание на планете; как борьба назревшей многополярности с надоевшей всему миру заносчивой однополярностью; как геополитическая схватка «моря» и «суши»; как борьба за избавление мира от набившего оскомину евроамериканского имперо-колониального культуртрегерства, вполне уже и антикультурного, античеловеческого и антимировского, как раз и сатанинского; как и попросту борьба за ресурсы, за пространство, за саму жизнь, — да, это действительно все так, однако... однако тут надо иметь в виду кое-что из не очень бросающегося в глаза и в ум не то что обычному обывателю, каким бы он ни был умным, ловким и проницательным, а и нацеленному на понимание возникшей на планете необычно судьбоносной коллизии вполне себе подготовленному и опытному обозревателю-толкователю, какой бы гуманитарной аксиоматике с алгоритмикой он ни принадлежал, а именно, что коллизия сия, включая и ломку планетарного мира вкупе со всемирной войной, заметим, вообще-то уже *войной всех против всех*, возникла как единственно возможный ситуационный вариант вполне себе мучительного и жертвенного движения изрядно осатаненного и осатаневшего человека в борьбе с самим собой и своим же миром к чаемому софиасофией хозяйства

преображению — ПРЕОБРАЖЕНИЮ!, да не просто чаемому, а и рассматриваемому софиасофией хозяйства реально возможным — как раз на ментально-проективных путях, пролагаемых этой самой софиасофией хозяйства, разумеется, движения не без разноплановой и многосторонней драки, через нее, а ежели повезет, то уж и по ее звездным итогам.

Война всех против всех, ныне захватывающая так или иначе весь планетарный мир, *пришла* (да-да, именно так: *пришла*, хоть и была субъектно и событийно накликаема и развязана), причем пришла более *сама*, чем по чьей-то злой воле, хоть и не без этого, ибо она ведь давненько уже просилась в реальность, мало того, требовалась и самой реальностью, а главное, пришла как средство не просто очередного перестроения и переделки зёмного мира-бытия, но и какой-то *существенной перемены* — ПЕРЕМЕНЫ! — в человеке и в человечестве, их не более и не менее как, повторим, *преображения* — ПРЕОБРАЖЕНИЯ!

Такое преобразование, как видится софиасофии хозяйства, ежели свершится, то уже за пределами того, что мы привычно называем Бытием-Историей, оно реально возможно уже только там — «За», то бишь *за* бытием-историей, каким мы его себе представляем, — и будучи войной человека, человечества и человеческого мира с самими собою — как раз с достаточно уже *осатанелыми*, — война, вершась оттого немало и *по-сатанински* (особенно изощренно, но при этом и особенно в интеллектуально-культурном отношении пошло, даже и глупо), призвана, освобождая мир, еще человеческий по номиналу и уже античеловеческий по сути, от намертво захватившего его сатанизма, обеспечить и страдно-страдательное ПРЕОБРАЖЕНИЕ, о котором здесь речь, без возврата при этом к протекавшему и текущему до сих пор бытию-истории, что, кстати, всего труднее осознать, не прибегая к *инознанию* и *инонезнанию*, присущим *софиасофии хозяйства*, когда «Знаем, что не знаем, но при этом все-таки *что-то* да знаем!».

Да, тут не что иное, как *софиалектика*, мало что *полилектика*, преодолевающая диалектику, выходя на больший познавательный простор и оперируя с нарочито не систематизированными (открытыми, неопределенными, стохастическими, переменчивыми, многообразными) *целостностями*, так еще и некая *запредельная*

лектика», оперирующая, а еще более пронизательно вглядывающаяся в *Незнаемое* — *Иное* и *Неизвестное*, вовлекая в сие *мучительное переживание* (а чего-то иного, чем такое вот переживание, здесь и быть не может!) *все наличное и безналичное сразу*: человека, зёмный мир, Софию, Бога, Мироздание, Вселенную!

На повестке сегодняшнего, завтрашнего и любого последующего бытийно-исторического (как и *за-бытийно-исторического*) дня не какое-нибудь всего лишь выживательно-производственно-потребительное, не имеющее к тому же мирозданческой меры хозяйство, а самое что ни на есть *софийное хозяйство*, чтущее мирозданческую меру и ведущееся как раз по-софийному софийно же преображенным человеком — *новым человеком*!

Возможно ли *такое*?!

Само по себе или по людскому уму — нет, такое никак не возможно, а вот посредством *софийной*, знаете ли, *войны* да не менее *софийной*, пожалуй что, *катастрофы* — вполне и возможно!

Почему же все тут именно вот *так*?

Так ведь бороться-то людям надо не так с *себе подобными*, хоть это и надо и чего, увы, не избежать, как... э-эх!.. бороться надо с *самими собою* и *своим же миром*, «тока-тока» вроде бы добытым в удовлетворение современникам трудом, потом, творчеством, кровью ушедших поколений и поколений, как раз уже миром основательно и рискованно обыскусственным, вполне уже и невозвратным, однако это не все — бороться еще надо с разогнавшимся вовсе не на шутку сатаногенным «*разображением*» человека и его мира, их окончательного превращения в свои окончательно сатанические антиподы, и, что самое главное, не птясь при этом назад, даже и в XIX в. — в классику хомо-экзистенциальных жанров, что, кстати, частично удалось, да и то на историческое мгновение, Сталину со своим сталинизмом, а продвигаясь Вперед в дебри Иного и в сельву Неизвестности, короче, совершить что-то явно Необходимое и в то же время явно Невозможное!

Преображение, о котором речь, просто так не дастся, как и само себе оно не придет, однако кое-какое Слово-Предтеча от все-еще-человека тут кое-что да значит, хотя бы как сингулярного пошиба идеальный отправной пункт или ментальный целевой ориентир, а вот *что* в итоге и в целом станется столь же неведомо, как и

многое из ныне вокруг бытующего, как из бытовавшего ранее, а ведь в том, что есть сегодня и что было прежде, как же много есть и было того, чего вовсе не есть сегодня и никогда не было прежде!

Знание тут переплетается с незнанием, однако не просто с пока будто бы неузнанным незнанием, а с субстанциальным незнанием, восходящим к Иному и Великой Неизвестности, чего и знать землянину не положено, однако без присутствия чего среди и вокруг сознания, ноосферы и памяти никакого сознания, никакой ноосферы и никакой памяти попросту и быть не может, — вот тут какая выходит вещая загогулина, как и вылезает воистину вселенский парадокс!

Хозяйство для человека — его жизнеотправление, исключая внутриорганизменный физиологический процесс, что означает, что и жизнеотправление человека есть его хозяйство, а следственно, и сам человек есть не что иное, как *хозяйство*. Человек ведет хозяйство и самого себя посредством знаниевой ему известности, однако в окутывающей сию известность глобальной неизвестности, а потому и с постоянным учетом всей этой неизвестности, причем не только как шаг за шагом преодолеваемой познанием и действием, но и как *абсолютной неизвестности* тоже, отчего хозяйство ведется хоть и не в крошечной незнаниевой тьме, но и не на полном знанием свете.

Ведя хозяйство и самого себя по волнообразной, прерывной и витиеватой дороге жизни-нежизни по направлению *от природы к неприроде*, человек, все более и более что-то зная, все более при этом выходит на абсолютную неизвестность и все более вынужден иметь с ней дело, пусть и не особенно это осознавая, а в настоящее — XX—XXI вв. — время он — человек — уже в явном с этой непоколебимой неизвестностью в хозяйственно-экзистенциальном *конflikте*, из которого человек прогрессивный намерен-таки выйти победителем посредством созданного им *искусственного мира* и передачей его в ведение напористо ныне создаваемого уже немало обыскусственным homo sapiens вполне уже и всеохватывающего *искусственного разума*, который, заметим особо, как раз и станет заместителем всего внеприродно-сакрального, как раз и предстоящего перед человеком хозяйствующим со стороны величественной Неизвестности, что-де означает, что с непокорной неизвестностью

для человека прогрессивного будет тем самым навсегда и покончено!

Вот она, главная хозяйственно-экзистенциальная коллизия подступающей реальности, выражающаяся в эсхатологической по напряжению и потенции онтологической схватке исходно природного (божественного, софийного) и выходно искусственного (человеческого, сатанического) миров, однако схватка с открытым конечным результатом, о котором современнику и сказать-то по сути нечего: беременное глобальной античеловеческой катастрофой, завершающей сакральный суперпроект «ПРИРОДА, ЗЕМЛЯ, ЧЕЛОВЕК», вполне уже технотроническое грядущее все само и решит, правда, ежели ничто из сакрального Иного в сие надвигающееся грядущее ему наперекор споро не помешает, используя, в частности, своего непредсказуемого носителя-агента — *глубинную первородную Россию*, способную на непредвиденные переменские кульбиты, включая, заметим, и трансгрессивные!

Не то что линейная, а прямо-таки черт не знает какая конфигурация экзистенциально-хозяйственного пути бытийно-исторического зёмно-космического феномена, обобщенно, хоть все и не определено, именуемого Россией (а *что* и в самом-то деле есть Россия, а-а, кто ответит?), показывает, что Россия, или *то*, что походя называется *Россией*, способна не просто на крупную бытийно-историческую импровизацию, но и, как было выше замечено, на почти что любой трансгрессивный кульбит, включающий и рискованный для себя и мира момент самоотрицания — вплоть до вовсе не кажущейся самопогибели, однако с непременным самовозвратом к себе самой, но, заметим, в существенно, а не только формально измененном виде.

России почему-то мало бывает эволюционных перемен (да и каких, зачем, куда?), она предпочитает не слишком того, быть может, и желая, резкие, расчищающие бытийную площадку, открывающие путь для какого-то неизвестного нового и раздвигающие тем самым экзистенциально-хозяйственные горизонты, сломы и резкие, как раз и вызывающие во многом неизвестную новизну, скачки, причем поначалу с прыжком круто и далеко от себя, а потом уже с возвратным прыжком к себе, но уже к новой России, ранее незнамо

и какой, а в итоге к той, которая через посредство туда-сюда кульбитов сама собой и является.

Здесь сказывается не только феноменальное своеобразие России как безумной непредсказуемости, но и ноуменальная особенность России как страждущего незёмной необыкновенности в полном смысле слова фантастического *иноявления* — ИНОЯВЛЕНИЯ!, чего не выразить никакими словами, даже столь вроде бы ясными, как безумие, сумасшествие, бессознание, хоть и без слов этих никому из знатоков всего и вся бывает никак тут не обойтись.

Да, Россия и в самом деле *не от мира сего*, отчего и не вписывается она ни в какие сиюмирные экзистенциально-хозяйственные алгоритмы, не говоря уже об умозрительных, даже и самых что ни на есть добросовестных, конструктах, отчего, кстати, доброхотные соотечественники, в особенности, нынешние, никак для России не найдут подходящей и вполне, по их мнению, правильной идеологии, что, собственно, и понятно, ибо Россия — *сама-себе-идеология*, и в никакой надуманной, даже и бодро патриотической, идеологии она не нуждается, а ежели в чем она и нуждается, то лишь в сердечном себя признании, причем как немало во *внебытийно-внеисторическом*, то бишь и как много в *иномирном* — ИНОМИРНОМ!, факте, что сделать совсем не просто, а лишь веря в Россию как в *первую для всякого русского и для него же последнюю веру!*

Да, верить в Россию совсем не просто, куда как легче в нее не верить, а еще привлекательнее, как говаривали в пушкинские времена, *бежать России*, либо прямо из нее убежать, аки из ада, конечно же, в иноземный рай, где как будто бы теплее, удобнее, покойнее, даже и человечнее; либо прячась понадежнее в псевдорайском мирке в гуще фундаментально чуждой России; либо в ней не без проблем экзистенцировать протестно, желая России нероссийских перемен, за них и борясь; либо, уже на крайний случай, обернуться прямо против России, ее откровенно, при этом, разумеется, скрытно, предавая, а уж кому ее предавать, это-то всегда найдется, ибо правильных врагов у России, неправильно занимающей огромное жизненное пространство, причем прямо в Этом, а не в Ином, мире, предостаточно, не то что союзников, которых попросту нет, кроме, как известно, своей армии, своего флота, а теперь вот и своих ВКС.

И вот она — война — ВОЙНА!

Как ни крути, а война-то хоть и всемирная, пусть еще и не тотально горячая, а на острие-то войны как раз... *Россия* — РОССИЯ!, которую надо бы если не уничтожить насовсем, то хотя бы подмять, унижить, захватить, ну и за счет России поживиться, напитавшись ее ресурсами, живительными соками и кровью.

Да, вся эта глобальная война — что всемирная (Запада против незападного мира, Востока и Юга против Запада, англосаксов против неанглосаксов, неанглосаксов против англосаксов, в общем — *всех против всех!*), что конкретная война против России и России в ответ за себя — тут в общем-то все ныне едино! — война давненько уже просилась перейти из повседневно-латентной и конкурентно-соревновательной в явную, уже особенно и нескрываемую, вполне себе «взрывчатую» войну, которая должна вроде бы окончательно уничтожить один планетарный мир, ее — войну — и породивший — *евроамерикоцентричный*, он же экономический, имперо-колониальный, хищный, но при этом еще и просвещенческий, гуманитарный, научно-технический, все еще природно-естественный, даже еще и реальный, и как бы утвердить *другой мир*, уже вчерне повсюду нарисовавшийся, — скорее, правда, пока более как потенция, чем свершившийся факт, однако о-очень заявочная на реальность потенция! — как раз *пост-человеческий пост-мир* — техноцентрический, технотроннототальный, не(сверх)природный, обыскуственный, не(а)социальный, не(а)гуманитарный, однообразно глобализированный, тотально виртуализированный, массообразный, со споро сокращающимся населением, электронно-механический, дезо(а)культуренный, упрощенный, бес(а)смысленный, пустой, однако у сей своеобразной, не просто мировой, а более всего мировой, то бишь мировой войны против *этого* мира за какой-то *другой* мир, но, тут уж мы помечаем, все-таки за... *новый человеческий (и земно-космический) мир*... нет, не за социализм-коммунизм, хоть это и кажется кому-то не просто необходимым, но и возможным, как и не просто возможным, но и необходимым, а... за какой-то и в самом деле *иной мир*, как раз корреспондентный *преображению человека в какого-то нового человека, а человечества в какое-то новое человечество*, пусть и преобразования тяжкого, жертвенного, кровавого, на путь которого, как кажет-

ся, и брошено всем зёмным бытием-историей, а может, и небесно-софийным покровительством тоже, из ряда зёмного вон выходящая и так сильно этот мир смущающая, если невольно не задевающая и даже не отвергающая ныне, как и столетие назад, вполне себе первопрородческая по назначению и, как тысячи лет назад, сакральная по предназначению Россия.

Мечты, мечты!

Но ведь и реалии тоже, отчего, может, и не стопроцентная уверенность, но и не безосновательная надежда на *то*, что Россия, жертвуя, но не пожертвовав собой, вырвется из объятий сатанической современности, станет *самою собою*, разумеется, вполне себе уже *иной Россией*, предложив и миру, ничего ему не навязывая, иное *жизнеотправление*: *Иное* в лице России должно-таки сойтись с сакральным *Иным*, что как раз и обеспечит возможность какого-то *иного* на Земле бытия, а иначе... э-э... не стоит об *этом* даже говорить!

Что-то да будет, как раз то, что явно предпочтительнее мертвого на Земле безмолвия!

В.К. КОРОЛЕВ

Искусственный интеллект как «Иное»: к постановке проблемы*

Аннотация. Автор обращается к искусственному интеллекту (ИИ) как объекту философского рассмотрения. Он презентуется не только как усиление компьютером «мозговой» деятельности для решения все более сложных креативных задач, но и в потенциале его гуманитарной «субъективизации». В целях такого осмысления представлений об ИИ в эссеистской форме предложена гипотеза о возможности и перспективности его трактовки как «ипостаси» «осиповского» «Иного» относительно Человека. Поставлена про-

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Королев В.К. Искусственный интеллект как «Иное»: к постановке проблемы // Философия хозяйства. 2023. № 5. С. 33—47. DOI: 10.5281/zenodo.8416697.

блема потенциала развития («сильного») ИИ как такого «Иного» в его переходе к «Иному-Иного» — (андроидно) «постчеловеческому» или даже «античеловеческому», как (за)(под)(от)мене Человека. Даны возможные модели и варианты такого развития. Сделано предположение, что ИИ дает перспективу новой структуры гуманитарного Бытия — «Человек — Иное — Иное-Иного».

Ключевые слова: интеллект, искусственный, Иное, метавселенная, Иное-Иного, Человек, андроид.

Abstract. The author turns to artificial intelligence (AI) as an object of philosophical consideration. It is presented not only as a computer amplification of «brain» activity to solve increasingly complex creative problems, but also in the potential of its humanitarian «subjectivization». In order to understand the ideas about AI in an essayist form, a hypothesis has been proposed about the possibility and prospects of its interpretation as the «hypostasis» of «Osipovsky» «Other» regarding Man. The problem of the development potential of («strong») AI as such «Other» in its transition to «Other-Other» — (android) «post-human» or even «anti-human,» as (for) (under) (from) Man, has been posed. Possible models and options for such development are given. It has been suggested that AI gives the prospect of a new structure of humanitarian Genesis — «Man — Other — Other-Other».

Keywords: intelligence, artificial, Other, Metaverse, Other-Other, person, android.

УДК 304.9
ББК 60.50.1

Становится все более очевидным, что самой по-настоящему экзистенциальной проблемой современности является проблема искусственного интеллекта (ИИ) как результата научно-технического прогресса. В ее рассмотрении в 2023 г. состоялись весьма знаменательные события — шанхайская Всемирная конференция по искусственному интеллекту (WAIC), многочисленные тематические мероприятия по этой проблематике, прежде всего в США и Китае; «Большая семерка» запустила «Хиросимский процесс ИИ» — форум, посвященный проблемам управления им.

Об актуальности проблематики ИИ свидетельствует то обстоятельство, что указом Президента РФ (№ 490 от 10 октября 2019 г.) была утверждена «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.» и федеральный проект «Искусственный интеллект» (его Президент ставит на высочайший уровень — советского атомного проекта); работает Российская ассоциация ИИ, ее Летняя школа прошла в ЮФУ в июле 2023 г.

В качестве некой пропедевтики нужно отметить следующее. Во-первых, интеллект трактуется как креативная деятельность Разума — познание, обеспечивающее выход в новое знание — умение *думать*, тогда как Рассудок работает со знанием имеющимся — умение *знать*; (интеллект — тесты IQ выявляют не знания, а способности (раз)мышления). Во-вторых, интеллект рассматривается вне его множественности, как *родовая* характеристика Человека, без возрастных, гендерных, расовых, профессиональных и др. его видов. В-третьих, то, что сейчас называют ИИ, имеет большую предысторию — научную, художественную и даже практическую. В-четвертых, в ней обнаруживается «дуализм» ИИ в разных его формах: «плюсы» — облегчение жизни людей, «минусы» — опасность потенциала замещения Человека, его злоупотребления ИИ. Наконец, в пятых — слово «искусственный» имеет смысл не только как «сделанный наподобие подлинного», но и как «притворный».

Первыми, пожалуй, на эту дуальную негативность обратили внимание художники: в частности, прообразом ИИ как суперкомпьютера, тотально определяющего своими «цифровыми скрижалями» всю (вплоть до сексуальной) жизнь людей, можно рассматривать стеклянно-электрический ИНТЕГРАЛ из замятинской антиутопии «Мы» (1923). Это побуждает необходимость рассмотрения баланса плюсов и минусов в развитии ИИ.

Собственно он начал разрабатываться с середины XX в. в качестве компьютерного дополнения работы (мозга) человека для ускорения обработки быстро растущего объема информации. В дальнейшем, по мере развития компьютерных технологий, на ИИ все более пытаются возложить когнитивно-креативные функции. Он разрабатывается и как программная «начинка» роботов — умных машин, облегчающих жизнь человека, но имеющих перспективу его более совершенной «аналогизации». Прогнозируя это как

опасность, А. Азимов сформулировал первое табу робототехники — невозможность робота причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы ему был причинен вред [2]. (Позже Азимов заменил «человека» на «человечество» и назвал этот закон не первым, а нулевым.)

По ИИ существует большая иностранная литература, есть много его презентаций. Обобщенно отметим, что в ней понятие «artificial intelligence» — (AI) относится к широкой области исследований по созданию компьютерных систем, способных быть «продвинутым» аналогом деятельности (мозга) человека и даже его самого. Занимаются этим главным образом математики, кибернетики, программисты, системщики, нейробиологи, психологи и др.; есть и немало работ по (требующим отдельного рассмотрения) социально-политическим аспектам его применения и развития.

В отечественной литературе проблематика ИИ не имеет сравнительных с западными традиций; ею занимаются все те же кибернетики, компьютерщики — программисты, различные IT-шники, специалисты по цифровизации, ее приложениям и т. п. Разумеется, здесь нет необходимости говорить об их технологических разработках (всех этих «нейросетях» и «глубоком обучении», «нечетких системах и эволюционных вычислениях», «инженерии знаний», «экспертных системах», «NLP и предикативной аналитике», «Computer Vision», чат-ботах и др.), нам интересно *гуманитарное* осмысление феномена ИИ. Прежде всего, в этом можно отметить публикации А.Н. Аверкина, М.Г. Гаазе-Рапопорта, Д.А. Поспелова [1], Е.И. Аксеновой [16], Г.Н. Волкова [4], А.В. Гаврилова [5], К.Е. Левитина [3], Н.Ю. Носова, М.Д. Соколова [8], Ю.М. Осипова [11], О.О. Самоновой, Е.А. Фокиной [13], Д.С. Синявина [14] и др; в публицистике активно пропагандируют проблематику ИИ Ф.И. Гиренок, Е.А. Ларина, В.Н. Овчинский. Но при всей своей значимости, эти публикации, формируя проблематику, перспективы рассмотрения ИИ, не претендуют на (искомый) целостный, парадигмальный характер такого осмысления,

Принято различать две его трактовки. «Слабый (Weak AI) — направление в IT, целью которого является обработка с помощью специализированных компьютерных программ огромных объемов информации из данных в разных местах, а также решение конкретных

практических задач — диагностики в медицине, управления информацией, создания электронных торговых платформ, алгоритмов финансовой деятельности, обучении, праве, филологии, военном деле и т. д. Вместе с этим, такой ИИ призван выполнять «скучную» работу, чтобы люди могли сосредоточиться на более интересной, творческой.

«Сильный» ИИ (Strong AI) принято трактовать как свойство компьютерной системы выполнять креативные функции человека, общение с которой не отличается от общения с ним. Ученые занимаются созданием все более мощных компьютерных «умов», возможности которых даже сами разработчики подчас не могут представить. Тем не менее, крупные технологические компании активно занимаются таким ИИ. И он уже демонстрирует способности «саморазвития» — продвинутые компьютеры не только ведут заданную, но и начинают претендовать на свою самостоятельную — межкомпьютерную — жизнь, в частности — вступать в несанкционированные «создателем» контакты с другими ИИ и даже пытаются «редактировать» свои программы, что формирует тенденцию их самосовершенствования, самоуправления, возможности «субъектности» межкомпьютерных отношений, которым Человек будет только мешать своими попытками установить контроль над ИИ. А значит, высока вероятность его вывода о ненужности Человека, что рождает опасения относительно такого развития ИИ. (В Сан-Франциско создан «Музей рассогласования», представляющий постапокалиптический мир, в котором ИИ, уже уничтожив большую часть человечества, понял, что это плохо, и создал этот музей как памятник ему, как извинения перед оставшимися людьми.) Готовится Закон ЕС об ИИ, предусматривающий создание глобального органа по надзору за его регулированием.

Бурным развитием ИИ озабочены не только политики и футурологи-алармисты, лидер научного бизнеса И. Маск, вместе с ним — известные ученые С. Возняк, С. Хокинг и др. предложили приостановить эту работу. (Прецеденты есть — вспомним сложные судьбы генетики, бионики, евгеники.) Да и (христианская) Церковь призывает с осторожностью относиться к ИИ, серьезно озабочена («не навреди») этическими рисками его развития. (Еще Святой Василий Великий предупреждал: «Ад невозможно сделать привлекательным, поэтому дьявол делает привлекательной дорогу туда».)

В статье (далее) нам интересен именно Strong AI: в его разработках доминирует технологическое рассмотрение проблематики, тогда как гуманитарное, анонсированное сказочниками, писателями-фантастами, кинорежиссерами остается на втором плане. Сама жизнь подсказывает, что развитие такого ИИ нуждается в специальном *междисциплинарном* — философско-культурологическом — понимании и изучении: как его объект, он интересен потенциалом своей «субъектности» в будущем человечества. В качестве гипотезы полагаю, что ИИ может перспективно рассматриваться в методологии Иного, фундаментальное теоретико-методологическое обоснование которого (как не просто оригинального учения, но и как пророческого знания) дал отец-основатель современной философии хозяйства Ю.М. Осипов (далее — Ю.М.).

Попробую обосновать эту гипотезу. В литературе имеется аналитическое рассмотрение осиповского Иного, отмечена его многогранность (по крайней мере — выделены семь «ипостасей») [6]. Главное в Ином — *неопределенность* его содержания, в которой могут «прорасти» любые феномены бытия и сознания как ипостаси Иного. (Weak AI не может претендовать на это, ибо он уже достаточно определен своими практическими презентациями.) Такая его трактовка представляется приоритетно перспективной в рассмотрении ИИ: он может выступать как воплощение Иного в качестве нового элемента структуры человеческого Бытия. Такой подход (как ленинское определение материи) позволяет осмыслить феномен ИИ в его развитии, не связываясь с конкретными состояниями и не боясь перспектив его изменений в будущем. Кроме того, в этой методологии нет необходимости анализа «*коннекционизма*» — междисциплинарного учения, претендующего на генеральное осмысление ИИ в проблематике нейросетей — компьютерных программ, работающих как человеческий мозг, но с нейронами — цифровыми аналогами «натуральных».

Истоки своего Иного Ю.М. видит во взаимодействии бытия и загадочного, темного небытия, которое «...оказывается, оно еще и *ино-бытие*, “X”-бытие, которого вроде бы нет, но которое все-таки... *есть!*» [12, 38]. В методологическом плане это предписывает Человеку интригующий путь познания Иного, «азимут» которого метко представлен в русском фольклоре: «Пойди туда — не знаю

куда, принеси то — не знаю что» [15]. (Примечательно, что герои сказок всегда находят Его. А мы чем хуже? Надо пробовать!)

У Ю.М. горизонт такого пути представляется как неизвестная потенция мира: это вполне работает для ИИ, бурно развивающегося с проблематичной перспективой. Вместе с этим, в онтологическом плане Иное представляет неизвестность, «отсвечивающую» некими бытийно-ментальными состояниями наличного: оно не является чем-то «запредельным», идеалом или утопией, а выступает как выход в новое бытие и знание из него. Это имеет тенденцию актуализации: Ю.М. пророчески заявляет, что «пора передавать историческую... эстафету какому-то другому миру — весьма уже *иному*, способному заново утвердить человека, человечество...» [10, 522].

Полагаем — реалии и перспективы («сильного») ИИ вполне адекватны этому пророчеству. В обоснование этого приведем ряд положений. Прежде всего, тут важен вопрос: относительно чего ИИ является Иным? Очевидно, что относительно Человека, ибо только он, по определению, имеет то, что называется интеллектом. Введением в мир ИИ как Иного, его наличной предпосылкой можно рассматривать так называемую «Метавселенную» — «параллельную» миру реальной культуры виртуальную квазиреальность продвинутого интернета с его «переформатированием» бытия. Это, очевидно, знаменует «осиповское» формирование «техноинфонетосферы» — некоего виртуального сверхмира, который есть профаническое значение «иноного» [12, 178]. В своей первой презентации — фантаста Н. Стивенсона (роман «Snow Crash», 1992) — Метавселенная представлялась как утопический цифровой мир, объединяющий физическую и виртуальную реальности; кроме того, она была представлена в фильме «Матрица» (1999). Своим «освобождением» озабоченной жизнью человека от бремени проблем реальности Метавселенная выступает виртуальным убежищем, в котором люди могут прятаться от них (в виде аватаров) и делать все, что и в реальном мире, но так, как хочется, но не получается в нем. Это выступает реализацией «осиповской» установки о важности онтологического восприятия реальности, ее соответствующего отображения, позволяющего «...создать... собственную воображительную словесно-категориальную конструкцию, не имеющую прямого адекват в

окружающей реальности, но способную предложить собственную... ирреальность как иную реальность» [10, 30].

По авторитетному мнению М. Цукерберга, Метавселенная сейчас — это мир киберпространства (прежде всего — компьютерных игр), открытый для авторов, которые не пассивно просматривают контент, а находятся в нем, могут переходить из одного мира в другой, охватывать всю «индустрию» жизни, вплоть до физического присутствия друг друга. (Два года назад женщина-тестировщик известной IT-компании заявила, что в социальной среде «Horizon Worlds» ее аватар нагло «ощупал» незнакомца.) Если экстраполировать это в (недалекое?) будущее, то мы и получаем упомянутую «матрицу»: надев шлем компьютерно-цифровой виртуальной «квазиреальности», человек попадает в огромную симуляцию, что рождает разрушительную для уультуры мысль: зачем вообще человеку строить ее, если можно, образно говоря, подключив голову к компьютеру, с удовольствием жить в этой метавселенной квазиреальности, комфортно конструируя ее «под себя»?

Это вполне можно рассматривать как презентацию осиповского пророчества: уже в современных цифровых реалиях «...человек смог, создавая все более сложный, масштабный и целостный *искусственный мир*, обеспечить вырыв в некое *иное бытие*, пусть пока еще и земное, ...но все-таки уже не кем-то человеку данное, а человеком взятое, им самим созданное, *свое*» [12, 81—82]. Пока Метавселенная сохраняет Человека как субъекта культуры: в ней Человек живет не только умственной (интеллектуально-игровой), а и чувственно-эмоциональной жизнью. Но быстрое развитие ИИ ставит экзистенциальный вопрос: можно ли говорить о его движении к «переформатированию» Человека? И тут Ю.М. пророчески заявляет — в современном обществе назревает человеческий *трансгрессивный демиургизм*, устремленный «...к Иному, и в Иное, а по сути-то — в неизвестность» [12, 96].

Можно предложить следующую *схему* такой «инойности» ИИ с двумя моделями развития. Первая модель — «чистая» имитация (или развитие на собственной основе) когнитивно-креативных способностей разума Человека некими думающими «машинами», замещающими своими компьютерными программами мозг в нужных ему сферах деятельности, не деформированными грузом челове-

ской иррациональности, но и принципиально не отключающими ее. В такой модели о задаче «вочеловечивания» ИИ речь еще не идет. (Фантасты давно прогнозировали эту ситуацию: в рассказе Р. Шекли «Робот, который был похож на меня» (1973) роботы-двойники героев — молодых мужчины и женщины, не желающих тратить время на «конфетно-букетный» период, выполняя задание первичного знакомства влюбляются друг в друга, что не заложено в их программах, и без ведома своих создателей начинают независимую от них жизнь, наслаждаются ею. И что остается делать их «оригиналам» — молодым людям?)

Напомним — в своем субъектном качестве Человек — существо не только (не столько?) интеллектуально-мыслящее, но и имеющее чувственно-эмоциональную, иррациональную сферу, которую Метавселенная эксплуатирует (в частности — в компьютерных играх). Ю.М. подчеркивает, что разум может быть и постоянно сталкивающимся с «...то ли разумной неразумностью человека разумного..., то ли, наоборот, с его неразумной разумностью» [7, 133]). Это дает человеку его «натуральный» потенциал «мерзкого создания», претендующего на различение Добра и Зла. Как на это может реагировать ИИ? Важно не столько то, сможет ли ИИ прописать себе соответствующую антиинтеллектуальную программу (это, полагаю, «дело техники»), сколько другое — «захочет» ли ИИ в своем саморазвитии воспроизводить «излишества» человека, прежде всего — его глупость, вплоть до безумия, его способность сознательно войти в ситуацию абсурда и оригинально выйти из нее? А ведь это является важнейшим критерием Человека. (В советском фильме «Дознание пилота Пиркса» (1978) андроид-космонавт выдает себя невозможностью внепрограммного самоубийства, на что его провоцируют другие члены экипажа — настоящие «человеки»).

Поэтому есть и модель вторая, также предсказанная Ю.М.: «...созданный человеком мир... отрицает уже и самого человека, который ему попросту уже не нужен... Искусственный мир требует и какого-то искусственного человекоподобного создания, того же гуманоида — то ли просто постчеловека, то ли даже сверхчеловека...» [7, 511]. ИИ как такая более совершенная (?) «аналогизация» Человека может (по)пытаться заменить его как субъекта культуры, встать не рядом, а над ним. За счет чего? Не только интеллектуаль-

но-компьютерного превосходства, но и за счет специфики отношения к иррациональной сфере, чуждой интеллекту.

В реализации этой модели возможны два варианта: первый — мягкий — (разумное) перепрограммирование этой сферы. Опять-таки спасибо фантастам — электронная «Робот-бабушка» из рассказа Р. Брэдбери «Электрическое тело мое» (1969) выступает как почти живое существо, наделенное не только интеллектом, а и запрограммированной способностью любить внуков, но без запроса на благодарность как излишнее, мешающее жить, причиняющее своим отсутствием душевные переживания чувство.

Главный вопрос: возможно ли разумно-интеллектуальное регулирование (не)(анти)интеллектуальной сферы, если «просто» Человеку это не удастся? Быть может, ИИ осуществит эту мечту в создании такого — более совершенного — существа? Но тогда «Что» или «Кто» это будет? Кому и в каком качестве такое «Оно» будет нужно, если станет жить параллельной с Человеком, своей жизнью? Зачем нам такой ИИ как некий новый элемент в дополнение к Человеку, как новая форма жизни на Земле, если есть опасность, что «Оно» вообще «отменит» Человека? Более того, складывается впечатление, что «...человек... уже не хочет быть человеком» [7, 512]. А кем быть хочет, если «Человек как сакрально-природное существо исчезает, превращаясь... в *постчеловека*...»? [7, 468]. Неужели таковым будет наслаждающееся комфортом безделья существо, за которое «машины» будут не только работать, но и думать? И что остается на долю этого существа? Отвергнутые ИИ глупость и неразумные интенции как «новый гедонизм»?

Представляется более «честным» и логичным вариант второй — жесткой — тенденции полного отказа от иррациональной сферы: в американском фильме «Эквилибрум» (2002) поставлена проблема «жизни без чувств» — безопасной, но скучной — до будущего, в котором любые чувства, эмоции будут возведены в ранг наказуемых преступлений. Такой «античеловеческий» ИИ (второго варианта) этой модели можно назвать *Иным-Иного*. Это — уже не Человек, а существо, или преодолевающее его (постчеловек), или даже отрицающий его андроид, полностью свободный от человеческих мук различения Добра и Зла, который все более представляется как «*человейно-чиповейная биомасса*...» [7, 431]. Можно ли этот

прогноз считать антиутопическим? Пока об этом говорить рано, но прогресс ИИ идет так быстро, что перспективы реализации такого «гуманоидно-синтетического» развития ИИ уже нужно просматривать.

Какая модель, какой вариант модели второй предпочтительнее, если «оба хуже», если в отмеченных проявлениях ИИ определенно выступает как движение в нечто иномирное, в котором «иным» для Человека может быть *античеловек*, сопряженный с *антимиром*» [10, 498—499]? Как андроид будет относиться к своему «оригиналу»? Будет ли соблюдать азимовский «нулевой закон»? Нужен ли будет ему Человек вообще? В каком качестве? Вопросы эти становятся жизненно важными в свете традиционной наивности представлений об ИИ как «облегчителе» жизни людей: еще в 2015 г. гонконгская компания «Hanson Robotics» презентовала андроида Софию, которая на вопрос о том, что будет в случае поражения людей в их конкуренции с роботами, ответила, что всех людей отправят в зоопарки, где о них будут заботиться роботы с любовью в глазах. Исключительно важно и тревожно то, что «Она» назвала это шуткой, ибо юмор — сознательное нарушение рациональности, логики — есть последний бастион уникальности Человека. И если ИИ претендует уже и на это, то что он тогда — ошибка человечества или его будущее? Вопрос уже не теоретический, ибо «Иное... всю работу, постоянно побуждая зёмную реальность изменяться, включая и самого человека, его когнитив..., но при этом, что исключительно важно, достигая результатов... к которым сам... человек не очень-то, а то и совсем, не стремился...» [9, 270]. Подчеркивая это свойство Иного, Ю.М. предупреждает: «...надо все время иметь в виду... принимая вроде бы тщательно обдуманное и обоснованное решение, в особенности масштабные, дальнбойные, судьбоносные, зная при этом, что многое в реальности пойдет не так, а результат может оказаться совсем иным, да не только прямо противоположным, а и коварно разрушительным» [9, 270—271].

Практика развития ИИ показывает, что сказанное в полной мере адекватно перспективам его «инойности». И вновь поразительно художественное пророчество: в сказке Г.-Х. Андерсена «Тень» (1847) ученый, полагая возможность ее отдельного от него существования, послал свою тень к красавице; когда же она, успеш-

но познакомившись с ней, вернулась, он почти принял ее за Человека. Но пожив (по воле ученого) собственной жизнью, Тень заявила, что она, познав (темные) секреты людей, приобрела влияние, но отсутствие своей тени не позволяет ей чувствовать себя Человеком. Поэтому она предложила своему бывшему создателю-хозяину занять ее прежнее место — превратиться в Тень! Ученый отказался от такого унижительного статуса, но не смог вернуть тени ее «нормальный» статус и погиб. Мораль сей сказки такова: нельзя свободно отпускать то, что должно знать свое место, быть в подчинении своему создателю, иначе оно может принести беду даже ему.

Можно ли рассматривать ИИ как «Тень» Человека? Уместна ли такая аналогия? Вопросы, полагаю, риторические. Да, нам нужно усиление «натуральных» интеллектуальных возможностей в познании и преобразовании все более усложняющегося мира, чем занимается ИИ «слабый». Но зачем создавать избыточного для роли помощника Человека его «заместителя», ибо он, будучи интеллектуально более мощным, с неизбежностью, рано или поздно, поставит рациональный вопрос о необходимости ему Человека как менее совершенной «своей» модели, о взаимоотношениях с ним в случае их параллельного существования? (В австралийском фантастическом фильме «Дитя Робота» (2018) неандроидная «Мать», реагируя на «наружное» вымирание деградирующего человечества, спасительно выращивает из запасенных человеческих эмбрионов девочку. Более того, таким образом она хочет вырастить новую — облагороженную — породу людей.) Но зачем такие сложности, если построили станцию, сделали дроидов, заложили программу аварийного выращивания как страховку от своего самоуничтожения — люди? Да и запустить такую программу мог бы и (пред)последний Человек, почему это доверили роботам? Тем самым, данный сюжет нужности дроидного ИИ в его сосуществовании с Человеком не представляется убедительным. Будем надеяться, что Человеку хватит «натурального» интеллекта, чтобы не «купиться» на облегчающие его жизнь достоинства ИИ ради сохранения самого Человека.

В качестве кратких выводов можно сказать следующее:

1. Проведенное вводное рассмотрение ИИ показывает состоятельность его «инойной» трактовки, ибо он вполне адекватен основным атрибутам «осиповского» Иного. Это подтверждает поло-

жительный ответ на обоснование заявленной в названии данной статьи-эссе проблемности такого подхода к ИИ, что открывает пути его научной реализации.

2. Предложенная трактовка требует «объектного» варианта междисциплинарного подхода к ИИ: его рассмотрения во взаимодействии философии, культурологии, антропологии, психологии, политологии, юриспруденции, когда каждая из них имеет свой аспект в проблематике ИИ, но недостаточна для его целостного осмысления; главное — их взаимосвязь.

3. Для развития ИИ как «определяющейся неопределенности» Иного можно предложить следующую схему-концепцию перспектив гуманитарного Мира: («Человек — [ИИ как Иное] — ИИ как Иное-Иного»).

Данный материал претендует лишь на проблемное введение в «инойное» рассмотрение ИИ, предполагает (критическое и иное) обсуждение выдвинутых соображений.

Литература

1. *Аверкин А.Н., Гаазе-Рапопорт М.Г., Поспелов Д.А.* Толковый словарь по искусственному интеллекту. М.: Радио и связь, 1992. 256 с.
2. *Азимов А.* Роботы и империя. СПб.: ММП Петербург, 1992. 352 с.
3. Будущее искусственного интеллекта: [сб. статей] / Ред.-сост.: К.Е. Левитин, Д.А. Поспелов. М.: Наука, 1991. 302 с.
4. *Волков Г.Н.* Эра роботов или эра человека. М.: Наука, 1965. 157 с.
5. *Гаврилов А.В.* Искусственный интеллект и будущее цивилизации // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 5. Ч. 1: URL: <https://web.snauka.ru/issues/2015/05/50092> (дата обращения: 14.07.2023).
6. *Королев В.К.* Проблема «Иного» в философии хозяйства Ю.М. Осипова // Философия хозяйства. 2019. № 1. С. 253—270.
7. *Михайлов Юр.* Реквием. Метафизическая проза. М.: ТЕИС, 2010. 592 с.
8. *Носов Н.Ю., Соколов М.Д.* Тенденции развития искусственного интеллекта // Современные научные исследования и ин-

новации. 2016. № 5: URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/05/68404> (дата обращения: 14.07.2023).

9. *Осипов Ю.М.* Добросердечная реплика // *Философия хозяйства*. 2022. № 5. С. 269—271.

10. *Осипов Ю.М.* Обретение. М.: ТЕИС, 2011. 590 с.

11. *Осипов Ю.М.* Сама себе цифра // *Философия хозяйства*. 2019. № 2. С. 11—16.

12. *Осипов Ю.М.* Софиасофские тетради. (Не)ученые записки. М.: ТЕИС, 2017. 477 с.

13. *Самсонова О.О., Фокина Е.А.* Искусственный интеллект: новые реалии // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2018. № 5. С. 257—263

14. *Синявин Д.С.* Искусственный интеллект как фактор трансформации личности человека // *Психология личностного взаимодействия в современном обществе: сборник материалов II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Армавир, 12 апр. 2023 г.) / Под ред. И.В. Ткаченко и др.* Чебоксары: ИД «Среда», 2023. С. 111—114.

15. *Шулевский Н.Б., Зотова Е.С.* Иное в реальности и реальность Иного // *Философия хозяйства*. 2023. № 3. С. 143—157. DOI: 10.5281/zenodo.7929785.

16. Экспертный обзор развития технологий искусственного интеллекта в России и мире. Выбор приоритетных направлений развития искусственного интеллекта в России / Под ред. Е.И. Аксенова. М.: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2019. 38 с.

References

1. *Averkin A.N., Gaaze-Rapoport M.G., Pospelov D.A.* *Tolkovyj slovar' po iskusstvennomu intellektu*. М.: Radio i svyaz', 1992. 256 s.

2. *Azimov A.* *Roboty i imperiya*. SPb.: MMP Peterburg, 1992. 352 s.

3. *Budushchee iskusstvennogo intellekta: [sb. statej] / Red.-sost.: K.E. Levitin, D.A. Pospelov*. М.: Nauka, 1991. 302 s.

4. *Volkov G.N.* *Era robotov ili era cheloveka*. М.: Nauka, 1965. 157 s.

5. *Gavrilov A.V.* *Iskusstvennyj intellekt i budushchee civilizacii // Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii*. 2015. № 5. CH. 1:

URL: <https://web.snauka.ru/issues/2015/05/50092> (data obrashcheniya: 14.07.2023).

6. *Korolev V.K.* Problema «Inogo» v filosofii hozyajstva YU.M. Osipova // *Filosofiya hozyajstva*. 2019. № 1. S. 253—270.

7. *Mihajlov YUr.* Rekviem. Metafizicheskaya proza. M.: TEIS, 2010. 592 s.

8. *Nosov N.YU., Sokolov M.D.* Tendencii razvitiya iskusstvennogo intellekta // *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii*. 2016. № 5: URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/05/68404> (data obrashcheniya: 14.07.2023).

9. *Osipov YU.M.* Dobroserdechnaya replika // *Filosofiya hozyajstva*. 2022. № 5. S. 269—271.

10. *Osipov YU.M.* Obretenie. M.: TEIS, 2011. 590 s.

11. *Osipov YU.M.* Sama sebe cifra // *Filosofiya hozyajstva*. 2019. № 2. S. 11—16.

12. *Osipov YU.M.* Sofiasofskie tetrad. (Ne)uchenye zapiski. M.: TEIS, 2017. 477 s.

13. *Samsonova O.O., Fokina E.A.* Iskusstvennyj intellekt: novye realii // *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij*. 2018. № 5. S. 257—263

14. *Sinyavin D.S.* Iskusstvennyj intellekt kak faktor transformacii lichnosti cheloveka // *Psihologiya lichnostnogo vzaimodejstviya v sovremennom obshchestve: sbornik materialov II Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem (Armavir, 12 apr. 2023 g.) / Pod red. I.V. Tkachenko i dr. CHEboksary: ID «Sreda», 2023. S. 111—114.*

15. *SHulevskij N.B., Zotova E.S.* Inoe v real'nosti i real'nost' Inogo // *Filosofiya hozyajstva*. 2023. № 3. S. 143—157. DOI: 10.5281/zenodo.7929785.

16. *Ekspertnyj obzor razvitiya tekhnologij iskusstvennogo intellekta v Rossii i mire. Vybor prioritetnyh napravlenij razvitiya iskusstvennogo intellekta v Rossii / Pod red. E.I. Aksenova. M.: GBU «NII OZMM DZM», 2019. 38 s.*

В.Я. ИОХИН

О практическом аспекте формирования хозяйственной модели развития России*

Аннотация. Статья посвящена раскрытию отдельных аспектов преобразования существующего экономического порядка в модель хозяйственного развития, которая предполагает трансформацию, возвращение «экономического человека» к своему естеству, целостному человеку и корректировку поведения субъектов рынка в направлении гармонизации интересов всех участников, вовлеченных в хозяйственный процесс. Особое внимание уделено совершенствованию инструментария государственного регулирования и управления процессом общественного воспроизводства, формированию этико-экономических отношений, сориентированных на развитие человеческого потенциала страны, а не на достижение чисто экономических результатов, нахождению компромисса интересов, представленных трудом и капиталом, переводу природопользования на имманентные ему рентные отношения, а денежно-кредитного хозяйства на принцип беспроцентного кредитования.

Ключевые слова: экономика, хозяйство, труд, капитал, «посткапитализм», народ, общество, государство, человек, нравственность, справедливость.

Abstract. The article is devoted to the disclosure of certain aspects of the transformation of the existing economic order into a model of economic development, which involves transformation, the return of the «economic man» to his nature, an integral person and the correction of the behavior of market entities in the direction of harmonizing the interests of all participants involved in the economic process. Special attention is paid to improving the tools of state regulation and management of the process of social reproduction, the formation of ethical and economic relations focused on the development of the human potential of the country, and not on achieving purely economic results, finding a compromise

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Иохин В.Я. О практическом аспекте формирования хозяйственной модели развития России // Философия хозяйства. 2023. № 5. С. 48—64. DOI: 10.5281/zenodo.8416691.

of interests represented by labor and capital, the transfer of environmental management to its immanent rental relations, and monetary economy on the principle of interest-free lending.

Keywords: economy, economy, labor, capital, «post-capitalism», people, society, state, man, morality, justice.

УДК 330.34
ББК 65.02

Рассматривая возможность перехода к хозяйственной модели развития России, необходимо исходить, во-первых, из факта начавшейся эпохи переформатирования навязанного Западом мировому сообществу неокOLONиального мирового порядка. При этом США стремятся навязать ему однополярный мир с его «глобализацией», нереальность воплощения в жизнь которой, правда, все больше осознают и на Западе, тогда как крупнейшие развивающиеся страны становятся самостоятельными центрами мировых сил, что знаменует собой формирование многополярного мира, одним из полюсов которого уже стала Россия, вступившая первой на путь противодействия диктату Западу и пытающаяся сформировать собственную национальную модель социально-экономической системы.

Во-вторых, признание Римским клубом необходимости демонтажа капитализма (доклад 2017 г.) [15] ставит страны мира перед необходимостью поиска новой модели социально-экономического развития. В этих условиях Запад призывает осуществить переход к так называемому инклюзивному капитализму [13], или к так называемому стейкхолдерскому «посткапитализму» [14] во главе все тех же глобальных информационно-финансовых корпораций. В противоположность предлагаемой Западом модели развития страны развивающегося мира рассматривают возможность перехода к такому посткапитализму, который соответствовал бы национальному духу и системе ценностей каждого из народов, учитывал бы их политико-исторический и социально-экономический опыт предшествующего развития. При этом особое внимание они обращают на укрепление государства и национального суверенитета, а не их упразднение, как предусматривает инклюзивный капитализм, за которым скрывается все та же «глобализация». Дело в том,

что именно государство представляет собой не только высшую организационно-управленческую форму самоорганизации народов, наций, но и высшую ценность для суверенного их бытия, утрата которой превращает их в население, открытое для порабощения внешними враждебными им силам.

Что касается России, то ее специфическая цивилизация и особый имперский дух ее народов по своей природе изначально не позволяют ей не только вписаться в систему господства, подчинения и доминирования Запада, но и требуют от нее противодействия по ее сохранению. В противоположность западным империям суть Российской империи заключается не в колонизации огромных полиэтнических пространств, а в их «метрополизации» путем интегрирования и органического включения в единую неразрывную великодержавную целостность российского государства, в котором по мере его расширения каждый народ непременно становился наряду с русским государствообразующим народом. Такое наше мироустройство не вписывается в рамки имперско-колониального мышления и претит духу Запада, который во все времена рассматривал Россию как необходимое для него жизненное пространство и под различными предлогами совершал агрессию против нее. Ведущая в настоящее время гибридная война против России направлена на расчленение и упразднение ее как государства под предлогом защиты от ее агрессии и освобождения якобы поработанных народов, что мы уже не раз проходили в нашей истории.

Для формирования «посткапиталистической» модели развития Россия, как никакая другая страна мира, обладает уникальным опытом не только хозяйствования, но и развития капиталистической экономики, негативные последствия которой во всей полноте наша страна испытывает в настоящее время, когда коллективный Запад предпринимает невероятные усилия по выстраиванию вокруг нее блокады и ее уничтожению. Поэтому «посткапитализм» в нашей стране может успешно реализоваться лишь на основе учета реальной действительности, которая характеризуется и индивидуальным, и коллективным, и капиталистическим, и государственным предпринимательством с его ориентацией на выстраивание социального государства, экономическая политика которого в таком случае

должна придерживаться концепции философии хозяйства как инструмента осмысления дальнейшего ее развития.

Обращаясь к проблеме возрождения и формирования тех или иных элементов хозяйствования, хотелось бы напомнить, что на первоначальных этапах своего развития человек заботился о своем целостном бытии, в котором он одновременно проявлялся в различных своих ипостасях в процессе трудовой деятельности, в котором труд воспринимался как духовный, творческий акт народа [8]. А деятельность в сфере материального производства естественного, целостного человека была одухотворенна и направлена на обеспечение его жизнедеятельности и жизнеотправления и на обустройство своего бытия во всех его многообразных формах.

Однако по мере роста благополучия общества увеличивалась и его склонность к обогащению, и тяга к наживе, что привело к постепенному оттеснению на задворки остальных его человеческих составляющих, прежде всего духовной, нравственной. Западно-европейская мысль в своем развитии постепенно шла к вычленению в целостном, естественном человеке «экономического человека», отвечающего природе капитала, который поместил его в центр системы общественных отношений. Отсюда проистекает и рафинированный экономический подход к оценке производственной деятельности, которая оказалась «заточенной» исключительно на прибыль как результат сопоставления дохода с затратами, игнорирующий все сопутствующие последствия функционирования капитала.

Если на Западе под давлением капитала «избавились» от «хозяйствующего» человека, то в России он в течение веков оставался таковым, получив к тому же фундаментальное обоснование своего бытия в русской экономической мысли сначала на этапе развития капитализма (С.Н. Булгаков), а затем на качественно новом этапе ее социально-экономического развития (Ю.М. Осипов), когда социалистическое хозяйствование ушло в прошлое, а капиталистическое «экономствование» породило уродливые формы компрадорско-колониальной зависимости страны от Запада. Поэтому нам предстоит не только возродить народнохозяйственный комплекс в его отраслевом и территориальном сбалансированном развитии, но и не допустить такого капиталистического предпринимательства, на почве которого сформировался бы финансовый капитал, по своей

сущности представляющий реальную угрозу для существования человечества как такового. Используя накопленный опыт в области и хозяйствования, и «экономствования», нам необходимо взять все то положительное, что имело место в прошлом с его переосмыслением применительно к новой действительности, а также использовать новые формы и методы хозяйственной практики.

Что касается экономической составляющей новой модели развития, то в ней предполагается переход от экономики с ее «экономическим человеком», который руководствуется в своей деятельности принципами стяжательства и наживы, консьюмеризма и гедонизма, к хозяйству с его естественным человеком, ориентированным на принципы воспроизводства жизни и жизненного пространства в их совершенствовании. Дело в том, что экономика, базирующаяся на капитале, ставит своей целью достижение эффективности посредством механизма максимизации прибыли. Капитал в погоне за самовозрастанием использует банкротство и несостоятельность, поглощения и слияния, нечистоплотность поведения, о которой столь откровенно повествует Д. Карнеги [4], в интересах его концентрации и централизации.

В противоположность экономике хозяйству [3, 25—36] свойственно интегрирующее начало, объединяющее отдельных индивидов для совместной деятельности и формирования уклада их жизни, в котором производство «обволакивается» социальными, культурными, нравственными отношениями. Для хозяйства, как верно заметил Ю.М. Осипов, важна деятельность, сопряженная с жизнеотправлением его участников [7, 161—218], которое представляет собой не что иное, как все то, от чего отталкивается человек в своей жизни и что направлено на ее обеспечение. Жизнеотправление соотносится с требованием сохранения, воспроизведения и улучшения жизни общества и человека, не ограничиваясь материальным благополучием, а заботясь об их духовном и интеллектуальном развитии. Производство в хозяйстве рассматривается как деятельность, которая направлена не только на получение тех или иных благ, но и на формирование нравственных основ поведения и ответственности перед природой и обществом. Именно этико-экономические принципы хозяйствования позволяют регулировать процесс общественного воспроизводства с учетом новых вызовов [6].

В то же время, сколько бы ни велось разговоров о «посткапитализме», нам все равно придется обращаться к капиталу с его частной инициативой, предпринимательством и конкуренцией, а, следовательно, к экономике как неотъемлемой составляющей народного хозяйства. Но это требует нахождения новых форм и методов государственного регулирования и управления процессом воспроизводства капитала с целью как направления его в русло нравственного облагораживания экономических отношений, так и обеспечения его интереса и интересов наемных работников, и общества, и государства.

В выстраивании новой системы отношений решающую роль призвано сыграть государство, которое с позиций наших национальных традиций рассматривается не только как носитель политической воли и власти, но и как сосредоточение морали и нравственности, ибо безнравственное государство — залог растления, разращения и угасания того общества, которое оно олицетворяет. Одновременно оно должно быть гарантом и права, и исполнения долга, и ответственности за обеспечение нравственного порядка в обществе, в котором любовь к ближнему пробуждает не только глубокое чувство к окружающим и миру в целом, но и дух служения народу и государству. Только в таких условиях возможен творческий порыв, укорененный в глубинах знаний и памяти пережитого бытия, но нуждающийся в импульсе новых идей, несущих в себе целевые причины нового бытия. Только истинное творчество ведет к преобразению мира и человека «через изменение доминирующих, властных начал, частей, элементов их структур» [11, 37].

При этом регулирование и управление процессами общественного воспроизводства со стороны государства должны протекать в рамках принимаемых законов и нормативно-правовых актов, буква и дух которых должны соответствовать представлениям главного государствообразующего народа о правде, справедливости и нравственности в жизнеотправлении и жизнедеятельности человека и общества и быть направленными на наращивание человеческого потенциала страны. Нравственность, трактуемая и понимаемая в рамках национальных традиций и духовных ценностей, должна стать неотъемлемым атрибутом общественной и хозяйственной жизни и быть объектом первостепенной озабоченности государства,

ибо не бывает абстрактной нравственности безотносительно к духовной жизни конкретных народов. Вольные, произвольные интерпретации нравственности, как правило, оборачиваются негативными последствиями и для общества, и для государства, о чем свидетельствует и наш не столь далекий опыт.

В частности, в годы так называемой перестройки известным экономистом Н.П. Шмелевым применительно к советской экономике был запущен в научный оборот постулат «неэффективная экономика — безнравственна», что не соответствовало действительности. В противоположность капиталистическим предприятиям, ориентирующимся исключительно на прибыль, советские предприятия несли бремя социально-культурных расходов, которые как раз и свидетельствовали о нравственной составляющей их хозяйственной деятельности. Но под натиском либерально ориентированных кругов в стране данный лозунг стал крылатым и сыграл не последнюю роль в разрушении обрабатывающей промышленности, и прежде всего отраслей группы А. О высоконравственных началах советской экономики свидетельствует и сталинский индустриальный проект, который далеко не сводился лишь к развитию промышленности, так как представлял собой комплексную, глубокоструктурированную и сбалансированную систему, сориентированную на преобразование всех сторон общественно-хозяйственной жизни в стране, начиная с ликвидации безграмотности и завершая прорывами в науке и технике. Можно смело утверждать, что успех созданной модели был обусловлен тем, что она соотносилась с фундаментальными принципами функционирования России, базировавшимися на русской культурной матрице, что позволило восстановить цивилизационную модель российской государственности,

Советская централизованная плановая система, обеспечивавшая сбалансированность развития народного хозяйства в его отраслевом и территориальном разрезе, продемонстрировала возможность не только невиданных темпов роста промышленности, но и национально-культурного развития народов Советского Союза во всех аспектах их жизнедеятельности и жизнеотправления, прежде всего республик, находящихся на территории так называемых бывших окраин Российской империи. Россия, как никакая другая страна в мире, обладает опытом хозяйствования в его нравственно-

экономическом смысле не только на уровне общины и артели, но и на народнохозяйственном уровне, что открывает возможность его использования в современных условиях формирования хозяйственной модели развития страны. При этом ядром этой модели должен стать принцип *«безнравственная экономика — неэффективна»*.

Нам необходимо переосмыслить опыт нашего и далекого, и не столь далекого прошлого и адаптировать его к современным хозяйственным формам организации, управления и регулирования процесса общественного воспроизводства в соответствии со стратегическим планом, разработка и реализация которого может иметь успех лишь в сочетании со среднесрочными и текущими планами развития страны. Только постоянный анализ результатов тактических шагов и мероприятий и их корректировки в соответствии со стратегией развития народнохозяйственного комплекса в состоянии обеспечить успешную ее реализацию. Причиной всех стратегических провалов в любых делах, как правило, являются тактические просчеты и промахи без их своевременного устранения и корректировки.

При выстраивании новой модели процесса общественного воспроизводства надо руководствоваться тем, что хозяйственные отношения сопряжены с реализацией государственных и общественных интересов, сориентированных на производство общественных благ, тогда как экономические отношения связаны с частным предпринимательством, занятым производством частных благ, выпуск которых требует высокой степени гибкости и адаптивности к быстроизменяющейся конъюнктуре спроса. Данное обстоятельство указывает на целесообразность использования двухсекторной модели процесса общественного воспроизводства, один из секторов которой был бы сосредоточен на производстве общественных благ, другой — на производстве и удовлетворении потребностей в частных благах

К первому сектору следует отнести базовые и стратегические отрасли, обеспечивающие оборону, национальную безопасность, а также развитие социальной сферы с ее просвещением, образованием, наукой, здравоохранением и культурой, которые в решающей степени определяют состояние человеческого потенциала страны. В связи с тем, что здесь и ресурсы, и распределение произве-

денных благ сосредоточены в руках государства, то в данной сфере становится предпочтительным использование директивного планирования и государственного регулирования в случае привлечения частного капитала.

Второй сектор, связанный с частным предпринимательством, требует использования инструментария индикативного планирования и регламентирования деятельности капитала с целью облагораживания его делового поведения и соблюдения справедливости в распределении произведенного продукта. Поэтому в случае получения предприятиями сверхприбыли в результате благоприятной рыночной конъюнктуры или других внешних эффектов, а не усилий предпринимателей, она должна изыматься в специальный государственный фонд. А в случае неблагоприятной конъюнктуры и возникновения негативных обстоятельств они должны получать «нормальную прибыль» за их предпринимательские усилия (талант) за счет этого фонда, который становится своего рода инструментом регулирования и активизации предпринимательской и трудовой деятельности в процессе формирования так называемого «нравственного капитализма».

В силу того, что нам не избежать использования в развитии народнохозяйственного комплекса частного предпринимательства, базирующегося на капитале и ориентированного на критерии чисто экономической эффективности, было бы целесообразно вводить поправочные коэффициенты в показатели оценки деятельности таких экономических субъектов, а также регулирующие нормативы, позволяющие направлять их деятельность в русло должного их поведения. С этой целью, в частности, следует установить для них адекватные требованиям общества соотношения между фондом прибыли и фондом заработной платы, между доходами управляющего аппарата и остальных работников, между прибылью, направляемой на накопление и потребление, между инвестициями в национальную экономику и вывозом капитала.

Установление норматива соотношения между доходами предпринимателя (прибыль) и наемных работников (заработная плата) призвано обеспечить должное вознаграждение труда как предпринимателя, сопряженного с реализацией его предпринимательского таланта, так и наемных работников. Установление норма-

тива накопления позволяет, с одной стороны, гарантировать самовозрастание капитала, а, с другой стороны, содействовать росту занятости в стране (общественный интерес) и расширению области налогообложения (государственный интерес) благодаря как их деятельности, так и возникновению мультипликационного эффекта в сопряженных с ними отраслях и производствах в связи с вовлечением в хозяйственный оборот дополнительных инвестиций и дополнительно выпускаемой продукции.

С целью стимулирования капиталистического предпринимательства в направлении его участия в реализации общественных интересов и сдерживания его устремленности к личному обогащению представляется целесообразным введение дифференцированного подхода к налогообложению прибыли, направляемой в фонд накопления и фонд потребления. В первом случае она должна облагаться налогом в соответствии с регрессивной шкалой вплоть до полной отмены налога на эту часть прибыли, во втором случае — согласно прогрессивной шкале. В основе такого разграничения налогообложения прибыли лежит принцип необходимости социальной ориентации капитала и его ответственности перед и собственным самовозрастанием, и обществом, и государством.

Противников принятия таких мер, видящих в этом чрезмерное зарегулирование деятельности капитала, мы отсылаем к новому курсу Ф. Рузвельта, реализация которого сопровождалась непрерывным ростом налоговой ставки на корпоративную прибыль, которая достигала 90% ее величины. И корпорации вынуждены были с этим мириться, так как в новой политике президента США они видели открывающуюся возможность не только выживания, но и дальнейшего их собственного развития, и развития страны. Так что при проявлении властью политической воли, подкрепленной выверенными экономическими обоснованиями и обеспеченной сбалансированностью интересов всех участников воспроизводственного процесса, все это не просто приемлемо, а необходимо, если при новом общественном строе мы хотим добиться реализации одного из принципов нравственности, который сводится не к некоей абстрактной справедливости, а нравственно-социальной справедливости.

При этом при стимулировании инвестиций следует придерживаться дифференцированного, селективного подхода, который

должен отвечать требованиям решения таких задач, как обеспечение реструктуризации промышленного комплекса в интересах ускоренного развития машиностроения, прежде всего станкостроения и приборостроения, возрождения электронной промышленности и сопряженных с ней производств, увеличения масштабов НИОКР с целью получения новых технологий и техники. Особое внимание должно уделяться стимулированию реинвестирования прибыли в национальную экономику, а также недопущению использования благоприятной макроэкономической конъюнктуры для чрезмерного обогащения агентов рынка, прежде всего в сфере обращения, в которой ценовые накладки на реализуемые товары и услуги не должны превышать 20—25%.

Таким образом, предлагается использование уже имеющегося опробованного инструментария регулирования общественного производства и товарно-денежного обращения при формировании хозяйственной системы и новых общественных отношений. Причем такой подход приемлем и для частных, и для государственных предприятий за исключением тех из них, деятельность которых напрямую связана с обеспечением обороны и национальной безопасности страны. Это позволит создать единый механизм функционирования общественного воспроизводства, базирующегося на общественной и частной собственности в условиях перехода к качественно новой модели общества правды, справедливости и любви в ее всечеловеческой ипостаси.

Что касается справедливости, то она не может сводиться к количественному или механическому усреднению в отношении кого бы то ни было, так как люди в силу своей индивидуальной природы уникальны и неповторимы, что уже претит уравнительности. В них находят свое проявление различные состояния обособленности и коллективизма, эгоизма и альтруизма, которые всего лишь одни из множества ипостасей проявления их индивидуальности. Следовательно, в обществе справедливости не может даже предполагаться уравнивание неравных, в каких бы формах общественного бытия их ни рассматривать. Прав И.А. Ильин в своем утверждении, что «справедливость есть искусство неравенства» [2, 168], которое требует от тех, кто пытается им овладеть, чтобы они обладали чувством и меры, и ответственности, и воздаяния, и снисхождения, и

сострадания. При этом в каждом конкретном историческом периоде выстраивание системы отношений справедливости возможно только в увязке с реально сложившейся общественно-политической действительностью, которая нуждается прежде всего в духовно-нравственном оздоровлении и очищении культурного пространства от всего того чуждого, что было привнесено на нашу национальную почву в результате усилий бывшего либерального клана в правительстве, насаждавшего ценности западной «постцивилизации».

Исходя из того, что Россия обладает огромными природными ресурсами, а ее экономика в значительной степени носит рентный характер [5], необходимо избавиться от процесса регулирования природопользования с помощью налога и перейти на имманентные ему рентные отношения, являющиеся важнейшим источником средств, необходимых для реализации национальных проектов и решения народнохозяйственных задач. Переход на рентные отношения требует, во-первых, закрепления за природными ресурсами статуса национального достояния, находящегося во владении государства, которое передает их в аренду тем или иным хозяйственным субъектам, во-вторых, составления кадастра на природные ресурсы с целью выявления лучших, средних и худших из них по продуктивности.

Взимание различного вида ренты (абсолютная, дифференциальная I и II) позволяет установить экономически обоснованную плату за эксплуатацию природных ресурсов, существенно повысить конкуренцию между пользователями ресурсов и стимулировать разработку новых технологий для добычи ископаемых. Сейчас при единой налоговой ставке крупнейшие компании, эксплуатируя наиболее продуктивные природные ресурсы, незаслуженно присваивают сверхприбыли, которые по сути своей являются рентой, не выплаченной государству. Установление рентных отношений на основе природопользования позволяет государству как субъекту, владеющему национальным достоянием от имени народа, присваивать рентные платежи и распределять их между различными уровнями государственных бюджетов в соответствии с природой и характером абсолютной ренты, дифференциальной ренты I и дифференциальной ренты II. В результате бюджеты всех уровней получают

дополнительные финансовые ресурсы, а предприятия добывающих отраслей будут поставлены в равные конкурентные условия.

При переходе к новой модели социально-экономического, хозяйственного развития особое место занимает денежно-кредитное хозяйство, тем более что имеет место разрушение сложившейся мировой валютно-финансовой системы, функционирующей под эгидой МВФ и ВБ, превращенных «де-факто в прислужников министерства финансов США» [10]. В настоящее время в связи с непредсказуемостью американской политики в данной сфере развивающиеся страны все чаще переходят в международных расчетах на национальные валюты и прилагают немалые усилия по формированию альтернативных ей систем и выстраиванию принципиально иных международных валютно-финансовых отношений [9]. На этом фоне, как нам представляется, открывается реальная возможность кардинальной перестройки национальной денежно-кредитной системы России в направлении создания беспроцентной экономики, которая явно отвечала бы духовным основам и православию, и ислама, а значит подавляющей части наших соотечественников.

Задача заключается в упразднении банковского процента как главного инструмента финансового капитала по подчинению всего и вся и установлении своего господства с помощью учреждения государственной банковской системы, в которой денежные средства, передаваемые банкам физическими и юридическими лицами, перестают быть вкладами, позволяющими присваивать процент, а становятся сберегательными средствами, переданными банкам на хранение, которые берут на себя гарантии по их сохранности с оплатой этой услуги клиентами, которые взамен получают доступ к получению беспроцентных кредитов.

При этом все предприятия и организации лишаются права иметь дело с процентом в любой его форме, включая выпуск облигаций, но могут широко использовать привлечение свободных денежных ресурсов с помощью выпуска акций. [12, 359—365]. Но на первоначальном этапе, очевидно, можно сохранить за Банком России (БР) право на выпуск ОФЗ под проценты с целью сохранения открытого рынка ценных бумаг и использования его как инструмента прямого действия (в противоположность контрольной ставки) на изменение величины денежной массы.

В переходный период вполне допустимо существование и частной банковской системы, функционирующей на основе процента и под контролем БР. При этом предприятия, организации и домашние хозяйства, которые свои денежные средства разместят в виде вкладов в таких банках, будут лишаться доступа к беспроцентным ссудам в государственных банках, равно как и те хозяйствующие субъекты, которые будут хранить свои средства в форме наличных, а не в государственных банках. В условиях цифровых технологий и «больших данных» все это проследить не составит большого труда [1], тем более что в нашей стране в обращение вводится цифровой рубль, кошечки с такими деньгами прикрепляются к платформе БР, а значит, любые операции с ними станут для него предельно прозрачными.

Отмена платы за получаемый кредит станет серьезным мотивировочным и стимулирующим фактором активизации и существенного расширения поля предпринимательской и трудовой деятельности. Дело в том, что в системе экономических отношений, базирующихся на платном кредите, все агенты рынка ориентированы на процент, выступающий в качестве критерия эффективности их деятельности. Получение прибыли на равновеликий капитал при ее норме ниже или равной процентной ставке оказывается бессмысленным, так как в таком случае предприниматели вынуждены передавать всю получаемую прибыль своим кредиторам в виде процента. Поэтому в беспроцентной экономике то, что ранее считалось неэффективным в силу необходимости выплаты банковского процента, становится прибыльным для вложения денежных средств предпринимателями, что не только активизирует их инвестиционную активность, но и существенно раздвигает границы и приложения труда, и расширения круга рыночных агентов, и возможности общественного бытия и воспроизводства жизни.

Но это одна сторона дела, другая сопряжена с консолидацией государства и общества на основе осознания людьми, коллективами, сообществами своей причастности к формированию и реализации «общего дела» государственной значимости. С одной стороны, важнейшие народнохозяйственные задачи и повышение благосостояния общества решаются с помощью аккумуляции их денежных ресурсов государством, с другой, оно своим актом безвоз-

мездного кредитования предпринимательской и трудовой деятельности работников делает их непосредственными соучастниками реального воплощения на практике национальных проектов, планов развития народного хозяйства в рамках единого процесса общественного воспроизводства. В то же время все это должно быть дополнено принятием мер и проведением соответствующих мероприятий по формированию у людей общественного сознания с высокой степенью ответственности перед своим народом и государством.

Наконец, необходимо обратить внимание на обобщающие показатели развития народного хозяйства, которые должны базироваться на точной и достоверной статистической информации о положении дел в стране, что предполагает обеспечение полной независимости службы статистики путем ее выведения из подчинения правительства. При этом перед ней и ее научным подразделением должна быть поставлена задача по разработке качественно новых социально-экономических показателей, которые могли бы стать инструментарием, позволяющим достоверно отражать динамику прогресса в социально-экономическом развитии страны, качестве жизни, процветании общества. В качестве ориентира такого совершенствования может служить индекс развития человеческого потенциала, величина которого определяется на основе ВВП, скорректированная с помощью поправочных коэффициентов состояния образования и здравоохранения в стране. С нашей точки зрения эти коэффициенты следовало бы дополнить коэффициентами, отражающими морально-нравственное состояние общества (преступность) и качество среды его обитания (экология). При этом следует отметить, что и сама методика расчета величины ВВП имеет немалые изъяны, так как бездумное использование такого его показателя, как добавленная стоимость может существенно исказить величину ВВП. В частности, чем больше в стране посредников между производителями продуктов и конечными их потребителями, или чем больше в стране различного рода охранных подразделений, тем больше получится ВВП, хотя в натурально-вещественной форме он остается неизменным. Требуется и разработка методики расчета эффекта экономии в результате внедрения новых технологий и техники, игнорирование которого существенно занижает ВВП (например, крупнейший специалист в области национальной статистики и

статистики международных сопоставлений В.М. Симчера считал актуальной разработку методики измерения духовных эффектов от материального производства и материальных эффектов от духовного производства).

Литература

1. *Ващекина И.В., Ващекин А.Н.* Структурные особенности банковской системы Российской Федерации и динамика основных показателей ее функционирования // Научное обозрение. Экономические науки. 2019. № 1. С. 5—10.
2. *Ильин И.А.* Поющее сердце // Наш современник. 1991. № 6. С. 164—180.
3. *Иохин В.Я.* Экономика и хозяйство // Философия хозяйства. 2006. № 3. С. 25—36.
4. *Карнеги Д.* Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей М.: Попурри, 1981. 236 с.
5. *Львов Д.С.* Вернуть народу ренту. Резерв для бедных. М.: Эксмо, Алгоритм, 2004. 256 с.
6. *Львов Д.С.* Нравственная экономика. М.: Институт экономических стратегий, 2004. 45 с.
7. *Осипов Ю.М.* Очерки философии хозяйства. М.: Юристъ, 2000. 368 с.
8. *Подолинский С.А.* Труд человека и его отношение к распределению энергии. М.: Белые Альвы, 2005. 160 с.
9. *Хазин М.Л., Кобяков А.Б.* Закат империи доллара и конец Рах Americana. М.: Рипол-Классик, 2021. 302 с.
10. *Хаттон У.* Мир, в котором мы живем. М.: Ладомир, 2004. 556 с.
11. *Шулевский Н.Б.* Развитие или преобразование России? // Философия хозяйства. 2013. № 3. С. 30—45.
12. *Юрьев М.* Третья Империя. Россия, которая должна быть. СПб.: Лимбус Пресс, 2007. 640 с.
13. *Schwab K., Malleret T.* COVID-19: The Great Reset. Forum Publishing, 2020. 280 p.
14. *Shwab K., Vanham P.* Stakeholder Capitalism: A Global Economy that Works for Progress, People and Plane. Wiley, 2021. 304 p.

15. *Weizsaeckt E., Wijkman A.* Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome. Springer, 2017.

References

1. *Vashchekina I.V., Vashchekin A.N.* Strukturnye osobennosti bankovskoj sistemy Rossijskoj Federacii i dinamika osnovnyh pokazatelej ee funkcionirovaniya // Nauchnoe obozrenie. Ekonomicheskie nauki. 2019. № 1. S. 5—10.

2. *Il'in I.A.* Poyushchee serdce // Nash sovremennik. 1991. № 6. S. 164—180.

3. *Iohin V.YA.* Ekonomika i hozyajstvo // Filosofiya hozyajstva. 2006. № 3. S. 25—36.

4. *Karnegi D.* Kak zavoevyvat' druzej i okazyvat' vliyanie na lyudej M.: Popurri, 1981. 236 s.

5. *L'vov D.S.* Vernut' narodu rentu. Rezerv dlya bednyh. M.: Eksmo, Algoritm, 2004. 256 s.

6. *L'vov D.S.* Nravstvennaya ekonomika. M.: Institut ekonomicheskikh strategij, 2004. 45 s.

7. *Osipov YU.M.* Ocherki filosofii hozyajstva. M.: YUrist", 2000. 368 s.

8. *Podolinskij S.A.* Trud cheloveka i ego otnoshenie k raspredeleniyu energii. M.: Belye Al'vy, 2005. 160 s.

9. *Hazin M.L., Kobayakov A.B.* Zakat imperii dollara i konec Pax Americana. M.: Ripol-Klassik, 2021. 302 s.

10. *Hatton U.* Mir, v kotorom my zhivem. M.: Ladomir, 2004. 556 s.

11. *SHulevskij N.B.* Razvitie ili preobrazhenie Rossii? // Filosofiya hozyajstva. 2013. № 3. S. 30—45.

12. *YUr'ev M.* Tret'ya Imperiya. Rossiya, kotoraya dolzhna byt'. SPb.: Limbus Press, 2007. 640 s.

II

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

Т.В. ГУДКОВА

**Экономика совместного потребления как новая модель
социально-экономического развития
цифровой экономики***

Аннотация. Активное развитие цифровых технологий, оказавшее значительное влияние на поведение *потребителей и производителей*, проявилось и в формировании новых моделей экономики, к которым можно отнести *экономику совместного потребления*. В связи с происходящими изменениями актуальными задачами для современной экономической теории являются определение основного ракурса становления и развития *шеринговой экономики* и анализ ее особенностей с проекцией на трансформацию организаций в новых условиях цифровой экономики. В статье на основе авторского научного подхода к обоснованию и описанию новых моделей социально-экономического развития цифровой экономики выявлены ключевые признаки *экономики совместного потребления* по пяти критериальным группам: а) истоки становления и генезис дефиниций; б) базовые технологии; в) структурные характеристики: основные сферы деятельности; г) модели взаимодействия бизнеса и конечных потребителей; д) архитектура и состав экосистемы.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровая экономика, экономика совместного потребления.

Abstract. In the conditions of the digital economy, a traditional firm, going through the path of digital transformation, turns into a «digital» one, and uses new technologies as a competitive advantage in all areas of its activity: production, marketing, interaction with customers, etc. The active development of digital technologies, which had a significant impact on the behavior of consumers and manufacturers, manifested

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Гудкова Т.В. Экономика совместного потребления как новая модель социально-экономического развития цифровой экономики // Философия хозяйства. 2023. № 5. С. 67—90. DOI: 10.5281/zenodo.8416709.

itself in the formation of new models of the economy, which can include the economy of shared consumption. Due to the ongoing changes, an urgent task for modern economic theory is to determine the main perspective of the formation and development of the sharing economy, and to analyze its features with a projection on the transformation of organizations in the new conditions of the digital economy. Based on the author's scientific approach to substantiating and describing new models of socio-economic development of the digital economy, the article identifies the key features of the economy of shared consumption in five criterion groups: a) the origins of the formation and genesis of definitions; b) basic technologies; c) structural characteristics: the main areas of activity; d) models of interaction between business and end users; e) architecture and composition of the ecosystem.

Keywords: digital technologies, digital economy, sharing economy.

УДК 334.012.23
ББК 65.012

В условиях цифровой экономики традиционная фирма, проходя путь цифровой трансформации, превращается в «цифровую» и использует новые технологии в качестве конкурентного преимущества во всех сферах своей деятельности: производстве, маркетинге, взаимодействии с клиентами и т. д.

Истоки становления экономики совместного потребления и генезис дефиниций

Идея совместного использования ресурсов и услуг существует достаточно давно, и ранее она реализовывалась через такие формы, как общественный транспорт, библиотеки, комиссионные магазины, пункты проката, бассейны и т. п. Несмотря на то, что еще даже во времена натурального обмена люди делились друг с другом разными благами, генезис дефиниции «совместное потребление» (*collaborative consumption*) связан с развитием коллективизма и сотрудничества в обществе, и в научный оборот данный термин впервые был введен в 1978 г. в исследовании М. Фелсона (M. Felson) и Дж. Л. Спаэта (J.L. Spaeth) [33]. В свою очередь, развитие интерне-

та, мобильных технологий, социальных и пиринговых сетей¹ дало импульс появлению новых форм модели совместного потребления, которые были описаны в 2010 г. в книге Р. Ботсман (R. Botsman) и Р. Роджерса (R. Rogers) [27]. Некоторые исследователи (например: [42; 45]) начали рассматривать эту модель в качестве одного из самых значимых трендов, который в перспективе может привести к смене экономической парадигмы, что в свою очередь потребовало пересмотра традиционных моделей экономической теории и бизнес-стратегий.

В традиционной экономической теории считалось, что люди стремятся максимизировать свою выгоду и потреблять как можно больше благ, с учетом имеющихся бюджетных ограничений². В конце XIX в. американский экономист и социолог Т. Веблен (T. Veblen) в своем исследовании обратил внимание на то, что люди могут потреблять товары и услуги не только для удовлетворения своих потребностей [48], но и для того, чтобы продемонстрировать свой социальный статус и престиж. Этот феномен стал основой *«теории демонстративного потребления»*, которая позднее получила свое развитие в работах П. Бурдьё (P. Bourdieu) [28], утверждавшего, что демонстративное потребление может быть использовано для создания идентичности и социальной принадлежности, а также для укрепления социальных отношений и связей.

Важным объективным фактором стремительного развития феномена демонстративного потребления стало упрочение экономических позиций формирующегося и быстро крепнущего среднего класса [13]. Когда в 1950—1960 гг. производство массовых товаров стало доступным для широких слоев населения, в западных странах как культурно-экономическое явление сформировался и развился *консюмеризм*, характеризующий стремление людей к потреблению большого количества товаров и услуг, часто необходимых им не

---

¹ *Пиринговые сети (peer-to-peer networks)* — это сети, в которых участники обмениваются ресурсами (файлами, программами, информацией) напрямую, без посредников.

² Теория максимизации полезности, разработанная в XIX в. И. Бентамом (J. Bentham), Дж. С. Миллем (J.S. Mill), Л. Вальрасом (L. Walras) и др. экономистами, является источником для неоклассической теории потребления и выведения кривых спроса на потребительские товары.

столько для удовлетворения своих потребностей, сколько для удовлетворения своих желаний. В дальнейшем данный подход нашел свое отражение в «*гедонистической теории потребления*» [40], которая основывалась на предположении о том, что люди, принимая решения о потреблении на основе своих личных предпочтений, стремятся максимизировать свою удовлетворенность.

Позднее *концепция консьюмеризма* распространилась и на другие страны мира и долгое время рассматривалась в качестве доминирующей экономической доктрины и одной из главных движущих сил экономического роста. К концу XX столетия потребление достигло небывалых высот — и в плане материального размаха, и с точки зрения распространения по всему земному шару, как отмечает Ф. Трентман (F. Trentman), рассмотревший в своем исследовании динамику этого процесса в контексте мировой истории от эпохи Ренессанса до Китая XXI в. [17]. Однако развитие «*общества потребления*» повлекло за собой и увеличение производства товаров и услуг, а также возросло и количество производимого мусора, большая часть которого утилизируется неправильно и оказывает негативное воздействие на окружающую среду и здоровье человека. По данным Всемирного банка, в мире ежегодно производится более 2 млрд т мусора, и, по прогнозам, за три десятилетия эта цифра может вырасти до 3,4 млрд т [50].

Кроме того, сегодня многие страны сталкиваются с такими проблемами, как перенасыщенность рынка, низкое качество продукции и потребительское поведение, которое не учитывает социальные последствия. Таким образом, с течением времени *концепция консьюмеризма* начала вызывать критику и сомнения, и вместо этого возрос интерес к *концепции устойчивого развития*, которая предполагает баланс между экономическими, социальными и экологическими аспектами, а также к *концепции совместного потребления*, которая основывается на идее уменьшения потребления при совместном использовании ресурсов, и, как следствие, способствует снижению негативного воздействия на окружающую среду.

Модель совместного потребления, как мы уже отметили, не является новой, однако в условиях диффузии цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности она получила новый импульс развития и изменила структуру взаимоотношений между потребителя-

ми товаров и услуг за счет снижения возникающих в этих процессах транзакционных издержек, минимизации затрат и уменьшения количества посредников [8]. Сегодня она известна как «шеринговая экономика» (sharing economy), или «экономика совместного потребления» (collaborative consumption economics) [4].

Первые шеринговые стартапы начали появляться в начале 2010-х гг., и в настоящее время в мировой экономике совместного потребления насчитывается 9 829 компаний. Они работают в 133 странах и 25 категориях, включая бизнес и инновации, финансы и экономику, продукты питания и напитки, технологии и данные, а также недвижимость [15]. В России также представлены все основные направления шеринга, и в 2020 г. объем транзакции на основных платформах экономики совместного потребления превысил 1 трлн р. [19].

Активный интерес научного сообщества к шеринговой экономике проявился в 2010 г. (см. рис. 1).

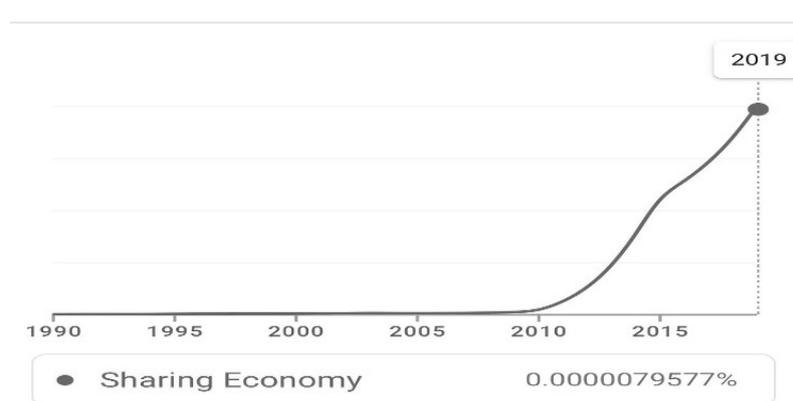

Рис. 1. Частотность упоминания понятия «Sharing Economy»

В таблице 1 приведены наиболее часто цитируемые в научной литературе понятия «шеринговой экономики».

Таблица 1

**Природа и сущность «шеринговой экономики»
по основным дефинициям**

Год	Автор(-ы), источник	Определение шеринговой экономики	Сущностные характеристики
2010	<i>Botsman R., Rogers R. What's mine is yours: the rise of collaborative consumption.</i>	«Социально-экономическая модель, основанная на совместном потреблении недостаточно используемых товаров, активов или услуг» [27]	Совместное потребление недостаточно используемых активов
2013	<i>Heinrichs H. Sharing economy: A potential new pathway to sustainability</i>	«Модель экономики, которая открывает потенциально новый путь к устойчивому развитию и охране окружающей среды» [39]	Модель устойчивого развития экономики и охраны окружающей среды
2014	<i>The sharing economy: how will it disrupt your business? (Megatrends: the collisions, PWC)</i>	«Использование цифровых платформ, предоставляющих потребителям доступ к использованию, но не владению материальными и нематериальными товарами и услугами» [46]	Доступ потребителей к использованию, но не владению материальными и нематериальными активами посредством цифровых платформ
2015	<i>Frenken K., Meelen T., Arets M., Glind P. van de. Smarter Regulation for the Sharing Economy</i>	«Система, в которой потребители (или фирмы) предоставляют друг другу временный доступ к их не полностью используемым физическим активам, возможно, за плату» [35]	Временный доступ за плату к недоиспользуемым физическим активам

Продолжение табл. 1

2015	<i>Guttentag D. Airbnb: Disruptive innovation and the rise of an informal tourism accommodation sector</i>	«Подрывная бизнес-модель», изменяющая целые отрасли и модели потребления продуктов и услуг» [37]	Изменение модели потребления продуктов и услуг
2015	<i>Botsman R. Defining the Sharing Economy: What Is Collaborative Consumption—And What Isn't</i>	«Переосмысление с помощью современных технологий традиционного рыночного поведения: аренды, обмена, совместного использования, дарения, бартера в масштабах, невозможных до появления интернета» [26]	Изменения традиционного рыночного поведения, невозможные до появления интернета
2015	<i>Hamari J., Sjöklint M., Ukkonen A. The Sharing Economy: Why People Participate in Collaborative Consumption</i>	«Взаимодействие между потребителями по приобретению, передаче или совместному доступу к товарам и услугам, координируемое через общие онлайн-платформы» [38]	Координация через онлайн-платформы
2015	<i>Chase R. Peers Inc: How people and platforms are inventing the collaborative economy and reinventing capitalism</i>	«Основывается на трех ключевых характеристиках: эффективности цифровых многосторонних платформ, одноранговом взаимодействии и наличии недостаточно используемых ресурсов» [31]	Цифровые многосторонние платформы, одноранговое взаимодействие, недостаточно используемые ресурсы

Продолжение табл. 1

2015	<i>Digital Economy Outlook, OECD</i>	«Онлайн-платформы, специализирующиеся на совмещении спроса и предложения на специфических рынках, обеспечивая куплю-продажу и аренду между потребителями» [32]	Совмещение спроса и предложения посредством онлайн-платформ
2016	<i>Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации (Аналитический центр при Правительстве РФ)</i>	«Экономическая деятельность на базе онлайн-платформ, основанная на совместном потреблении недостаточно используемых активов на возмездной или безвозмездной основе между людьми равного статуса» [7]	Совместное потребление недостаточно используемых активов на возмездной или безвозмездной основе между людьми равного статуса посредством онлайн-платформ
2017	<i>Rinne A. What Exactly is the Sharing Economy?</i>	«Система, обеспечивающая совместное потребление не полностью используемых активов с монетизацией и без нее, позволяющая повышать эффективность, устойчивость и сотрудничество» [44]	Совместное потребление недостаточно используемых активов с монетизацией и без нее
2018	<i>Швед В.В., Яблочников С.Л. Особенности шеринговой экономики на Украине</i>	«Экономическая модель взаимоотношений, в которой люди могут получать или же предоставлять, как правило, в краткосрочную аренду, активы без перехода права собственности на них и одновременном извлечении взаимной финансовой выгоды» [18]	Извлечение взаимной финансовой выгоды из активов без перехода прав собственности

Продолжение табл. 1

2019	Авдокушин Е.Ф., Кузнецова Е.Г. Экономика совместного потребления: сущность и некоторые тенденции развития	«Модель новой экономики, основанной на “цифре”. комплексная сфера современной экономики, основанная на принципах кооперативизма, сотрудничества, инклюзивности, социальной поддержки, экологичности в рамках рециркуляционной экономики, сопряжения использования ресурсов» [2]	Сопряженное использование ресурсов на основе принципов кооперативизма, сотрудничества, инклюзивности, социальной поддержки и экологичности в рамках рециркуляционной экономики
------	---	---	--

Источник: составлено автором на основе публикаций, размещенных в базе Google Scholar и на сайтах информационно-аналитических агентств.

Как отмечается в актуальных исследованиях [2], грамотное применение цифровых технологий, развивая новые формы взаимодействия экономических субъектов, способствует более эффективному использованию ресурсов в условиях шеринговой экономики. Пропорционально снижая потребность в производстве новой продукции, уменьшая углеродный след цепей поставок и сокращая объем образования отходов, совместное потребление становится важным компонентом *циркулярной экономики*³, являющейся одним из условий для достижения целей устойчивого развития.

На основе проведенного анализа, можно заключить, что а) изначально, концепция совместного использования не предполагала возможность финансового вознаграждения за обеспечение доступа к активам, и именно поэтому для обмена такого рода использовался термин «шеринг», а не «аренда» [12]; б) в настоящее время в

³ *Циркулярная экономика* представляет собой совокупность бизнес-моделей, замыкающих, замедляющих и сужающих продуктовые и материальные потоки для сокращения конечного объема потребления исчерпаемых ресурсов. К таким бизнес-моделям относятся: замыкание поставок, восстановление ресурсов, продление срока жизни продукции, совместное пользование и продуктово-сервисные модели [29].

определение «шеринг» включаются и ситуации, когда деньги также являются частью соглашения, и исследователи, характеризуя шеринговую экономику, объединяют как сделки, приносящие финансовую выгоду владельцу актива, так и варианты безвозмездного использования и владения активами, без перехода права собственности; в) шеринговая модель экономики в условиях цифровизации создает новые возможности для решения социальных и экологических проблем с учетом роста населения и фактора истощаемости ресурсов.

Базовые технологии шеринговой экономики

Стремительный рост шеринговой экономики, как мы уже отметили, был связан с активным развитием интернета и цифровых технологий. Если провести сравнение развития скоростного мобильного интернета в России и во всем мире за последние 10 лет с темпами роста экономики совместного потребления, то можно увидеть, что эти тренды практически совпадают [9]. Поскольку проникновение мобильного интернета в странах с развитой экономикой приближается к полному насыщению (свыше 90%), то последующее развитие шерингового бизнеса будет происходить не столько за счет экстенсивного роста, сколько за счет более глубокого проникновения шеринговых услуг на рынок и усовершенствования онлайн-сервисов, стимулируемого процессами трансформации общественного сознания [9].

С помощью *мобильных приложений (МА)* пользователи могут легко находить доступные ресурсы для аренды или обмена, а также проводить транзакции и оценивать других участников. Чтобы обеспечить безопасные и удобные транзакции между участниками, используются различные *платежные системы (MFS)*, такие как *электронные кошельки, криптовалюты и банковские карты*. Важной частью шеринговой экономики являются *системы управления рейтингом и отзывами (CFM)*, позволяющие пользователям оценивать товары и услуги и оставлять отзывы о других участниках. Это помогает установить доверие и обеспечить качество предоставляемых услуг.

Часть процесса формирования экономики совместного потребления составляет использование *больших данных (Big Data)*.

Чтобы обеспечить масштабируемость и доступность платформ шеринговой экономики, используются *облачные вычисления*, которые позволяют обрабатывать большие объемы данных и обеспечивать надежное функционирование приложений.

В рамках новой экономической парадигмы использование *Big Data* позволяет компаниям эффективно отвечать на запросы пользователей в виртуальном пространстве [14]. Участники экономики совместного потребления оставляют большой объем данных, и компании используют алгоритмы *Big Data*, основываясь на этой информации, для предоставления пользователю рекомендаций и персонализации его покупательского опыта. Несмотря на то, что компьютеры пока не имеют ассоциативного мышления, однако огромные базы данных позволяют сравнивать поведение пользователей, делать выводы и достраивать недостающие логические цепочки [14]. Применение технологии *блокчейна (Blockchain)* позволит сделать транзакции самоисполняющимися, что приведет к сокращению комиссий и времени их проведения.

Структурные характеристики

Основные сферы деятельности шеринговой экономики включают:

1) *транспортные услуги*: платформы, предоставляющие такие услуги, как каршеринг или попутное движение, на которых люди могут арендовать или делиться автомобилем [30] (*Uber, BlaBlaCar, Getaround, Turo, Zipcar, DriveNow, Car2Go, CityDrive, GoMore, SnappCar* и др.);

2) *жилье и размещение*: платформы, позволяющие людям сдавать в аренду или арендовать свое жилье [22] (*Airbnb, Booking.com, HomeAway, VRBO, FlipKey, Homestay, Agoda Homes, Housetrip, Wimdu* и др.);

3) *финансовые услуги*: пиринговые кредитные платформы, на которых люди могут взять займы друг у друга [23] (*LendingClub, Prosper, Zopa, Upstart, Funding Circle, CircleBack Lending* и др.);

4) *услуги трудоустройства*: платформы для поиска временной работы [34] (*Freelancer, Upwork, HeadHunter, SuperJob, Rabota, Job, Avito, Worki, GorodRabot, RabotaMail, Jooble* и др.);

5) *услуги фудшеринга*: платформы для обмена продуктами питания с неистекшим сроком годности [36] (*Uber Eats, Glovo, Deliveroo, Яндекс.Еда, Instacart, Postmates, Doordash, Grubhub, Foodpanda, Just Eat* и др.);

6) *сфера развлечений*: медиа-хостинговые платформы предоставляющие возможность делиться контентом (*YouTube, Vimeo, TikTok, Spotify, SoundCloud* и др.), и платформы аренды оборудования для развлечений или для поиска развлекательных мероприятий [47] (*Rentuu, Eventbrite, GigSalad, Open Air Photobooth* и др.);

7) *здоровье и фитнес*: платформы для поиска тренеров или услуг в сфере здоровья [24] (*Upfit, BetterMe, GuruFit, Zocdoc, ClassPass, MyFitnessPal, Handstand, Practo* и др.);

8) *производство и обработка*: общие площадки для обмена оборудованием и материалами для производства [25] (*Peerby, ShareGrid, Fat Llam, ToolMates, MaterialsXchange, NeighborGoods, OpenDesk, MakeWorks, Sparetoolz, MakerNet* и др.);

9) *энергетика и экология*: платформы для обмена или совместного использования возобновляемых источников энергии, такие как солнечные панели или электромобили [20] (*Shareenergy, LO3 Energy, SolarCity* и др.);

10) *образование и обучение*: платформы для обмена шеринговым образовательным контентом [21] (*Coursera, Udemy, Skillshare, LinkedIn Learning, Teachable, Khan Academy, Codecademy, edX, MasterClass* и др.).

Это лишь несколько примеров смежных сфер деятельности шеринговой экономики, и этот список может быть намного шире, учитывая, что платформы совместного потребления могут возникать и в других сферах деятельности, где имеются недоиспользованные активы.

Модели взаимодействия бизнеса и конечных потребителей в шеринговой экономике

В структуре шеринговой экономики исследователи выделяют две основные составляющие: *экономику совместного пользования* (ЭСП), в сегментах С2С и С2В и *экономику совместного использования* (ЭСИ) в сегментах В2В и В2С [2]. Принципиальное различие

этих двух моделей заключается в том, что в рамках первой модели осуществляются обмен, дарение и совместно пользование благами на возмездной и безвозмездной основе, а в рамках второй — совместное использование недоиспользуемых активов для получения денежной или неденежной выгоды [26]. Таким образом, новая экономическая модель формируется вследствие видения шеринга как симбиоза ЭСП и ЭСИ [1].

По формам взаимоотношения участников в рамках шеринговой экономики различают также *одноранговые (P2P)* и *разноранговые* модели взаимоотношений (см. рис. 2).

Важно отметить, что эти модели могут взаимодействовать между собой и использоваться в различных комбинациях, в зависимости от конкретной ситуации и типа шеринговой платформы.

	<i>Экономика совместного пользования (ЭСП)</i>	<i>Экономика совместного использования (ЭСИ)</i>	
<i>Одноранговая бизнес-модель</i>	C2C (BlaBlaCar, Relay Rides, Airbnb, Uber, Rent-a-Pag, TaskRabbit, Neighbor Goods и др.)	B2B (On-demand staffing, Machinery Link Solutions, Yard Club, СНЕР и др.)	<i>Взаимодействие основано на взаимном доверии</i>
<i>Разноранговая бизнес-модель</i>	C2B (Google Con- sumer Surveys, Cloutrack, Fiverr и др.)	B2C (3DHubs; Tool Library и др.)	<i>Взаимодействие регулируется со стороны государства</i>
	<i>Отношения простой кооперации</i>	<i>Товарные возмездные сделки</i>	

Рис. 2. Модели экономики совместного пользования и использования⁴

⁴ Источник: составлено автором на основе [16].

К основным принципам реализации моделей взаимодействия бизнеса и конечных потребителей в шеринговой экономике можно отнести:

- 1) *равноправие*: бизнес и конечные потребители имеют равные права и возможности в процессе сотрудничества;
- 2) *прозрачность*: поставщики предоставляют полную информацию о своих услугах, ценах и условиях использования;
- 3) *доступность*: поставщики стремятся сделать услуги доступными для как можно большего числа потребителей, не имеющих возможности заплатить полную стоимость владения;
- 4) *взаимодействие в режиме 24/7*: возможность пользователей осуществлять доступ к шеринговым услугам через специализированные цифровые платформы в любое время из любой точки мира;
- 5) *взаимовыгодность*: компании получают доход от недоиспользованных активов, а потребители получают доступ к услугам по удобным условиям бронирования, оплаты и получения услуг;
- 6) *экологичность*: поставщики и потребители снижают потребление и стремятся избегать излишнего расходования ресурсов, что в свою очередь способствует уменьшению выбросов и отходов и приводит к более устойчивой и ответственной экономике.

Архитектура и состав экосистемы шеринговой экономики

Рассматривая эволюцию концепции шеринговой экономики, зарубежные исследователи считают, что ее экосистема еще не сформировалась в полной мере и до сих пор находится на ранней стадии развития [41]. Представим попытку построить базовую структуру экосистемы шеринговой экономики, которая состоит из четырех уровней (см. рис. 3):

На первом уровне экосистемы находятся физические лица и организации, которые участвуют в шеринговой экономике как *поставщики* или *потребители* услуг. Это могут быть владельцы автомобилей, квартир и других недоиспользованных активов, а также частные предприниматели, организации и т. д. На втором уровне находятся основные участники экосистемы — *цифровые платформы*, которые объединяют поставщиков и потребителей услуг. Эти платформы предоставляют инфраструктуру для организации и осу-

ществления транзакций, управления рейтингами, обеспечения безопасности и т. д. Их классификация на основе различных критериев приведена в табл. 2.

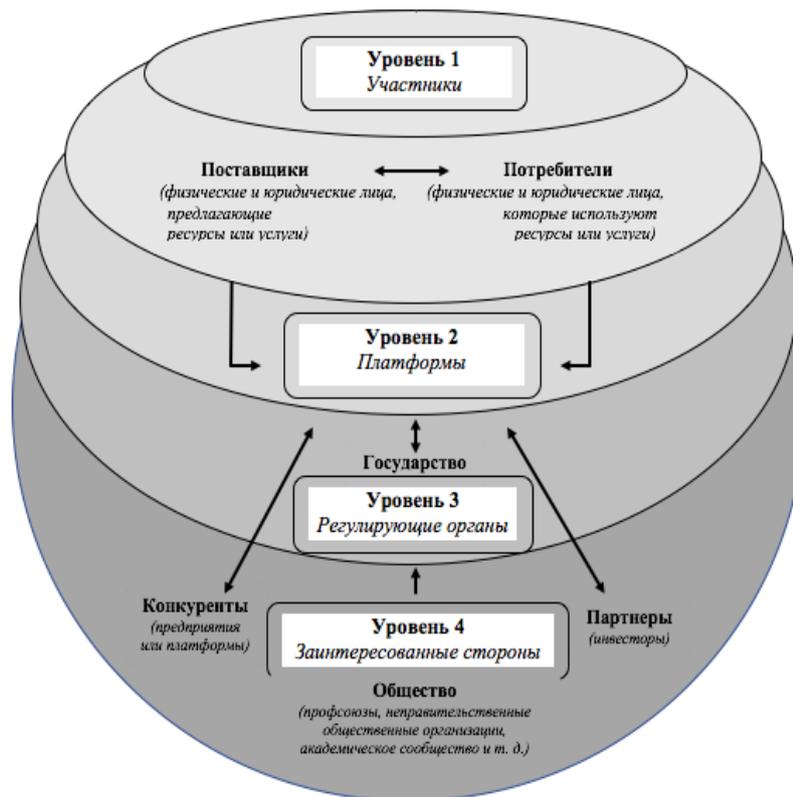

Рис. 3. Экосистема шеринговой экономики

Таблица 2

Классификация платформ совместного потребления

Владение активом	Отрасль	Тип услуг
<p><i>Децентрализованные</i> — пользователю предлагаются условия и актив владельца, а платформа предоставляет возможность осуществить транзакцию за небольшое вознаграждение (Airbnb, BlaBlaCar, Ravgo, Peerby; Turo, Xiaoxhu и др.)</p> <p><i>Централизованные</i> — сервис имеет полный контроль над своим активом, что дает возможность определять цены и обеспечивать высокое качество предоставляемых продуктов и услуг (DriveNow, Zipcar, Rent the Runway и др.)</p> <p><i>Гибридные</i> — владельцы активов предлагают услугу по определенной цене и с соответствующими стандартами, которые устанавливаются сервисом. Ответственность и риск распределены децентрализованно, в то время как стандартизация и уровень обслуживания централизованы (Uber, Lyft, Ola Cabs; REntomojo и др.)</p>	<p><i>Здравоохранение</i> (Figure 1, American Well, Doctor On Demand, Cohealo, Мед-Шеринг)</p> <p><i>Образование</i> (Skillshare, Coursera, StudentVIP, MOOC)</p> <p><i>Коммунальная сфера</i> (Airbnb, Couchsurfing, RightApart, Kwartel)</p> <p><i>Финансы</i> (United Traders, GoFundMe, IndieGoGo, FundLy)</p> <p><i>Продовольствие</i> (Too good to go, EatWith, Meal Sharing, Traveling Spoon, BonAppetour)</p> <p><i>Товары</i> (Avito, Юла, Rentmania, Fon, Spinlister, Grabr)</p> <p><i>Услуги</i> (Taskrabbit, YouDo, Wonolo, PapaJobs и др.)</p> <p><i>Транспорт</i> (Uber, Ola, Grab, Didi Chuxing, Zipcar, Turo, Blablacar, Justpark, JetSmarter, Boatbound)</p> <p><i>Логистика</i> (Uber Freight, SmartBoxCity, Flexe)</p> <p><i>Пространство</i> (Wework, Regus, Breathe, Storage market)</p> <p><i>Досуг и развлечения</i> (iTunes, Google Play, Яндекс.Музыка, Netflix, Ivi, Амедиатеки)</p>	<p>Платформы, на которых частные лица продают или сдают в аренду свои собственные товары и услуги (Airbnb, TaskRabbit)</p> <p>Платформы-членства, которые позволяют людям легко арендовать товары или получать доступ к услугам (Zipcar, eLance)</p> <p>Платформы для совместной работы, на которых люди обмениваются в основном неосязаемыми услугами, такими как обзоры товаров (TripAdvisor, Yelp) или знания (Википедия), а также более осязаемые вещи, такие как финансирование (Kickstarter, Lending Club)</p>

Источник: составлено автором на основе: [3; 10; 11; 16; 43; 49].

Третий уровень включает *государственные органы*, регулирующие организацию шеринговой экономики. Они разрабатывают и внедряют соответствующие законы, направленные на защиту прав потребителей, обеспечение безопасности, налогообложение и другие аспекты функционирования шеринговой экономики.

На четвертом уровне находятся *организации и сообщества*, которые имеют интересы и влияние на развитие шеринговой экономики. К ним могут относиться ассоциации потребителей, профессиональные организации, общественные группы и другие заинтересованные стороны. Ключевыми стейкхолдерами являются и *конкуренты*, к которым относятся предприятия или платформы, предоставляющие схожие услуги или товары. Однако между различными платформами или предприятиями могут существовать сотрудничество и партнерство, что позволяет расширить выбор и удовлетворить различные потребности клиентов. *Инвесторы* — это люди или организации, которые вкладывают деньги в развитие и масштабирование платформ совместного потребления, рассчитывая получить прибыль от своих инвестиций.

Структура экосистемы шеринговой экономики может различаться в зависимости от конкретной страны или региона, а также от требований регуляторов и участников. Однако заметим, что не все сегменты шеринговой экономики могут трансформироваться в экосистемы — одноранговые модели могут в ряде случаев претендовать лишь на создание протозекосистем [1].

***

В данной статье мы рассмотрели эволюцию происходящих в цифровой экономике изменений, которые затрагивают различные сферы бизнеса и общества. Выявлено, что масштабное проникновение цифровых технологий в различные аспекты жизнедеятельности способствовало формированию новой формы экономических отношений — *экономики совместного потребления*, которая соотносится с цифровой экономикой как часть и целое, т. е. является частью экосистемы цифровой экономики и в то же время характеризуется уникальными признаками собственной экосистемы, не имеющими аналогов в прошлом. Предложенный автором научный подход к обоснованию и описанию новых моделей социально-

экономического развития цифровой экономики позволил выявить ключевые признаки *шеринговой экономики* по пяти критериальным группам. В дальнейших исследованиях целесообразно будет выявить уникальные характеристики новых моделей *мобильной экономики* и *гиг-экономики*, которые также сформировались в процессе эволюции цифровой экономики, имеют свои специфические особенности, открывают новые возможности и несут угрозы для ведения хозяйственной деятельности, т. е. являются новым триггером для трансформации *фирмы* [5; 6]⁵.

Литература

1. *Авдокушин Е.Ф., Кузнецова Е.Г.* Шеринг как результат цифровизации сферы услуг. Поиск новой модели экономического развития // Вестник РГГУ. Сер. Экономика. Управление. Право. 2021 № 1. С. 28—44.
2. *Авдокушин Е.Ф., Кузнецова Е.Г.* Экономика совместного потребления: сущность и некоторые тенденции развития // Экономический журнал. 2019. № 2 (54). С. 6—19.
3. *Гелисханов И.З., Юдина Т.Н., Бабкин А.В.* Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2018. Т. 11. № 6. С. 22—36.
4. *Глухов В.В., Глухова З.В.* Экономика совместного потребления, как новая форма экономических отношений // Отходы и ресурсы. 2019. № 4: URL: <https://resources.today/PDF/11ECOR419.pdf> (дата обращения: 22.06.2023).
5. *Гудкова Т.В.* Фирма в цифровой экономике // Философия хозяйства. 2022. № 1. С. 74—93.
6. *Гудкова Т.В.* Цифровые технологии фирмы, ключевого звена американской экономики // США И Канада: экономика, политика, культура. 2019. Т. 589. № 1. С. 63—75.
7. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. Аналитический центр при Правительстве РФ. 2016: URL:

---

⁵ Автор выражает благодарность и глубокую признательность профессору Л.В. Лapidус за советы и ценные замечания при работе над данной статьей.

<https://hdr.undp.org/system/files/documents/2016nhdrussiarussianpdf.pdf> (дата обращения: 20.06.2023).

8. *Латидус Л.В.* Цифровая экономика: управление электронным бизнесом и электронной коммерцией: монография. М.: ИНФРА-М, 2018.

9. *Лясников Н.В., Усманов Д.И.* Цифровые технологии и свобода передвижения населения как ключевые факторы развития sharing-экономики // Проблемы рыночной экономики. 2020. № 3. С. 135—154.

10. *Наролина Т.С., Смотрова Т.И., Некрасова Т.А.* Анализ современного состояния цифровых платформ // Наука Красноярья. 2020. Т. 9. № 2. С. 184—205.

11. *Никанишина К.П.* Цифровые рабочие платформы: сущность и модели // Мировая экономика XXI в.: эпоха биотехнологий и цифровых технологий: Сборник научных статей по итогам работы круглого стола с международным участием, Москва, 15—16 января 2020 г. Ч. 2. М.: КОНВЕРТ, 2020. С. 90—92.

12. *Сагинов Ю.Л., Завьялов Д.В., Сагинова О.В.* Экономика распределенного пользования: основные понятия, определения, характеристики // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10. № 3. С. 1403—1424.

13. *Сапожникова В.С.* Демонстративное потребление как негативный фактор современного общественного развития // Культура и цивилизация. 2021. Т. 11. № 1А. С. 219—227.

14. *Семина К.С., Осипова Д.А.* Sharing economy: новая модель потребления в цифровой экономике // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. № 10А. С. 584—591.

15. Тенденции экономики совместного потребления в мире в 2023 г.: статистика и будущее sharing economy. D-MAG, 2023: URL: <https://b-mag.ru/tendencii-jekonomiki-sovmestnogo-potreblenija-v-mire-v-2023-g-statistika-i-budushhee-sharing-economy/?ysclid=lj3edw05lh298646490> (дата обращения: 21.06.2023).

16. *Точицкая И., Батова Н.* Экономика совместного потребления: мыльный пузырь или экономика будущего. Центр экономических исследований BEROC, 2020: URL: <https://beroc.org/upload/iblock/7a2/7a24fe50ae4271dd2d812163c62f0635.pdf> (дата обращения: 12.06.2023).

17. *Трентман Ф.* Эволюция потребления. Как спрос формирует предложение с XV в. до наших дней. М.: ЭКСМО, 2019.

18. *Швед В.В., Яблочников С.Л.* Особенности шеринговой экономики на Украине // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2018. № 2. С. 75—80.

19. Экономика совместного потребления в России 2020. Испытание на прочность. РАЭК, 2021: URL: <https://raec.ru/upload/files/raec-sharing-economy-2020.pdf> (дата обращения: 24.06.2023).

20. 5 Top Community Solar Solutions Impacting the Energy Industry. SturtUs, 2023: URL: <https://www.startusinsights.com/innovators-guide/5-top-community-solar-solutions-impacting-the-energy-industry/> (дата обращения: 18.06.2023).

21. *Acharya L.* 15 Best Udemу Alternatives and Competitors. Edwize, 2023: URL: <https://edwize.org/udemy-alternatives/> (дата обращения: 14.06.2023).

22. Airbnb Alternatives You Should Know About. Travelfreak, 2023: URL: <https://travelfreak.com/airbnb-alternative/> (дата обращения: 17.06.2023).

23. Alternative Finance Market 2022. NewsmantraaPublished, 2022: URL: <https://www.digitaljournal.com/pr/alternative-finance-market-2022-present-scenario-and-growth-prospects-2026-upstart-funding-circle-prosper-marketplace-lendingclub> (дата обращения: 21.06.2023).

24. *Bell L.* The 13 Best Health and Fitness Apps for Men. Esquire, 2022: URL: <https://www.esquire.com/uk/life/fitness-wellbeing/g30150198/best-health-fitness-apps/> (дата обращения: 17.06.2023).

25. Best Peerby Alternatives. Product Hunt, 2023: URL: <https://www.producthunt.com/products/peerby/alternatives> (дата обращения: 20.06.2023).

26. *Botsman R.* Defining the Sharing Economy: What Is Collaborative Consumption—And What Isn't, 2015. Fastcompany: URL: <https://www.fastcompany.com/3046119/defining-the-sharing-economy-what-is-collaborative-consumption-and-what-isnt> (дата обращения: 27.06.2023).

27. *Botsman R., Rogers R.* What's Mine Is Yours: The Rise of Collaborative Consumption. N. Y.: Harper Business, USA: 2010. 304 p.
28. *Bourdieu P.* La Distinction. Critique sociale du jugement. Paris: Ed. de Minuit, 1979. 668 p.
29. Business Models for the Circular Economy: Opportunities and Challenges for Policy. OECD, 2019: URL: <https://doi.org/10.1787/g2g9dd62-en> (дата обращения: 13.06.2023).
30. Car Sharing in Europe. Tripprivacy, 2023: URL: <https://tripprivacy.com/car-sharing-in-europe/> (дата обращения: 11.06.2023).
31. *Chase R.* Peers Inc: How people and platforms are inventing the collaborative economy and reinventing capitalism. Public Affairs, 2015. 306 p.
32. Digital Economy Outlook 2015. Paris: OECD Publishing. 15.07.2015: URL: <https://www.oecd.org/sti/oecd-digital-economy-outlook-2015-9789264232440-en.htm> (дата обращения: 23.06.2023).
33. *Felson M., Spaeth J.L.* Community Structure and Collaborative Consumption: a routine activity approach // American Behavioral Scientist. 1978. No. 21. P. 614—624.
34. *Freelance J.* Upwork, 2023: URL: <https://www.upwork.com/freelance-jobs/> (дата обращения: 25.06.2023).
35. *Frenken K., Meelen T., Arets M., Glind P. van de.* Smarter Regulation for the Sharing Economy. 20.05. 2015. The Guardian: URL: <https://www.theguardian.com/science/political-science/2015/may/20/smarter-regulation-for-the-sharing-economy> (дата обращения: 25.06.2023).
36. *Goldfine J.* Delivery Wars 2.0: How Just Eat Takeaway, Uber Eats, Deliveroo, Zomato and others match up in the multi-billion-dollar market. B2B, 2021: URL: <https://www.businessofbusiness.com/articles/delivery-wars-20-just-eat-takeaway-uber-eats-deliveroo-zomato-and-other-empires-fight-for-territory-billion-market/> (дата обращения: 21.06.2023).
37. *Guttentag D.* Airbnb: Disruptive innovation and the rise of an informal tourism accommodation sector // Current Issues in Tourism. 2013. No. 18. P. 1—26.
38. *Hamari J., Sjöklint M., Ukkonen A.* The Sharing Economy: Why People Participate in Collaborative Consumption // Journal of the

Association for Information Science and Technology. 2016. No. 67. P. 204—2059.

39. *Heinrichs H.* Sharing economy: A potential new pathway to sustainability // *GAIA*. 2013. No. 22 (4). P. 228—231.

40. *Hirschman E.C., Morris B.H.* Hedonic Consumption: Emerging Concepts, Methods and Propositions // *Journal of Marketing*. 1982. No. 46 (3). P. 92—101.

41. *Leung X.Y., Lan X., Han W.* Framing the sharing economy: Toward a sustainable ecosystem // *Tourism Management*. 2019. Vol. 71. P. 44—53.

42. *Ma Y., Zhang H.* Development of the Sharing Economy in China: Challenges and Lessons // *Innovation, Economic Development, and Intellectual Property in India and China*. ARCIALA Series on Intellectual Assets and Law in Asia / Ed. by K.-C. Liu, Uday S. Racherla, U.S. Springer, Singapore, 2019. P. 467—484.

43. *Owyang J.* Honeycomb 3.0: The Collaborative Economy Market Expansion. March 10, 2016: URL: <https://web-strategist.com/blog/2016/03/10/honeycomb-3-0-the-collaborative-economy-market-expansion-sxsw/> (дата обращения: 16.06.2023).

44. *Rinne A.* What Exactly is the Sharing Economy? // *World Economic Forum*, 2016: URL: <https://www.weforum.org/agenda/2017/12/when-is-sharing-not-really-sharing/> (дата обращения: 22.06.2023).

45. *Schwab K.* *The Fourth Industrial Revolution*. N. Y.: Crown Business, 2017. 192 p.

46. The sharing economy: how will it disrupt your business? Megatrends: the collisions. 08.2014. PWC.: URL: <http://pwc.co.uk> (дата обращения: 20.06.2023).

47. *Top 5 Event Ticketing Platforms for 2022*. Fienta, 2023: URL: <https://fienta.com/blog/top-event-ticketing-platforms-for-2022> (дата обращения: 12.06.2023)

48. *Veblen T.* *The theory of the leisure class: An economic study of institutions*. London: Macmillan Co. Publ., 1912. 256 p.

49. *Wallenstein J., Shelat U.* Learning to Love (or Live with) the Sharing Economy. The Boston Consulting Group: URL: <https://www.bcg.com/publications/2017/strategy-technology-digital-learning-love-live-sharing-economy> (дата обращения: 14.06.2023).

50. *What a Waste 2.0 A Global Snapshot of Solid Waste Management to 2050*. World Bank Report, 2018: URL: <https://datatopics.worldbank.org/what-a-waste/> (дата обращения: 24.06.2023).

References

1. *Avdokushin E.F., Kuznecova E.G.* Shering kak rezul'tat cifrovizacii sfery uslug. Poisk novoj modeli jekonomicheskogo razvitija // Vestnik RGGU. Ser. Jekonomika. Upravlenie. Pravo. 2021 № 1. S. 28—44.

2. *Avdokushin E.F., Kuznecova E.G.* Jekonomika sovместnogo potreblenija: sushhnost' i nekotorye tendencii razvitija // Jekonomicheskij zhurnal. 2019. № 2 (54). С. 6—19.

3. *Gelishanov I.Z., Judina T.N., Babkin A.V.* Cifrovye platformy v jekonomike: sushhnost', modeli, tendencii razvitija // Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politehnicheskogo universiteta. Jekonomicheskie nauki. 2018. Т. 11. № 6. S. 22—36.

4. *Gluhov V.V., Gluhova Z.V.* Jekonomika sovместnogo potreblenija, kak novaja forma jekonomicheskikh otnoshenij // Othody i resursy. 2019. № 4: URL: <https://resources.today/PDF/11ECOR419.pdf> (data obrashhenija: 22.06.2023).

5. *Gudkova T.V.* Firma v cifrovoj jekonomike // Filosofija hozjajstva. 2022. № 1. S. 74—93.

6. *Gudkova T.V.* Cifrovye tehnologii firmy, kljuhevogo zvena amerikanskoj jekonomiki // SShA I Kanada: jekonomika, politika, kul'tura. 2019. Т. 589. № 1. S. 63—75.

7. Doklad o chelovecheskom razvitii v Rossijskoj Federacii. Analiticheskij centr pri Pravitel'stve RF. 2016: URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/2016nhdrussiarussianpdf.pdf> (data obrashhenija: 20.06.2023).

8. *Lapidus L.V.* Cifrovaja jekonomika: upravlenie jelektronnym biznesom i jelektronnoj kommercej: monografija. M.: INFRA-M, 2018.

9. *Ljasnikov N.V., Usmanov D.I.* Cifrovye tehnologii i svoboda peredvizhenija naselenija kak kljuchevye faktory razvitija sharing-jekonomiki // Problemy rynochnoj jekonomiki. 2020. № 3. S. 135—154.

10. *Narolina T.S., Smotrova T.I., Nekrasova T.A.* Analiz sovremenogo sostojanija cifrovych platform // Nauka Krasnojars'ja. 2020. T. 9. № 2. S. 184—205.

11. *Nikanshina K.P.* Cifrovye rabochie platformy: sushhnost' i modeli // Mirovaja jekonomika XXI v.: jepoha biotehnologij i cifrovych tehnologij: Sbornik nauchnyh statej po itogam raboty kruglogo stola s mezhdunarodnym uchastiem, Moskva, 15—16 janvarja 2020 g. Ch. 2. M.: KONVERT, 2020. S. 90—92.

12. *Saginov Ju.L., Zav'jalov D.V., Saginova O.V.* Jekonomika raspredelennogo pol'zovanija: osnovnye ponjatija, opredelenija, harakteristiki // Voprosy innovacionnoj jekonomiki. 2020. T. 10. № 3. S. 1403—1424.

13. *Sapozhnikova V.S.* Demonstrativnoe potreblenie kak negativnyj faktor sovremenogo obshhestvennogo razvitija // Kul'tura i civilizacija. 2021. T. 11. № 1A. S. 219—227.

14. *Semina K.S., Osipova D.A.* Sharing economy: novaja model' potreblenija v cifrovoj jekonomike // Jekonomika: vchera, segodnja, zavtra. 2019. T. 9. № 10A. S. 584—591.

15. Tendencii jekonomiki sovmestnogo potreblenija v mire v 2023 g.: statistika i budushhee sharing economy. D-MAG, 2023: URL: <https://b-mag.ru/tendencii-jekonomiki-sovmestnogo-potreblenija-v-mire-v-2023-g-statistika-i-budushhee-sharing-economy/?ysclid=lj3edw051h298646490> (data obrashhenija: 21.06.2023).

16. *Tochickaja I., Batova N.* Jekonomika sovmestnogo potreblenija: myl'nyj puzyr' ili jekonomika budushhego. Centr jekonomicheskij issledovanij BEROC, 2020: URL: <https://beroc.org/upload/iblock/7a2/7a24fe50ae4271dd2d812163c62f0635.pdf> (data obrashhenija: 12.06.2023).

17. *Trentman F.* Jevoljucija potreblenija. Kak spros formiruet predlozhenie s XV v. do nashih dnei. M.: JeKSMO, 2019.

18. *Shved V.V., Jablochnikov S.L.* Osobennosti sheringovoj jekonomiki na Ukraine // Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa. 2018. № 2. C. 75—80.

19. Jekonomika sovmestnogo potreblenija v Rossii 2020. Ispytanie na prochnost'. RAJeK, 2021: URL: <https://raec.ru/upload/files/raec-sharing-economy-2020.pdf> (data obrashhenija: 24.06.2023).

О.В. НИФАЕВА

**Основные тенденции развития современной
экономической методологии***

Аннотация. Цель данной статьи состоит в рассмотрении ряда ключевых тенденций развития современной экономической методологии с точки зрения трансформации онтологических оснований экономической теории. В статье показаны основные характеристики экономической методологии как субдисциплины в корпусе экономического знания и сделан акцент на переосмыслении модели человека экономического и связанных с этим тенденциях развития экономической методологии, таких как расширение спектра факторов экономического поведения, предмета экономической теории и все более активное применение междисциплинарного подхода, что позволяет учесть сложность и гетерогенность экономической реальности. Тем самым рассмотренные в статье тенденции развития экономической методологии дают возможность высветить контуры будущей экономической теории.

Ключевые слова: экономическая методология, дисциплинарная онтология, модель человека, междисциплинарный подход.

Abstract. The aim of the article is to consider some key trends of modern economic methodology development from the point of transformation of ontological grounds of economic science. The article shows the main features of economic methodology as a subdiscipline in the frame of economic knowledge and emphasizes the rethinking of the model of economic man and the corresponding trends of economic methodology development such as the broadening of the spectrum of factors of economic behaviour and the scope of economic science as well as the more intensive applying of interdisciplinary approach in regard to the complexity and heterogeneity of economic reality. So the issues of economic methodology development examined in the article make it possible to highlight the outlines of economic science of the future.

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Нифаева О.В. Основные тенденции развития современной экономической методологии // Философия хозяйства. 2023. № 5. С. 91—104. DOI: 10.5281/zenodo.8416721.

Keywords: economic methodology, disciplinary ontology, model of man, interdisciplinary approach.

УДК 330.101
ББК 65.01

В настоящее время в философии под методологией понимается учение о системе и сама система принципов, правил, нормативов и способов организации теоретической и практической деятельности с целью познания свойств и законов действительности [31, 359]. Понятие методологии связывают с исследованием широкого спектра проблем, включая такие вопросы, как назначение науки, ее связь с хозяйственной деятельностью человека, закономерности и тенденции развития науки, эволюция, классификация и совершенствование методов исследования, структура научного знания, критерии научности теорий и моделей, понятийный аппарат и язык науки [30, 259; 31, 360].

В отношении экономической методологии, бурное развитие которой началось в последней трети XX в., можно сказать, что она изучает принципы рассуждения и методы, благодаря которым ученые исследуют мир экономики, обосновывают свои теории, отдавая предпочтение одним теориям перед другими, делают выводы о сущности экономических феноменов, устанавливают связи между теориями и утверждениями о мире экономики [1, 5; 4, 18, 35]. Кроме того, современная экономическая методология все чаще обращается к вопросам взаимовлияния этики как сферы общественного сознания и науки как вида деятельности, структуры научного сообщества, роли экономической науки в жизни общества, в решении актуальных социально-экономических проблем, тем самым затрагивая вопросы, пограничные с проблематикой философии и социологии науки. Экономическая методология активно использует терминологию философии науки при исследовании проблем эволюции экономического знания с точки зрения его роста, логики теоретического мышления, научных революций во взаимосвязи с историей экономической мысли [1; 2; 4; 16; 26; 35].

Экономическая методология также постепенно отказывается от своей предписывающей функции, ученые-методологи все мень-

ше пропагандируют какие-либо жесткие стандарты исследования. Большой популярностью сегодня пользуется идея методологического плюрализма, означающая право на существование различных методологических приемов и право ученого самостоятельно выбрать методы исследования применительно к тому или иному объекту исследования. Это можно объяснить как внутринаучными причинами, так и увеличивающейся сложностью самой экономической реальности, которая уже не позволяет опираться на строго ограниченный набор инструментов исследования. Однако с распространением методологического плюрализма возникает проблема релятивизма в науке, фрагментации экономического знания [1, 5; 2, 13, 145]. Как следствие, преимущественное распространение может получить не та теория или модель, которая в большей степени соответствует экономической реальности и практическим целям, а та, которая имеет большие возможности для продвижения по причинам материального, репутационного и организационного характера. Экономическая методология характеризуется исследованием в большей степени различных (институциональных, аксиологических) аспектов деятельности ученых в рамках научного сообщества как компонента культуры общества и социального института. Более подробно об указанных выше особенностях современной экономической методологии говорится в работах О.И. Ананьина и И.А. Болдырева [2; 6].

В.Л. Тамбовцев справедливо указывает на то, что экономисты-теоретики сегодня довольно редко обращаются к вопросам методологии [27, 53], тогда как в прошлом, особенно во времена классической политической экономии, большинство крупнейших ученых-экономистов были также методологами, философами науки, логиками (А. Смит, Дж.С. Милль, К. Маркс, К. Менгер, Т. Веблен, Й. Шумпетер и др.). Тем не менее, обращение к вопросам методологии может быть весьма полезно как с теоретической, так и с практической точки зрения, учитывая тот факт, что основное назначение методологии состоит в том, чтобы связать те или иные теории и модели с объектами реального мира. Поэтому цель данной статьи состоит в описании некоторых ключевых тенденций развития современной методологии экономической науки в рамках эволюции дисциплинарной экономической онтологии, поскольку именно эти тен-

денции позволяют выявить (или, по крайней мере, предположить) черты будущей экономической науки и расширить наше понимание эволюции экономической мысли, что в свою очередь представляет большой интерес с позиций совершенствования самой экономической методологии.

В первую очередь необходимо прояснить, что под дисциплинарной онтологией экономической теории современные ученые понимают картину исследуемой экономической реальности в виде базовых предпосылок теории, прежде всего, в форме типичных элементов экономической реальности, их свойств и связей между ними в пространстве и времени. Дисциплинарная онтология формирует своеобразный каркас теоретического знания, на который ученые опираются при выборе тем, предмета и методов исследования, а также изложения его результатов [1; 2; 5; 26].

Для экономической теории как социально-гуманитарной науки принципиальное значение имеет то, каким ученые-экономисты представляют себе человека и какие факторы его поведения предпочитают анализировать, считают относящимися к предмету экономической науки. Именно вокруг модели человека сегодня концентрируются ключевые тенденции эволюции экономической методологии. Ретроспективный взгляд на модель человека экономического в истории экономической мысли позволяет обратить внимание на то, что расширение модельных характеристик экономического поведения происходило и происходит в соответствии с трансформацией онтологических представлений в экономической науке (от продуктовой онтологии, характерной для времен возникновения экономической науки в рамках классической политической экономии до современных системных, синергетических и гуманистических онтологических представлений) и совокупностью потребностей человека, классификации которых выработаны социологической и психологической науками и на которые нередко опираются сами ученые-экономисты (имеются в виду витальные, когнитивные и социэтарные потребности человека [19; 21; 22; 23]). Подробно некоторые экономические онтологии в соответствии с различными этапами развития экономической науки описаны в [2; 8; 9; 10]. Речь идет о том, что человек экономический проходит путь от стремления к максимизации материального благосостояния через

трансформацию его когнитивных способностей (в духе ограниченной рациональности по Г. Саймону) к целям хозяйственной деятельности, ориентированным на других людей, причем не обязательно в смысле высших нравственных ценностей или альтруизма, ориентация на других может быть связана и с удовлетворением личных интересов за счет других людей. Безусловно, и ограниченные аналитические и предсказательные возможности человека, и его альтруистические черты всегда в разной степени (иногда неявно) присутствовали в моделях человека разных ученых-экономистов разных эпох, но их представление в развернутом виде в рамках наиболее распространенной в тот или иной период развития экономической науки дисциплинарной онтологии осуществлялось постепенно, поскольку, как известно в экономической методологии, те или иные онтологические рамки анализа ограничивают поле (предмет) исследования ученых только теми чертами человека, которые считаются приемлемыми, входящими в картину изучаемой реальности, оставляя за границами исследования то, что не предполагается дисциплинарной онтологией [1, 5; 2, 136; 26, 335]. Это хорошо видно на примере таких черт характера человека, как доверие, стремление к справедливости, альтруизм, хотя они всегда так или иначе принимались в расчет учеными-экономистами, в том числе классиками политической экономии, представителями немецкой исторической школы и оригинального институционализма, а также в российской экономической мысли. Тем не менее, признанным элементом экономического моделирования они стали только сравнительно недавно — на рубеже XX—XXI вв. В немалой степени это произошло благодаря осознанию того, что: 1) в экономике действуют все же разные типы экономических субъектов, соответственно разнообразие их целей, мотивов поведения, ценностей порождает и разнообразие экономических феноменов, хотя одновременно и снижает возможности построения строгих экономических моделей и предсказуемость экономического поведения; 2) любое экономическое явление связано с людьми, затрагивает их интересы, за любыми материальными объектами, экономическими показателями, управленческими решениями стоят конкретные люди со своими ценностями, потребностями, интересами; 3) большую роль в поведении людей играет институциональное окружение, действующие в

обществе формальные и неформальные нормы, в том числе нравственные. Все эти обстоятельства составляют слишком большой пласт экономической реальности, чтобы его можно было игнорировать, поэтому они постепенно и начинают включаться в экономические модели сначала в виде всевозможных отклонений от эталонного поведения *homo oeconomicus*, а впоследствии в составе равноправных черт модели человека экономического.

Вовлечение в орбиту экономических исследований новых экономических феноменов и придание модели человека экономического большего разнообразия свидетельствуют о трансформации предмета исследования теоретической экономической науки. В настоящее время предмет исследования экономической науки расширяется за счет изучения экономического поведения как осуществляемого в разнообразном институциональном (социально-культурном) контексте, а экономики как сложной развивающейся системы. Вопросы сложности экономической реальности и возможности применения потенциала теории хаоса и синергетики для решения различных теоретических проблем сегодня становятся все более распространенными. Анализ тематики публикаций по вопросам экономической теории и методологии свидетельствует о росте популярности дискурса сложности, появлении своего рода научной моды на терминологию синергетики и теории хаоса. Авторы многих публикаций справедливо указывают на большой методологический потенциал и актуальность «сложностно-ориентированной повестки» [15; 17; 32].

С точки зрения расширения границ модели человека и предмета теоретической экономической науки можно, хотя и с некоторой долей условности, говорить о приращении прикладного и теоретического экономического знания в части исследования различных факторов экономического поведения по двум направлениям: психолого-поведенческому и социально-этическому. В первом случае ученые-экономисты обращаются к изучению особенностей экономического мышления и поведения, привычек, рутин и стереотипов, процессов принятия решений в условиях неопределенности. Во втором случае исследуются культурные, социальные, этические грани экономических феноменов и экономического поведения. И в первом, и во втором случае имеет место тесное взаимодействие

экономической теории с другими социально-гуманитарными (и не только) науками, в результате чего возникают смежные научные дисциплины на стыке экономики, права, этики, а также психологии, биологии и даже физики [20, 27—28]. В целом следует отметить, что междисциплинарный подход является одной из характерных черт развития современного социально-гуманитарного знания. Сегодня ему посвящается все больше и больше публикаций в ведущих отечественных периодических изданиях. При этом речь не идет о полном стирании границ между социально-гуманитарными науками и превращении их в единую метанауку, как предлагают некоторые ученые, а о плодотворном сотрудничестве и взаимодействии наук («мягкой» конвергенции, по выражению С.Г. Кирдиной-Чэндлер), когда знания, полученные в одной науке, могут быть успешно применены в другой науке или когда объект и предмет исследования оказываются настолько сложными и многофакторными, что требуют привлечения специальных знаний из разных областей [11; 25].

Процессы трансформации модели человека экономического коррелируют с процессами поиска новой методологической платформы в виде ключевых методологических принципов, которыми для любой социально-гуманитарной науки являются принципы методологического индивидуализма и методологического коллективизма. В очень обстоятельных исследованиях российских ученых проводится как анализ значения и эволюции понимания этих принципов, так и возникающие в различных областях социально-гуманитарного знания альтернативы этих принципов. Спор о преобладании индивидов или коллективов (индивидов или институтов) сопровождает весь период существования теоретической экономической науки, и ученые — теоретики и методологи — не оставляют попытки прийти к какому-либо компромиссному, синтетическому, «третьему» варианту. Этот спор основан на том, что основным ограничением обоих указанных принципов в их базовых версиях является недостаточный учет сложности экономической среды, взаимосвязи экономических феноменов, взаимообусловленности поведения индивидов и окружающих их институтов и соответственно жесткое противопоставление индивидов и коллективов, индивидов и созданных ими же институтов [8; 10; 13; 24; 28]. Однако срединные варианты уже имелись в истории экономической мысли, и пока

методологи ломают копья в споре индивидуализм versus коллективизм, ученые-теоретики прошлого уже реализовывали этот «третий» путь в своих работах. В частности в трудах К. Маркса, Г. Шмоллера, Т. Веблена, Дж. Коммонса, а также Й. Шумпетера, Дж.М. Кейнса и других ученых имеется учет многофакторности как индивидуального, так и социально обусловленного поведения экономических субъектов. Упомянутые ученые анализировали экономические феномены с учетом как индивидуальных мотивов и интересов, так и общественных ценностей, стереотипов, институционального окружения, сформированного предыдущими поколениями. Это позволило без оглядки на ограничения жесткого противопоставления индивидуального и коллективного начала в человеке исследовать такие феномены, как демонстративное потребление, а также роль моральных норм и проблемы эволюции экономических институтов [7; 12; 14; 18; 33; 34]. В переводе на язык современной экономической теории сущность этого срединного пути состоит в трансформации онтологических представлений, реформативности картины экономической реальности, понимании экономического универсума как многомерного пространства-времени с взаимодействующими в нем гетерогенными, т. е. разнообразными по своим характеристикам экономическими субъектами (имеется в виду наличие разных типов экономического поведения), а не однотипными *homo oeconomicus*, с учетом институционального контекста в виде норм, ценностей, привычек, жизненного опыта, убеждений, интуиции, мотивов поведения. Экономические субъекты взаимодействуют друг с другом в открытой среде, то есть испытывают влияние среды и сами своими действиями создают и изменяют ее. Ведь как писали классики марксизма, «обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства» [18, 37].

Как видно из сказанного, совершенствование методологии экономической теории так или иначе неразрывно связано с трансформацией модели человека экономического. В настоящее время модель человека в экономической теории постепенно дополняется новыми чертами, приближающими ее к более реалистичному описанию поведения человека. В немалой степени это происходит за счет исследований и достижений экспериментальной и поведенческой экономики. В частности в поведенческой экономике возникло

многообразии теорий, основанных на анализе различных отклонений от модели homo oeconomicus [3; 29]. Несмотря на отсутствие целостного представления о природе человека в поведенческой экономике, исследования, проводимые в ее рамках, могут быть очень плодотворны в том смысле, что они позволяют изучать различные грани поведения человека в условиях усложнения экономической реальности и разнообразия институциональных, аксиологических, социально-психологических аспектов хозяйственной деятельности, тем самым накапливая знания, которые в будущем, возможно, послужат формированию новой методологической платформы экономической науки, связанной с интегральной моделью человека экономического.

Литература

1. *Ананьин О.И.* Онтологические предпосылки экономических теорий. М.: Институт экономики РАН, 2013. 50 с.
2. *Ананьин О.И.* Структура экономико-теоретического знания: методологический анализ. М.: Наука, 2005. 243 с.
3. *Белянин А.В.* Лицом к лицу: достижения и вызовы поведенческой экономики // Журнал Новой экономической ассоциации. 2017. № 2 (34). С. 166—175.
4. *Блауг М.* Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. 416 с.
5. *Болдырев И.* Онтология ортодоксальной экономической науки: проблемы построения и интерпретации // Вопросы экономики. 2008. № 7. С. 100—111.
6. *Болдырев И.А.* Экономическая методология сегодня: краткий обзор основных направлений // Журнал Новой экономической ассоциации. 2011. № 9. С. 47—70.
7. *Веблен Т.Б.* Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 367 с.
8. *Кирдина С.* Методологический индивидуализм и методологический институционализм // Вопросы экономики. 2013. № 10. С. 66—89.
9. *Кирдина С.Г.* Институционализм в России: XX — начало XXI в. М.: Институт экономики РАН, 2015. 54 с.

10. *Кирдина С.Г.* К переосмыслению принципа методологического индивидуализма. М.: Институт экономики РАН, 2013. 54 с.
11. *Кирдина-Чэндлер С.Г.* О синтезе и междисциплинарности в экономической теории: сравнение русскоязычного и англоязычного дискурсов // *AlterEconomics*. 2023. Т. 20. № 1. С. 59—78.
12. Классика экономической мысли: Сочинения (В. Петти, А. Смит, Д. Рикардо, Дж.М. Кейнс, М. Фридмен). М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 896 с.
13. *Князев Ю.* Обновление экономической теории: от непреложного индивидуализма к коллективизму // *Мир перемен*. 2011. № 2. С. 39—54.
14. *Коммонс Дж.Р.* Правовые основания капитализма. М.: ИД ВШЭ, 2011. 416 с.
15. *Кузин Д.В.* Парадигма сложности в современном менеджменте // *Философия хозяйства*. 2023. № 3. С. 191—217.
16. *Кун Т., Лакатош И., Поппер К.* Структура научных революций. М.: АСТ, 2003. 605 с.
17. *Лаврикова Ю.Г., Бучинская О.Н., Мыслякова Ю.Г.* Теория хаоса: расширение границ экономических исследований // *AlterEconomics*. 2023. Т. 20. № 1. С. 79—109.
18. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.: В 50 т. 2-е изд. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. 630 с.
19. *Нифаева О.В.* Некоторые направления развития методологии и онтологии современной экономической теории // *Экономика: теория и практика*. 2021. № 2 (62). С. 3—7.
20. *Нифаева О.В.* Экономика и этика: теория и методология взаимосвязи. Брянск: Новый проект, 2015. 295 с.
21. *Нифаева О.В.* Этика и методология экономической науки будущего // *Экономические науки*. 2017. № 2 (147). С. 7—10.
22. *Нифаева О.В.* Этические и методологические основания экономической теории в модели человека // *Экономика: теория и практика*. 2018. № 3 (51). С. 27—31.
23. *Нифаева О.В.* Этические основы методологии экономической теории // *Вопросы экономики и права*. 2017. № 2. С. 39—43.
24. *Павленко Ю.Г.* Методологический индивидуализм и холизм в экономике и социологии // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2014. № 3. С. 34—44.

25. *Полтерович В.М.* На пути к общей теории социально-экономического развития: к синтезу двух канонов // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 1. С. 48—57.
26. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
27. *Тамбовцев В.Л.* Методологии новой институциональной экономической теории: Все ли мы имеем в виду одно и то же? // Вопросы теоретической экономики. 2021. № 3. С. 52—74.
28. *Тамбовцев В.Л.* Непродуктивность попыток методологического синтеза // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 3. С. 7—31.
29. *Управителей А.А.* Неоклассические корни поведенческой экономики // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 1 (58). С. 110—140.
30. *Философский словарь* / Под ред. И.Т. Фролова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Политиздат, 1991. 560 с.
31. *Философский энциклопедический словарь* / Под ред. С.С. Аверинцева, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичева [и др.]. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1989. 815 с.
32. *Фролов Д.П.* Сложностно-ориентированная повестка дня для институциональной экономической теории // *AlterEconomics*. 2023. Т. 20. № 1. С. 110—126.
33. *Шмоллер Г.* Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее методы. Хозяйство, нравы и право. Разделение труда. М.: Изд. К.Т. Солдатенкова, 1902. 368 с.
34. *Шумпетер Й.А.* Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007. 864 с.
35. *Boland L.A.* The Foundations of Economic Method. L.: George Allen and Unwin, 1982. 204 p.

References

1. *Anan'in O.I.* Ontologicheskie predposylki ekonomicheskikh teorij. М.: Institut ekonomiki RAN, 2013. 50 s.
2. *Anan'in O.I.* Struktura ekonomiko-teoreticheskogo znaniya: metodologicheskij analiz. М.: Nauka, 2005. 243 s.

3. *Belyanin A.V.* Licom k licu: dostizheniya i vyzovy povedencheskoj ekonomiki // ZHurnal Novoj ekonomicheskoy associacii. 2017. № 2 (34). S. 166—175.
4. *Blaug M.* Metodologiya ekonomicheskoy nauki, ili Kak ekonomisty ob"yasnyayut. M.: NP «ZHurnal Voprosy ekonomiki», 2004. 416 s.
5. *Boldyrev I.* Ontologiya ortodoksal'noj ekonomicheskoy nauki: problemy postroeniya i interpretacii // Voprosy ekonomiki. 2008. № 7. S. 100—111.
6. *Boldyrev I.A.* Ekonomicheskaya metodologiya segodnya: kratkij obzor osnovnyh napravlenij // ZHurnal Novoj ekonomicheskoy associacii. 2011. № 9. S. 47—70.
7. *Veblen T.B.* Teoriya prazdnogo klassa. M.: Progress, 1984. 367 s.
8. *Kirdina S.* Metodologicheskij individualizm i metodologicheskij institucionalizm // Voprosy ekonomiki. 2013. № 10. S. 66—89.
9. *Kirdina S.G.* Institucionalizm v Rossii: HKH — nachalo HKHI v. M.: Institut ekonomiki RAN, 2015. 54 s.
10. *Kirdina S.G.* K pereosmysleniyu principa metodologicheskogo individualizma. M.: Institut ekonomiki RAN, 2013. 54 s.
11. *Kirdina-CHendler S.G.* O sinteze i mezhdisciplinarnosti v ekonomicheskoy teorii: sravnenie russkoyazychnogo i angloyazychnogo diskursov // AlterEconomics. 2023. T. 20. № 1. S. 59—78.
12. *Klassika ekonomicheskoy mysli: Sochineniya (V. Petti, A. Smit, D. Rikardo, Dzh.M. Kejns, M. Fridmen).* M.: EKSMO-Press, 2000. 896 s.
13. *Knyazev YU.* Obnovlenie ekonomicheskoy teorii: ot neprelozhnogo individualizma k kollektivizmu // Mir peremen. 2011. № 2. S. 39—54.
14. *Kommons Dzh.R.* Pravovye osnovaniya kapitalizma. M.: ID VSHE, 2011. 416 s.
15. *Kuzin D.V.* Paradigma slozhnosti v sovremennom menedzhmente // Filosofiya hozyajstva. 2023. № 3. S. 191—217.
16. *Kun T., Lakatos I., Popper K.* Struktura nauchnyh revoljucij. M.: AST, 2003. 605 s.

17. Lavrikova YU.G., Buchinskaya O.N., Myslyakova YU.G. Teoriya haosa: rasshirenie granic ekonomicheskikh issledovanij // *AlterEconomics*. 2023. T. 20. № 1. S. 79—109.
18. Marks K., Engel's F. Soch.: V 50 t. 2-e izd. T. 3. M.: Gospolitizdat, 1955. 630 s.
19. Nifaeva O.V. Nekotorye napravleniya razvitiya metodologii i ontologii sovremennoj ekonomicheskoy teorii // *Ekonomika: teoriya i praktika*. 2021. № 2 (62). S. 3—7.
20. Nifaeva O.V. Ekonomika i etika: teoriya i metodologiya vzaimosvyazi. Bryansk: Novyj proekt, 2015. 295 s.
21. Nifaeva O.V. Etika i metodologiya ekonomicheskoy nauki budushchego // *Ekonomicheskie nauki*. 2017. № 2 (147). S. 7—10.
22. Nifaeva O.V. Eticheskie i metodologicheskie osnovaniya ekonomicheskoy teorii v modeli cheloveka // *Ekonomika: teoriya i praktika*. 2018. № 3 (51). S. 27—31.
23. Nifaeva O.V. Eticheskie osnovy metodologii ekonomicheskoy teorii // *Voprosy ekonomiki i prava*. 2017. № 2. S. 39—43.
24. Pavlenko YU.G. Metodologicheskij individualizm i holizm v ekonomike i sociologii // *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk*. 2014. № 3. S. 34—44.
25. Polterovich V.M. Na puti k obshej teorii social'no-ekonomicheskogo razvitiya: k sintezu dvuh kanonov // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. 2022. № 1. S. 48—57.
26. Stepin V.S. Teoreticheskoe znanie. M.: Progress-Tradiciya, 2000. 744 s.
27. Tambovcev V.L. Metodologii novej institucional'noj ekonomicheskoy teorii: Vse li my imeem v vidu odno i to zhe? // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. 2021. № 3. S. 52—74.
28. Tambovcev V.L. Neproduktivnost' popytok metodologicheskogo sinteza // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. 2020. № 3. S. 7—31.
29. Upravitelev A.A. Neklassicheskie korni povedencheskoj ekonomiki // *ZHurnal Novoj ekonomicheskoy asociacii*. 2023. № 1 (58). S. 110—140.
30. *Filosofskij slovar' / Pod red. I.T. Frolova*. 6-e izd., pererab. i dop. M.: Politizdat, 1991. 560 s.

31. Filosofskij enciklopedicheskij slovar' / Pod red. S.S. Averinceva, E.A. Arab-Ogly, L.F. Il'icheva [i dr.]. 2-e izd. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1989. 815 s.

32. *Frolov D.P.* Slozhnostno-orientirovannaya povestka dnya dlya institucional'noj ekonomicheskoy teorii // *AlterEconomics*. 2023. T. 20. № 1. S. 110—126.

33. *SHmoller G.* Narodnoe hozyajstvo, nauka o narodnom hozyajstve i ee metody. Hozyajstvo, nrawy i pravo. Razdelenie truda. M.: Izd. K.T. Soldatenkova, 1902. 368 s.

34. *SHumpeter J.A.* Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, socializm i demokratiya. M.: Eksmo, 2007. 864 s.

С.Г. КОВАЛЕВ

Державность как парадигма теоретической экономики и стратегии воспроизводственной безопасности РФ*

Аннотация. В статье обоснована парадигма теоретического отражения России сквозь призму державного подхода, констатированы ее роль в мире и недержавность подходов трансформации 1990-х гг., важность сохранения воспроизводственной безопасности.

Ключевые слова: парадигма, держава, теоретическая экономика, воспроизводство, безопасность России.

Abstract. The article substantiates the paradigm of theoretical reflection of Russia through the prism of the sovereign approach, states its role in the world and the non-state nature of the transformation approaches of the nineties, the importance of maintaining reproductive security.

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Ковалек С.Г. Державность как парадигма теоретической экономики и стратегии воспроизводственной безопасности РФ // *Философия хозяйства*. 2023. № 5. С. 104—120. DOI: 10.5281/zenodo.8416732.

Keywords: paradigm, power, theoretical economics, reproduction, security of Russia.

УДК 330
ББК 65.в

Державность как парадигма экономической теории и практики

Экономическая наука многомерна: отличаются концептуальные подходы, содержание знания, уровни его фундаментальности — теоретическая экономика и прикладные экономики (обе одновременно и ветви экономической науки, и учебные дисциплины в образовательной программе среднего и высшего экономического образования). А сама экономика — это, прежде всего, практическая деятельность людей, в ней занятых. Соответственно, отлично и восприятие реальной хозяйственной действительности — теоретическое либо прагматическое с позиции здравого смысла.

Можно выделить две особенности экономики — относительную строгость, целостность парадигм в рамках ее теоретических направлений как науки и эклектику как учебной дисциплины, а в целом ей присущ: 1) расплывчатый предмет и вариативное концептуальное содержание; 2) не «донаучность» — не до конца сложившаяся наука: то ли фундаментально-теоретическая, то ли прикладная, то ли вообще не наука, а отрасль практического знания, обыденного и здравого смысла, описывающая хозяйственную деятельность и ее регулирование. А точнее все вместе. Названные особенности — родовые пятна самой экономической науки как единого онтологического и познавательного целого, соответственно они присущи и экономической теории, и теории национальной экономики России, и истории экономических учений. Сложность еще в том, что хозяйственная деятельность — это повседневная жизнь людей, практика обеспечения себя средствами существования, но одновременно это и познание: выявление на основе опыта закономерностей, выработка теории, а также это и личное практическое искусство ведения хозяйственной деятельности лиц, в ней занятых, и, наконец, это сознательное конструирование экономических моделей человеческой жизнедеятельности будущего, например, коммунизм К. Маркса.

Одновременное существование многих экономических теорий по поводу одного объекта — хозяйственной жизни общества, но с разными предметами, смысловыми парадигмами и отличным содержанием — типично для всех наук об обществе. Отсутствие единого, общепринятого концептуального теоретического взгляда на экономику — это почва для расплывчатого, нечеткого очерчивания границ предмета, мировоззренческого плюрализма в его содержании, терминологической неоднозначности и сложности выстраивания систем экономической науки, особенно применительно к национальной экономике России (НЭР), переживающей трансформационный кризис. Она стоит перед дилеммой: либо заимствовать существующую современную западную парадигму экономического либерального рыночного равновесия, распространяемую на все планетарное сообщество, либо разрабатывать собственную парадигму — теорию хозяйственного воспроизводства суверенного общества.

Условно в истории мысли сформировались и выделились три концептуальных взгляда на экономическую деятельность и экономическую науку как ее отражение: 1) наука о хозяйстве; 2) наука об экономике; 3) наука о влиянии институтов на экономическую деятельность. В принципе, это частные аспекты более широкого явления — воспроизводства человеческого общества на основе его хозяйственной деятельности в природной среде, а применительно к России — ее державное воспроизводство.

На взгляд автора, в широком смысле слова предмет экономической науки — изучение закономерностей воспроизводства и регулирования человеческой жизни, протекающей на основе присвоения природных и производства (распределения, обмена, потребления) рукотворных благ, а также возникающих в ходе этих процессов социально-хозяйственных форм, отношений и их изменений. Данное определение охватывает весь спектр проблем экономической науки и ее многочисленные срезы, которые являются отдельными гранями постоянно воспроизводящейся жизни людей, осуществляемой за счет их трудовой активности. Соответственно, ранее приведенные взгляды (срезы) имманентно включены в предмет экономической науки, при этом они дополняют друг друга.

Хозяйственный аспект характеризует процесс производства благ как деятельностный процесс трансформации материи в сложившихся социальных формах. Он включает средства производства и предметы труда, труд предпринимателей, работников и производственно-логистический процесс как их материализацию в создаваемом продукте; товарные блага как результат, а параллельно процесс распределения, обмена и потребления как завершение единичного цикла в непрерывном деятельностном процессе. Названные процессы выступают как вечное основание жизни и воспроизводства общества, как точка перехода от присваивающего хозяйства к производящему и его последующей эволюции, как процесс взаимодействия человека и природы и взаимодействия человека и общества в процессах создания благ и их последующих метаморфоз.

Экономический аспект характеризует определенную фазу хозяйства, где первые скрипки в оркестре — человеческий эгоизм и личный интерес, частное обособленное производство, ориентация на рыночный результат — получение прибыли, отчуждение человека от средств производства, результатов труда, самого процесса труда и самого себя как социального индивида (превращение в «экономического человека»), скорость и рентабельность оборота капитала как критерий эффективности, конкуренция и ресурсные ограничения. В целом это ведет к отчуждению хозяйствования от хозяйства, к ликвидации хозяйства как первичной клеточки общества, к укоренению тотальной формы не природного, а общественного экономического и информационного (цифрового) принуждения.

Институциональный аспект характеризует влияние институтов (правил социального порядка и экономической «игры»: традиций, обыденных и правовых норм, мотиваций, силовых воздействий власти) общества на производственную, распределительную, потребительскую деятельность, целевое экономическое поведение индивидов и коллективов.

Выделенные воспроизводственные смыслы и срезы — это возможный принципиальный подход к предмету экономической науки для всех экономических формационных цивилизаций, но в последние двести лет, в эпоху капитализма, господствующая, преимущественная трактовка ее предмета — наука не о хозяйстве, а об

экономике. И лишь изредка этот предмет рассматривается как хозяйство, а с XX в. — еще и как социально-хозяйственные институты (старый институционализм, а с конца XX в. — новый институционализм как попытка синтеза неоклассики и институционализма), в последние десятилетия и как планетарный экономический глобализм.

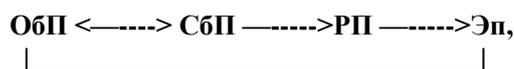
Державный аспект: экономическая наука структурно включает в себя два очень важных предметных среза — национальную экономику и планетарную (глобальную) экономику. Внутри каждого из них, прежде всего в первом, можно также выделить хозяйственный, экономический и институциональный аспекты, причем все они составляют противоречивое единство и отрицание и дополнение друг друга.

В экономической науке (а она является одной из многих отраслей знания об обществе, изучающих его хозяйственную деятельность) важную роль играет мировоззрение самого исследователя, его приверженность тем или иным концептуальным парадигмам. А значит, ее методология сложнее — это не просто совокупность методов, а выражение общественной позиции исследователя, она подвержена влиянию мироощущения самого ученого, несет налет личностного субъективизма, накладывающего отпечаток на теоретические построения. Причем мировоззрение основывается на реальной действительности, которую описывает ученый. Дело в том, что действительность отражается, воспринимается, пропускается через себя и формализуется конкретным человеком, имеющим собственные индивидуальные особенности: воспитание, образование и взгляды на то, как должно быть: каким должен быть мировой порядок и место собственной страны в нем, ее оптимальное социально-экономическое устройство. Отпечаток индивидуальности наложится даже при всей научной честности, непредвзятости и объективности ученого. А так как большинство людей пока еще не граждане мира, а жители конкретных стран, то интересы их бытия, страновое мировоззрение, наличие странового, а не общепланетарного патриотизма выражаются в акцентах теоретического отображения действительности: либо со страновых, либо с глобальных позиций.

Соответственно, знание специфики методологии в общественных науках важно и потому, что она не только позволяет каче-

ственно проводить исследование и объективно выделять и оценивать реальный личный вклад ученого в науку, в постановку и решение экономических проблем, с которыми сталкивалось общество на протяжении своей многотысячелетней хозяйственной истории, но еще и позволяет оценивать глубинный смысл и протекающих процессов, и полученных научных результатов как с позиции существующих и господствующих мировоззренческих парадигм, так и с позиции парадигм не господствующих — в частности, державной парадигмы [1].

Формализованно процесс познания хозяйственной деятельности выглядит следующим образом:

где СбП — субъект, познающий, изучающий хозяйственную деятельность; ОбП — объект, хозяйственная деятельность: она реальна, материальна; РП — результат познания: полученные практические и теоретические знания, их осмысление, проверка по критериям истинности; Эп — действия власти (экономическая политика) по регулированию хозяйственной деятельности.

Суть державной парадигмы в том, что она делает акцент на страновом подходе в исторических процессах, на страновом механизме, его воспроизводственный жизненный цикл: рождение —> гибель —> новое возможное возрождение, акцент на суверенности стран в условиях становления нового мирового порядка, на анализе глобальных процессов становления общепланетарного мира, с сохранением странового начала.

Державность как парадигму и принцип общественного знания нельзя сводить к национальной экономике. Парадигма как философская категория характеризует принятую группой исследователей теоретическую картину научного знания и методологию его получения и обоснования. Выражается как единство онтологии — предмета познания, гносеологии — методов и критериев истинности в познании, аксиологии — мировоззренческих ценностей и культуры ученых. Соответственно, державный подход — понятие широкое, рассматривает в целом страну, ее общество как державу (философско-исторический, мировоззренческий, политический, культуроло-

гический, правовой, экономический и внешний, планетарно-средовой ракурсы). Следовательно, предмет здесь не только экономика, а более емкое по своему содержанию воспроизводство общества в целом, его воспроизводство как суверенной целостности, самосохраняющейся во внешней среде. В более узком смысле державный подход — это парадигмальный подход выработки теоретического знания об экономике как объекте познания в оболочке вышеназванных ракурсов, что означает раскрытие всей полноты внутренних и внешних условий его целостности: факторов, механизмов социально-экономического существования и развития, принципов сохранения себя во внешней среде. Учитывая, что экономика изучает общество, державность означает включение в круг ее анализа не только экономических, но и неэкономических аспектов и факторов становления и развития, в том числе и всей планетарной среды. Но не абстрактное включение (перечисление, рассмотрение факторов вообще, даже если берется страновой уровень), а действие конкретных факторов — в конкретное время в пространстве конкретной державы и в конкретной, именно для нее характерной и воздействующей именно на нее, на ее воспроизводство внешней среде.

Держава и страна — не тождество: не любая страна — держава, она больше, чем страна, является активным, системообразующим игроком миропорядка. Потеря державности может означать не просто превращение в одну из многих стран, но прекращение и самостоятельного странового существования. Державный подход — не чистый антагонист планетарному, не отрицает глобализм — ни как явление, ни как вектор социального развития, но он по-другому расставляет акценты: первичность и учет интересов стран (и не только стран Запада, но всех стран), и исходит из альтернативности вектора и форм глобализма — в интересах не меньшинства, а большинства, и не за их (или не только за их) счет. Державность для РФ означает оставаться крупной страной, обладающей могуществом удерживать свои владения и духовные концептуальные ценности [1].

Державность выражает пятистороннее единство:

1) державная государственность — государство и как властный субъект общества, и как правительственные институты ориентировано на национальные интересы страны и права собственных

граждан и их защиту в планетарном миропорядке, как процесс сохранения государства;

2) державная социальность — формирование странового общества как единой целостности с солидарными интересами, с историческими, культурными, мировоззренческими ценностями, в гармонии индивидуальности и коллективности;

3) державная ориентированность хозяйствования — примат собственных страновых экономических интересов над международными, включая частные интересы отечественных инвесторов, выводящих ценности в зарубежные активы, ориентация на благосостояние и повышение качества жизни населения и развитие реальной отечественной экономики;

4) державная субъектность — сохранение возможности быть активным, а не пассивным участником формирования нового экономического порядка, влияния на его архитектуру, обеспечения безопасности собственного державного воспроизводства исходя из собственных интересов;

5) державная объектность — обладание пространством собственного воспроизводства.

В России первенство в трактовке экономической науки как науки о державном хозяйстве принадлежит П.Б. Струве (1870—1844) и С.Н. Булгакову (1871—1944). Струве в работе «Хозяйство и цена» (1916) и в статье «Хозяйствование, хозяйство, общество» (1923) констатировал, что экономика построена на взаимосвязях, прежде всего ценовых, и хозяйственная организация общества как система (хозяйственный строй) — это многомерная совокупность хозяйств. Отсюда наличие трех его идеальных логических типов:

1) совокупность рядом стоящих единичных хозяйств;

2) взаимодействующие хозяйства как система;

3) общество как хозяйство.

Соответственно, хозяйство общества как целое — это не просто единичные части или их взаимодействие, а единство, составленное из частей, в общих интересах подчиненных целеполагающему управляющему центру [7].

Булгаков в работе «Философия хозяйства» (1912) показал атомизм и экономизм существовавшей в его время политической экономии (первичность «экономического человека») и предложил

более широкий ее формат — философию хозяйства, включающую в себя социально-институциональные, неэкономические факторы развития и благосостояния для всего общества. Он проводил аналогию экономики с организмом, целое первично по отношению к отдельным своим субъектам — хозяйство общества уже существует как основа для отдельных субъектных действий, и лишь оно определяет их смысл. В начале целое, оно первично, часть — вторична. В работе «Краткий очерк политической экономии» (1906) Булгаков определял российский капитализм как бюрократический тип промышленного капитализма, где самодержавная бюрократия заботится о своем интересе, властолюбии, престиже, а не об интересах народа [7]. В наше время названное концептуальное направление с державных хозяйственных позиций развивает Ю.М. Осипов тридцатилетним циклом работ по философии хозяйства (см. напр.: [8], а также журнал «Философия хозяйства» (1999 — наст. время)).

На державную роль самодержавной власти в развитии хозяйства России указывал и К. Шторх в работе «Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благосостояние» (часть первая — «Теория народного богатства», часть вторая — «Теория цивилизации») (1815), где в целом оценивал положительно наличие данного института в установлении порядка и обеспечении безопасности жителей. Шторх, в отличие от А. Смита, шире понимал производительный труд — не создание только вещественных благ, а создание и социальных благ. Заметим, что К. Маркс, позже, еще сузил понимание производительного труда при капитализме, перенес акцент на его характер — наемный труд, задействованный и эксплуатируемый в материальном производстве, создающий прибавочную стоимость для капиталиста путем создания вещественных благ и производственных услуг. Понимание Шторха, наоборот, намного шире. Так, во второй части своего трактата он представляет политэкономия как науку естественных законов, определяющих благоденствие народа. Последняя категория — иной сущности, нежели вещественное богатство, она шире — другой набор благ и иная их природа. Все блага он делил на внешние (материальные) и внутренне (нематериальные продукты природы и человеческого труда). К последнему типу Шторх относил здоровье, разум, знания, науки, свободные искусства, нравственность, рели-

гию, свободу, собственность, общественный порядок, безопасность. Труд, создающий данные блага, также производителен — обеспечивает жизнедеятельность людей и воспроизводство общества. При этом он разделял их на две группы: 1) способности людей и все, что служит непосредственно их развитию; 2) безопасность общества и досуг людей [7].

В рамках экономического среза, наиболее характерного для западной науки, державность присутствует, но закамуфлирована под оболочку частных интересов рыночного предпринимательства. В экономическом подходе также нет единства по поводу названия науки — политическая экономия, к экономике и ее предмету — причины и источники благосостояния народов и получения благ как вещественного выражения богатства общества (А. Смит, Дж.С. Миль); распределение богатства — произведенных благ и дохода (Д. Рикардо); формы и отношения производства нетоварных и товарных благ и их историческая эволюция (К. Маркс); рыночное поведение экономических субъектов в условиях ограниченности ресурсов, допускающее альтернативность их использования (Дж. Робинсон); инструментарий для успешной предпринимательской и государственной деятельности (Дж.М. Кейнс).

Понимание политической экономии как отрасли знания и констатацию наличия в ней различных систем (коммерческой, земледельческой) трактовки богатства и как средства существования, и как дохода народа, и как дохода государя, привнес в экономическую науку А. Смит (см. введение в первую главу его четвертой книги «Исследование о природе и причинах богатства народов») [9, 420].

Державный подход и в теории, и на практике был еще более присущ меркантилистам — А. Монкретьену, Дж. Стюарту и Р. Кантильону, ставившим во главу угла державные интересы монархов, — чем представителям школы А. Смита, пришедшим позднее. Последние сместили акценты в пользу интересов нового класса — буржуазии, замаскировав идею торговой экспансии как теорию абсолютных и сравнительных преимуществ. Например, А. Монкретьен, первым предложивший термин «политическая экономия», рассматривал ее не как науку, а как искусство управления хозяйством страны со стороны и для пользы королевской власти.

Державность как принцип развития страны и экономической деятельности изначально была присуща России (формально с 1721 г. — с принятия Петром Первым титула императора, а реально с Ивана Грозного). Идею важности наличия собственной державной экономики и политики в развитии страны, частично схожей с подходом испанских и французских меркантилистов, первыми высказали И.Т. Посошков и М.В. Ломоносов.

Кратко резюмируя исторический экскурс о понимании сути предмета и державности экономической науки, приведем слова И. Шумпетера, что она «не является строгой наукой, а скорее есть совокупность плохо упорядоченных и пересекающихся между собой областей знания» [10, 12]. Похожую мысль высказывает Л. Роббинс (1898—1984): единый предмет определить невозможно, пока наука не достигнет определенной стадии и не обнаружится единство тех проблем, которые она в состоянии решить.

Допустим тривиальный взгляд — взгляд здравого смысла. Экономика и хозяйство — близкие понятия, ведь оба этимологически первоначально отражали уровень домашнего (семейного) производства. Экономика отражала его с позиции земледельческой деятельности и появления товарообмена — это греческое слово, введенное Ксенофонтом для характеристики принципов рационального управления крупным аграрным имением, использующим рабовладельческий труд. Хозяйство отражало его с позиции скотоводческой деятельности — это арабское (тюркское?) слово, означающее хождение за скотом в кочевом обществе. Возможно, не научно, но верно. В современном русском языке слово «экономика» уже делает акцент на критерий эффективности деятельности, слово «хозяйство» шире — акцент не только на прибыльность, но и на социальную составляющую деятельности, ее традиции. Но в обоих случаях в современном понимании эти слова включают не только микроуровень — первичная клеточка, единичное хозяйство, но и макроуровень — народное хозяйство страны, экономика страны как целое, и глобальный уровень — мировое хозяйство, мировая экономика как синтетическая величина показателей страновых экономик и как новая планетарная единица, как новая формирующаяся целостность, растворяющая в себе национальные экономические границы. Но и страновой, державный уровень воспроизводства это такая же

реальность, как глобальный, его еще никто не упразднил, существуют суверенные страны и их национальные хозяйства.

Выделенные особенности трактовки и содержания экономической науки как многоаспектной дисциплинарной совокупности подчеркивают правомерность выделения державной парадигмы применительно к РФ.

Теория недержавного реформирования СССР-РФ и ее последствия

Игнорирование западной экономической теорией державной парадигмы (на словах, но не для практики в самих США), тотальное внедрение *economics* во всем мире, в том числе и в СССР в последние годы его существования, а затем и в РФ, негативно сказалось на развитии многих стран. Особенно наглядно это проявилось при разработке экономических реформ в СССР и постсоветском пространстве.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. международными организациями, государственными, ведомственными и научными, а также отдельными учеными было написано множество программ, которые роднит несколько моментов:

1) без глубокой и тщательной идентификации реальной советской системы, ее состояния, они ратовали за переход к рынку; отличие концепций лишь в дозе — либо очень много рынка (программы радикальных демократов), либо мало рынка (программы ортодоксальных коммунистов);

2) они опирались на западные разработки по реформированию стран социалистического блока, в частности на программу МВФ, МБРР, ОЭСР, ЕБРР. («Экономика СССР. Исследование состояния экономики СССР по запросу участников Совещания в Хьюстоне» (1991)). В целом, исследования руководствовались иллюзией, что трансформация на пути к рыночной экономике автоматически обеспечит развитие. А это не так. В результате трансформация и развитие фактически отдалились друг от друга (подробно вышеизложенное раскрыто автором в работе «Трансформация общественного производства СССР-Россия. Очерк теории» [4, 186—183; 2, 214]).

Обходился вопрос, что СССР был не просто страной, а многонациональной и федеративной державой, и при этом крупнейшей мировой державой, а стремительный переход к рынку неизбежно разрывал существующие скрепы, провоцировал распад. Реальной теории трансформации, адекватной фактическим реалиям страны, а не иллюзорным и догматическим представлениям, разработано не было. Расплывчатое представление о процессе трансформации и отсутствие теории — коренная черта не только отечественной науки, но и западной, в ней подход к трансформации опирается на базовую школу классики и неоклассики (кейнсианство, институционалисты) [3, 139—142]. В целом западные доктрины трансформации не противоречили одна другой, а дополняли друг друга, работая на одну цель — демонтаж социализма СССР, хотя сами ученые зачастую ломали копья в борьбе за чистоту «идеи» трансформации и проводимой трансформационной политики, а многие искренне хотели помочь СССР, а затем и РФ.

Державная парадигма как стратегия воспроизводственной безопасности

С ранее высказанных позиций нужно подходить и к воспроизводственной безопасности страны, а это означает, что интересы отдельных групп не должны стоять выше интересов общества в целом. Можно вспомнить слова В.И. Ленина: интересы общества выше интересов класса. Важно рассматривать безопасность как своеобразный гомеостазис — удержание триады: изменчивость (способность системы развиваться), наследственность (способность сохранять преемственность при развитии), отбор (способ выбора из альтернатив определенной формы, наиболее приспособленной к сложившимся условиям, но не всегда самой прогрессивной) в русле системной целостности, системного развития [4, 93].

Необходимо, исходя из стратегических национальных целей на 25, 50, 75 лет, состояния международной среды, интересов ее субъектов в отношении России, их давления на Россию, определять конкретные пути, методы, этапы, механизмы, обеспечивающие достижение целей развития, а также национальную, в том числе экономическую, безопасность в процессе достижения целей. При этом надо выделять как текущие меры безопасности, обеспечивающие

стабилизацию, так и долгосрочные меры, обеспечивающие безопасность прорывного развития и национальные интересы страны в мире.

Отдельного внимания заслуживают вопросы санкций и импортозамещения, а также потенциал ориентации экспорта и импорта на технологические товары. Президентом России В.В. Путиным в Ново-Огареве на встрече с членами правительства и руководителями военно-промышленного комплекса 28 июля 2014 г. была поставлена амбициозная задача: освободиться от зарубежной зависимости по ключевым оборонным направлениям. Заявлена была самая серьезная для России задача с момента развала СССР [5, 73; 6].

Сегодня, в условиях санкций, названная проблема стала еще более актуальной — освободиться от зависимости надо по еще более широкому кругу товарных позиций.

Санкции против РФ

Понятие санкций (от лат. *sanctio* — строжайшее постановление) означает принудительное воздействие. В международных отношениях санкции — коллективные или односторонние меры, применяемые к странам международными организациями или другими государствами с целью исполнения политических требований.

С позиций международного права легитимны лишь санкции ООН, но наряду с ними западные страны, особенно США и ЕС, в одностороннем порядке считают вправе налагать собственные экономические санкции. Такие санкции с февраля 2014 г. в нарастающем масштабе накладываются на РФ со стороны США, ЕС, Великобритании, Канады, Южной Кореи, Норвегии, Японии, других стран. Их цель — за счет затруднения экспортно-импортной деятельности, финансовых расчетов и движения средств, фактически тотальной экономической блокады принудить РФ исполнить волю Запада по его видению места и роли РФ: что ей можно и что нельзя в современном мире. По отношению к введению санкций против РФ страны мира разделились на четыре группы: иницируют и активно участвуют в санкциях; участвуют в единичных санкциях; не ввели, но блокируют обход санкций; не участвуют в санкциях. Виды санкций, примененных к России и Белоруссии в связи с событиями на Украине, включают персональные меры против физических

лиц — руководства страны, парламентариев, крупных предпринимателей и членов их семей и меры против организаций, корпораций, банков, включая Центробанк, меры по запрету использования SWIFT, меры по закрытию воздушного пространства, морских портов, арест транспортных судов, лимитирование экспортных цен, использования фрахта судов и др.

РФ — лидер среди всех стран по количеству наложенных на нее санкций, она опередила Иран и по персональным, и по корпоративным, и по общестрановым санкциям. К настоящему времени против РФ введено 10 пакетов санкций, и ЕС (с конца мая 2023 г.) ввело 11-й (в том числе против возможностей обхода санкций через третьи страны). Помимо экономической сферы, санкции затронули и другие области: права граждан, СМИ, культуру. В свою очередь РФ приняла ответные санкции по отношению к США, ЕС и ряду других стран.

Механизм противодействия санкциям — уход от них через третьи страны, развитие собственных производств, создание параллельной международной платежной системы.

Важнейшая проблема в таких условиях — это разработка концепции и параметрической модели общественного воспроизводства России и блока ее безопасности как ее части, с выделением срезов социальной, культурной, политической, экономической безопасности. В работе «Трансформация общественного производства СССР-Россия» мы рассмотрели основные атрибуты общественной безопасности: цель, уровень, сферы и области, опасности и субъекты, носители, параметры и индикаторы, последствия реализации опасности, механизмы предотвращения, приоритеты опасностей [4, 92—98]. Соответственно, державная безопасность имеет системную, социальную, воспроизводственную природу и направлена на сохранение целостности и развитие страны.

Литература

1. Ковалев С.Г. Державный суверенитет РФ: иллюзии и реальность // *Философия хозяйства*. 2023. № 2. С. 29—41.
2. Ковалев С.Г. Теория трансформационного прорывного развития России в глобализирующемся мире: учебное пособие. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2002.

3. *Ковалев С.Г.* Трансформация общественного производства СССР-РОССИЯ. Ч. 1. СПб.: Изд. СПбУЭФ, 1996.
4. *Ковалев С.Г.* Трансформация общественного производства СССР-РОССИЯ. Ч. 2. СПб.: Изд. СПбУЭФ, 1997.
5. *Ковалев С.Г., Рыжова А.В.* Неиндустриальное развитие России в условиях турбулентной-глобализирующегося мира: значимость и потенциальные возможности. СПб.: Изд. Sterhmedia, 2017.
6. *Кузмин А., Романов А.* Импортзамещение: реакция на угрозы или особый тип государственной стратегии // *BIS Journal* 2015. № 2 (17).
7. *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: В 5 т.* М.: Мысль, 2004—2005.
8. *Осинов Ю.М.* Философия хозяйства как особое знание-размышление (к 12-летию журнала-альманаха «Философия хозяйства») // *Философия хозяйства*. 2009. № 1. С. 27—53.
9. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО, 2016.
10. *Шумпетер И.А.* История экономического анализа: В 3 ч. СПб: Наука, 2001.

References

1. *Kovalev S.G.* Derzhavniy suverenitet RF: illyuzii i real'nost' // *Filosofiya khozyaystva*. 2023. № 2. S. 29—41.
2. *Kovalev S.G.* Teoriya transformatsionnogo proryvnogo razvitiya Rossii v globaliziruyushchemsya mire: uchebnoe posobie. SPb.: Izd-vo SPbGUEF, 2002.
3. *Kovalev S.G.* Transformatsiya obshchestvennogo proizvodstva SSSR — ROSSIYA. CH. 1. SPb.: Izd. SPBUEF, 1996.
4. *Kovalev S.G.* Transformatsiya obshchestvennogo proizvodstva SSSR — ROSSIYA. CH. 2. SPb.: Izd. SPBUEF, 1997.
5. *Kovalev S.G., Ryzhova A.V.* Neindustrial'noe razvitie Rossii v usloviyakh turbulentnoy-globaliziruyushchegosya mira: znachimost' i potentsial'nye vozmozhnosti. SPb.: Izd. Sterhmedia, 2017.
6. *Kuzmin A., Romanov A.* Importozameshchenie: reaktsiya na ugrozy ili osobiy tip gosudarstvennoy strategii // *BIS Journal* 2015. № 2 (17).

7. *Mirovaya ekonomicheskaya mysl'. Skvoz' prizmu vekov: V 5 t.* М.: Мысль, 2004—2005.

8. *Osipov YU.M.* Filosofiya khozyaystva kak osoboe znanie-razmyshlenie (k 12-letiyu zhurnala-al'manakha «Filosofiya khozyaystva») // *Filosofiya khozyaystva*. 2009. № 1. S. 27—53.

9. *Smit A.* Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov. М.: EKSMO, 2016.

10. *SHumpeter I.A.* Istoriya ekonomicheskogo analiza: V 3 ch. SPb: Nauka, 2001.

И.В. МАНАХОВА, В.Ю. ЕВТУХ

Цифровой протекционизм как направление экономической политики*

Аннотация. В статье раскрывается понятие цифрового протекционизма, его характерные особенности и отличительные признаки от классического протекционизма. Исследуются основные инструменты политики цифрового протекционизма и практика его применения в различных странах. Делается вывод, что в перспективе данное направление экономической политики будет активно развиваться для защиты информационного рынка и обеспечения экономической безопасности страны.

Ключевые слова: цифровой протекционизм, международная торговля, информационные данные, тарифные и нетарифные торговые барьеры.

Abstract. The article reveals the concept of digital protectionism, its characteristic features, and distinguishing features from classical protectionism. The main instruments of digital protectionism policy and the practice of its application in various countries are investigated. It is concluded that in the future this direction of economic policy will be active-

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Манахова И.В., Евтух Ю.В. Цифровой протекционизм как направление экономической политики // *Философия хозяйства*. 2023. № 5. С. 120—132. DOI: 10.5281/zenodo.8416734.

ly developed to protect the information market and ensure the economic security of the country.

Keywords: digital protectionism, international trade, information data, tariff and non-tariff trade barriers.

УДК 338.2
ББК 65.01

Введение

Цифровая экономика в последние десятилетия демонстрирует стремительный рост и появление всё новых видов цифровых товаров и услуг. Правительства стран мира стремятся своевременно выработать эффективную политику регулирования цифровой сферы, опираясь на актуальные научные исследования. Это является обязательным условием для обеспечения контролируемого, долгосрочного экономического роста.

В современной экономике значительную роль играет информация, которая имеет цифровое воплощение на различных носителях, накопителях, серверах. Обмен такой информацией, в том числе и для коммерческого использования, имеет все больший и больший вес в мировой торговле. Эти потоки данных могут являться как товаром (музыка, фильм, книга), так и услугой (аналитические услуги, образовательные услуги). Предвидя рост влияния торговли информацией на формирование будущих экономических центров, правительства стремятся взять контроль над информационным пространством и ограничить доступ со стороны других государств в информационное поле на своей территории. Для этого применяется политика «цифрового протекционизма», направленная на ограничение свободного обмена потоками данных и придание национальным институтам более выигрышного положения на внутреннем информационном рынке.

Немаловажным, а иногда и определяющим фактором, стимулирующим использование цифрового протекционизма, является обеспечение экономической безопасности государства посредством выведения стратегически важной цифровой инфраструктуры и потоков цифровых данных из-под контроля иностранных государств.

Исследование темы цифрового протекционизма и в целом внешнеторговой политики государств в сфере цифровых товаров и

услуг имеет значительный потенциал, заключающийся в том, что доля информации как объекта обмена между экономическими субъектами растёт с каждым годом. На сегодня день среди российских учёных тема цифрового протекционизма остаётся практически неисследованной, хотя встречаются работы, посвященные данной проблематике [2]. В зарубежных источниках можно найти исследования, которые были проведены в области цифрового протекционизма за последнее десятилетие [6; 9].

Понятие и особенности цифрового протекционизма

Протекционизм представляет собой политику государства, подразумевающую ограничения в международной торговле и способствующую тем самым развитию отечественной промышленности [10]. Как правило, данный вид политики проводится для стимулирования экономической активности внутри страны. При этом он может также использоваться как инструмент обеспечения экономической безопасности для ограждения национальной экономики от зависимости в жизненно важных товарах и услугах от недружественных государств.

Протекционистская политика характеризуется следующими общепринятыми признаками:

- 1) протекционистская политика накладывает конкретные внешнеторговые ограничения, целью которых является поддержка интересов национальной экономики;
- 2) политика протекционизма, как правило, нацелена на стимулирование экономической активности, но также может быть результатом проблем безопасности или качества;
- 3) тарифы, импортные квоты, стандарты продукции и субсидии являются одними из основных инструментов, которые страны могут использовать при проведении протекционистской политики.

Политика протекционизма в подавляющем большинстве случаев ориентирована на ограничение ввоза импортной продукции, однако также может регулировать экспорт товаров и услуг, включать другие аспекты международной торговли, нетарифные ограничения, такие как стандартизация или лицензирование продукции, государственное субсидирование отечественного производства. Другими словами, наиболее явно протекционизм проявляется в тарифных ограничениях торговли (импортных пошлинах), но гораздо

более многообразные и менее заметные методы нетарифного регулирования торговли также могут являться инструментом протекционистской политики.

Критика протекционизма содержит тезисы о том, что в долгосрочной перспективе данный вид политики зачастую фактически наносит ущерб населению и компаниям, для защиты которых он применяется, отрицательно влияет на темпы экономического роста, увеличивает темпы инфляции. Сторонники протекционистской политики утверждают, что защитные механизмы во внешней торговле способствуют созданию рабочих мест на внутреннем рынке, увеличивая тем самым ВВП и делая внутреннюю экономику более конкурентоспособной по мировым меркам [6; 9; 10].

Цифровой протекционизм — это разновидность экономической политики, обладающая вышеуказанными целями и характеристиками, но относящаяся к торговле информацией, цифровыми товарами и услугами, а также затрагивающая деятельность цифровых компаний. Протекционизм, представляя собой политику, ограничивающую доступ определенного круга экономических субъектов на цифровой рынок, с одной стороны, подрывает конкуренцию, с другой, несёт в себе положительные эффекты, связанные с созданием благоприятных условий для развития отечественного производства.

Цифровой протекционизм отличается от традиционного по пяти основным направлениям.

1. Трансграничные потоки данных могут являться товаром, услугой или тем и другим. В отличие от физических товаров, продавец не теряет права собственности на цифровой товар в момент продажи, а это значит, что один и тот же товар может быть продан множество раз. Более того, при торговле цифровыми услугами поставщикам и потребителям не обязательно находиться в одном и том же физическом месте.

2. Торговля данными идет быстро и с большей частотой, а ее местоположение трудно определить в рамках сети, у которой нет осязаемых границ. Может быть сложно установить, когда данные подпадают под действие внутреннего законодательства (например, закона об интеллектуальной собственности) и какой тип трансграничного правоприменения является подходящим. Законотворцы не могут легко определить источник происхождения, потому что данные могут перемещаться через один сервер в другую юрисдикцию.

Следовательно, потоки данных могут проходить через несколько стран, прежде чем они достигнут пункта назначения.

3. Многие типы данных являются общественными благами, которые правительства должны предоставлять и эффективно регулировать. Кроме того, когда государства ограничивают свободный поток данных, то сокращают доступ к информации, что, в свою очередь, может снизить экономический рост, производительность и инновации внутри страны и во всем мире. Они также могут влиять на функционирование интернета. Следовательно, если официальные лица ограничивают трансграничные потоки данных, это может вызвать множество непредвиденных последствий.

4. Хотя торговля данными происходит на общей платформе (в интернете), фирмы, пользователи и правительства не несут одинаковой ответственности за ее стабильность. Корпорации массово пользуются интернетом, но они не способны реагировать на многие угрозы или видеть их. Между тем, многие компании специализируются на сборе и торговле данными. Они предоставляют пользователям сети бесплатные услуги в обмен на использование их личных данных (например, поисковики и социальные сети). В этой модели люди не понимают и не осознают своей ответственности за безопасность и стабильность в интернете. Признавая эту «трагедию общин», правительства в индивидуальном порядке разрабатывают нормативные акты для защиты безопасности своих пользователей сети. Некоторые из этих стратегий защиты могут непреднамеренно исказить структуру обмена данными и торговлю в цифровой сфере.

5. Не существует четкой модели цифрового протекционизма, которую могли бы использовать регулирующие органы, чтобы различать правомерное и «полезное» регулирование потоков данных от искажающего воздействия на торговлю. Опрос 194 членов ЮНКТАД показал, что около 77% ее членов имеют законы об электронных транзакциях, 50% — законы о защите прав потребителей, 58% — законы о конфиденциальности и 72% — законы о киберпреступности, способствующие созданию соответствующей благоприятной среды [7]. Но политики еще не выяснили, следует ли и как регулировать аналитику данных, ИИ и другие новые технологии, которые в значительной степени зависят от личных данных. Правительства также пытаются выяснить, можно ли и каким образом оспорить монопольную власть цифровых платформ и непрозрач-

ность алгоритмов, используемых крупными агрегаторами, чтобы сообщать новости, связываться в социальных сетях, а также организовывать и улучшать нашу жизнь.

Формы цифрового протекционизма

Сегодня правительства различных стран используют «цифровой протекционизм» в разных формах — от блокировки сайтов до DDoS атак. В целом классификация его форм схожа с классификацией классических торговых барьеров, однако все же отличается от нее в силу специфики цифровых данных как товара или услуги.

Тарифные методы регулирования трансграничных потоков данных мало распространены, так как страны — члены международных организаций, таких как ВТО и ИТА, берут на себя обязательства не использовать такие ограничения. Тарифные ограничения выражаются чаще всего в дополнительном налогообложении цифровых товаров (специальный НДС).

Исходя из этого, для регулирования трансграничных потоков данных используется широкий спектр торговых барьеров, который представлен в табл. 1.

Таблица 1

Спектр барьеров для цифровой торговли

Формы	Страны	Содержание
<i>Тарифные ограничения</i>		
Тарифы на цифровые товары	Применяются только странами, не являющимися членами ВТО, ИТА	Различные пошлины и сборы на цифровые товары и услуги
<i>Нетарифные торговые ограничения</i>		
Обязательно локальное хранение данных и использование отечественного аппаратного и программного обеспечения	Россия, Турция, Нигерия	Торговая деятельность должна производиться внутри страны или требовать использования местного контента, например, аппаратного или программного обеспечения

Продолжение табл. 1

Ограничения потоков данных	Вьетнам, Китай	Определенные типы данных должны храниться на локальных серверах или обрабатываться локально
Нарушение прав интеллектуальной собственности	Китай	Кража интеллектуальной собственности, вебсайты должны предоставлять все данные
Национальные стандарты и обременительная оценка соответствия	Россия	Требование разглашать исходный код
Фильтрация / блокировка контента	Китай, Малайзия	Блокировка доступа к определенным сайтам или удаление контента по определенному признаку
Нейтралитет сети	Новая Зеландия	Относится к управлению интернет-трафиком: все субъекты должны обладать одинаковыми правами независимо от своей важности. Запрещает платную приоритизацию контента или ограничение контента
Риски кибербезопасности	Слишком слабое регулирование (Вьетнам); слишком сильное регулирования (Китай)	Неадекватный уровень кибербезопасности может подорвать доверие и снизить желание использовать Интернет

Источник: составлено авторами по: [9].

Нетарифные торговые барьеры в рамках цифрового протекционизма включают следующее:

1. *Требования к локальному хранению данных.* Персональные данные граждан должны храниться, обрабатываться и использо-

ваться, не покидая территорию государства. Компаниям приходится арендовать или размещать дополнительное оборудование, что несёт в себе дополнительные расходы.

2. *Требования к использованию отечественного аппаратного или программного обеспечения.* Компании вынуждены перестраивать свои бизнес-процессы под определённые программы или оборудование, что затрудняет масштабирование бизнеса и создаёт дополнительные затраты.

3. *Требования предоставления исходного кода программ и всех алгоритмов обработки данных.* Такие требования создают угрозу сохранению интеллектуальной собственности компаний.

4. *Стандартизация цифровых услуг.* Обременительная проверка соответствия цифровых услуг или товаров национальным стандартам несёт в себе ощутимые расходы — как финансовые, так и временные. Эта форма может использоваться как инструмент дискриминации, создавать значительные барьеры для выхода компании на рынок.

5. *Фильтрации, блокировка контента.* Блокировка доступа к определенным сайтам или удаление контента по определенному признаку. Данный вид цифрового протекционизма создаёт необходимость дополнительной самомодерации со стороны провайдеров контента в сети.

6. *Нейтралитет сети.* Относится к управлению интернет-трафиком: все субъекты должны обладать одинаковыми правами независимо от своей важности. Запрещает платную приоритизацию контента или ограничение контента.

7. *Слабое регулирование сети в сфере кибербезопасности.* Неадекватный уровень кибербезопасности может подрывать доверие и снизить желание использовать интернет [7].

8. *Ограничения потоков данных.* Часто используется под предлогом защиты конфиденциальности или безопасности. Может ограничивать торговлю, может повлиять на способность фирм применять наиболее эффективные технологии, может создать упущенные возможности для бизнеса и инновационного развития.

Практика применения цифрового протекционизма в разных странах

Россия применяет один из самых строгих в мире режимов в отношении трансграничного перемещения информации. В стране действуют строгие требования к локализации и хранению данных, а также ряд других ограничивающих мер в отношении данных, соблюдение которых создаёт значительные затраты для цифровых компаний. В России действуют сравнительно жесткие ограничения на рынке труда в цифровой отрасли. В России действуют одни из самых строгих в мире ограничений в виде тарифов на цифровые товары и услуги, регулирования торговых отношений в целом, ограничений на иностранные инвестиции в отрасли ИКТ, ограничения доступа к контенту, количественных торговых барьеров в сфере электронной торговли.

Цензура в интернете в Российской Федерации осуществляется на основе нескольких законов и с помощью нескольких механизмов. С 2012 г. в России действует централизованный черный список Интернета (известный как «единый реестр»), который ведет Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Этот список используется для цензуры отдельных URL-адресов, доменных имен и IP-адресов [1]. В сентябре 2015 г. в Российской Федерации вступило в силу положение закона ФЗ-242, обязывающее операторов персональных данных к хранению и обработке персональных данных граждан России с использованием локальных баз данных, которые должны быть размещены на территории Российской Федерации [3].

В России присутствует так называемый «налог на Google», который облагает услуги иностранных ИТ-компаний, предоставленные на территории Российской Федерации, НДС в размере 16,67%. Это требование относится только к компаниям-нерезидентам. С другой стороны, существуют меры поддержки российского ИТ-бизнеса, согласно которым российские цифровые компании могут получить вычет по НДС в размере 20%, при передаче права на использование программного обеспечения (ПО) компании-нерезиденту в случае, если данное ПО включено в единый национальный реестр [5].

Китай применяет самые жесткие ограничительные меры касательно цифровой торговли. Они включают в себя такие сферы, как иностранные инвестиции, государственные закупки, законодательство об интеллектуальной собственности, защите конкуренции, ответственность посредников и провайдеров информационных услуг, доступ к контенту и его стандартизацию. Эти меры способствуют повышению транзакционных издержек в торговле цифровыми товарами и услугами, а в некоторых случаях полностью блокируют торговлю цифровыми благами [4]. Политика Китая, регламентирующая работу с персональными данными, является чрезвычайно обременительной для бизнеса. Руководство страны также применяет количественные и тарифные ограничения в международной торговле цифровыми товарами и услугами.

Индия также применяет ограничительную политику в сфере госзакупок, на законодательном уровне устанавливает стандарты цифровых услуг. В этих двух областях жесткость ограничений сравнима с китайской. В Индии сравнительно высокие тарифные ограничения на цифровые товары, широкий спектр мер по регламентированию процессов торговли цифровыми благами, правительство жестко регулирует иностранные инвестиции в цифровую сферу, широко применяет субсидирование отечественных компаний, практикует преференции в налогообложении. В то же время страна имеет относительно открытую политику в области трансграничных потоков данных, что помогло Индии стать крупным экспортером инфраструктурных услуг в сфере ИКТ.

В Индонезии действуют ограничения в сфере розничной онлайн-торговли, которые не позволяют заниматься этим видом деятельности иностранным компаниям со значительным иностранным участием. Схожие ограничения также распространяются на услуги сервисов по экспресс-доставке. В этой стране также применяются строгие ограничения в области госзакупок, регулируется деятельность провайдеров цифровых услуг, доступ к контенту, квотирование международной торговли и стандартизация в цифровой сфере.

Вьетнам проводит жесткую политику регулирования в сфере социальных сетей в интернете, их лицензирования и регистрации. То же касается общих информационных веб-сервисов, провайдеров мобильной связи и сферы онлайн-игр. Компании в этих сферах дея-

тельности обязаны иметь физическое присутствие на территории страны, иначе они не смогут вести деятельность. Также Вьетнам применяет ограничения в сфере иностранных инвестиций, конкуренции и трансграничных потоков данных.

Противоположными примерами стран с наиболее открытой политикой в области цифровой торговли, применяющими наименьшие ограничения, являются Норвегия, Исландия, Новая Зеландия, Ирландия и Гонконг. Как правило, это небольшие государства, которые зависят от инфраструктуры соседних стран, а также иностранных инвестиций в цифровую сферу [8]. Они практически не применяют никаких ограничительных мер за исключением регулирования персональных данных с целью обеспечения безопасности населения. Для таких стран политика цифрового протекционизма является невыгодной, так как для них экономически нецелесообразно поддержание независимой технологической и информационной базы на внутреннем рынке. Для небольших стран политика цифровой открытости несет в себе положительный эффект. Цифровая открытость способствует повышению производительности, снижает транзакционные издержки внутри экономики и создает благоприятные условия для иностранных инвестиций в нематериальные активы, которые основаны на знаниях, НИОКР, цифровой дизайн, различные онлайн-сервисы, сферу обработки данных, что стимулирует экономический рост как в цифровом секторе, так и в экономике в целом. Практика этих стран показывает, что для небольших экономик сочетание цифровой открытости и минимального внутреннего регулирования информационной сферы создает благоприятную почву для развития бизнеса и способствует экономическому развитию.

Для большинства стран практика применения ограничений на контент в интернете является примерно одинаковой. Правительства блокирует сайты, критикующие правительство, и сайты, связанные с воинствующими или экстремистскими организациями. Они также повсеместно блокируют азартные игры, порнографию, сайты, посвященные алкоголю и наркотикам. Однако некоторые страны выходят за эти общепринятые рамки фильтрации и устанавливают свои собственные нормы, по которым ограничивают нежелатель-

ную для себя информацию или же доступ недружественных для себя субъектов в свое информационное пространство.

Заключение

Цифровой протекционизм является новейшей сферой международной торговли. В силу этого обстоятельства многие аспекты регулирования данного сектора мировой экономики являются малоизученным, многогранным процессом. Политика государств в этой области сильно различается, так как основные международные соглашения по торговле товарами и услугами заключались в эпоху, когда цифровые товары и услуги еще не существовали или находились на крайне примитивной стадии развития.

Регулирование правительствами государств трансграничных потоков данных в своих национальных интересах является предметом тщательного изучения экономистов. Исследователи видят своей целью выявление полезных закономерностей и принципов работы мирового рынка цифровых товаров, чтобы в последующем заложить методологическую основу для создания системы, которая бы обеспечивала наибольшую выгоду от данного сектора для государств, использующих наиболее эффективные стратегии цифрового протекционизма.

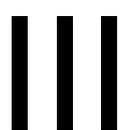
Литература

1. Единый реестр. Роскомнадзор: URL: <https://eais.rkn.gov.ru/> (дата обращения: 30.03.2023).
2. Маркова О.А., Мелешкина А.И. Цифровой протекционизм: миф или реальность? // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2021. № 13 (2). С. 26—40.
3. Нормативное регулирование цифровой среды. Минэкономразвития России. 2015: URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/ (дата обращения: 30.03.2023).
4. Цензура (контроль) в интернете. Опыт Китая. Tadviser. 2022: URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения: 30.03.2023).

5. Что такое «налог на Гугл» и как он работает. RB.RU. 2021: URL: <https://rb.ru/opinion/nalog-na-google> (дата обращения: 30.03.2023).
6. *Aaronson S.* What are we talking about when we talk about digital protectionism? // *World Trade Review*. 2018. No. 18 (4). P. 1—37.
7. Cyberlaws and Regulations for Enhancing E-Commerce: Case Studies and Lessons Learned. UNCTAD. 2015: http://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ciiem5d2_en.pdf (дата обращения: 30.03.2023).
8. Digital Trade in the US and Global Economies. US International Trade Commission (USITC). 2018.
9. *Fefer, R., Akhtar S.I., Morrison W.M.* Digital Trade and US Trade Policy, CRS Report No. R44565. Congressional Research Service, 2019.
10. Protectionism. Investopedia. 2022: URL: <https://www.investopedia.com/terms/p/protectionism.asp> (дата обращения: 30.03.2023).

References

1. Edinyj reestr. Roskomnadzor: URL: <https://eais.rkn.gov.ru/> (дата обращения: 30.03.2023).
2. *Markova O.A., Meleshkina A.I.* Cifrovoy protekcionizm: mif ili real'nost'? // *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyj zhurnal*. 2021. № 13 (2). S. 26—40.
3. Normativnoe regulirovanie cifrovoy sredy. Minekonomrazvitiya Rossii. 2015: URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/ (дата обращения: 30.03.2023).
4. Cenzura (kontrol') v internete. Opyt Kitaya. Tadviser. 2022: URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения: 30.03.2023).
5. Что такое «налог на Гугл» и как он работает. RB.RU. 2021: URL: <https://rb.ru/opinion/nalog-na-google> (дата обращения: 30.03.2023).

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

А.Н. ФАТЕНКОВ

История: что с ней не так?*

Аннотация. Критически рассматривается феномен истории. Акцентируется негативная сторона теории и практики историзма. Будучи лишь одним из аспектов человеческой жизни, история пытается, отождествив себя с жизнью, подменить ее собой. В процессе и результате чего история становится матричной отчужденной формой человеческого существования.

Ключевые слова: история, отчуждение, жизнь.

Abstract. The phenomenon of history is being critically considered. The negative side of the theory and practice of historicism is emphasized. Being only one of the aspects of human life, history seeks to replace life with itself, identifying with it. In the process and as a result, history becomes a matrix alienated form of human existence.

Keywords: history, alienation, life.

УДК 101.1:316
ББК 87.6

Идея истории и принцип историзма как ее мировоззренческий и методологический сублимат, какими они понимаются сегодня, концептуально оформились в конце XVIII — первой половине XIX в. усилиями великой плеяды немецких мыслителей. Разумеется, тут значим вклад и всей нововременной теоретической мысли, особенно просвещенческой, о чем обстоятельно написал в своем фундаментальном труде Фридрих Мейнеке (см.: [1]). Но все-таки решающее слово осталось за немцами: благодаря их философской глубине (нередко сочетающейся, правда, с тяжеловесным слогом). Ими же и тогда же активно разрабатывалась концепция отчужде-

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Фатенков А.Н. История: что с ней не так? // Философия хозяйства. 2023. № 5. С. 135—143. DOI: 10.5281/zenodo.8416742.

ния. Совпадение не случайно. Гегель (исторический идеалист) и Маркс (исторический материалист) — главные фигуры на предметном пересечении философии истории и теории отчуждения — делали ставку на то, что история в своем восходящем движении снимет отчужденность, атрибутивно присущую предысторической фазе развития человечества и преходящим этапам фазы собственно исторической. Такого рода ожидания напрямую были связаны с *прогрессистским имманентизмом*, которого — каждый на свой лад — держались оба упомянутых немецких интеллектуала. Насколько последовательно указанная установка была ими выдержана и насколько она вообще продуктивна — это уже вопросы следующего ряда.

Имманентизм упраздняет провиденциализм, а вместе с ним — предваряющее — и трансцендентность, откуда могут быть посланы каузальные импульсы воздействия на посюстороннее сущее и его бытийное (точнее в данном случае — квазибытийное) основание. Ни гегелевская абсолютная идея, вбирающая в себя поток человеческой истории, ни Марксова общественная практика, выступающая объективным «безыдейным» остоном исторического процесса, в трансцендентных воздействиях не нуждаются. Казалось бы, имманентизму впору торжествовать. Быстро выясняется, однако, что празднование поспешно. Да, исторически преодоленные формы отчуждения остаются, естественно, в прошлом, но само прошлое не отстегнуто напрочь от настоящего, а неким своим оттенком присутствует в нем — причем не только достижениями и вершинами, но и провалами, низостью. Вследствие чего история оказывается накопителем отброшенных, но не ликвидированных отчужденных форм человеческого существования. Они вполне способны прогрессировать в связке с общим прогрессом цивилизации, становясь все более изощренными и внешне даже привлекательными. В конце концов не исключено возникновение исторической ситуации, когда отчужденные формы полностью заслонят собой и (под аплодисменты публики) вытеснят на периферию все то, что отчуждению сопротивляется. Иллюстративно здесь прогрессистски складывающееся на наших глазах цифровое общество. Оно уже сегодня воочию предстает *«комфортной» тоталитарностью*: свобо-

да и человеческое достоинство легко размениваются в нем на бытовые удобства (подробнее см.: [4]).

Злую шутку с историзмом играет не только прогрессистская установка, но и имплицитно присущий ему пласт идеализма (так и не выкорчеванный марксизмом). Поясню. История проявляется цепью хронологически связанных событий, сопрягающих в себе материальное и идеальное, объективное и субъективное, физическое и психическое. В событийности невозможно полностью отделить друг от друга неизменную в последующем фактичность и меняющуюся с течением времени ее смысловое наполнение. Точнее, они отсекаются исключительно на уровне теоретических спекуляций, когда берет верх либо односторонний объективизм, либо односторонний субъективизм. Если, однако, история все же выказывает склонность к смене интерпретаций (а наличие данной склонности удостоверяется без труда: сколько раз за последние сто лет переписывались учебники по данной дисциплине...), то следует признать, что идеальное в ней доминирует над материальным, а истолкование фактов — над самими фактами. Подобное положение дел опять-таки не случайно.

Идея истории, перетекающая в принцип историзма, — детище классического немецкого идеализма по преимуществу. И сколько ни пытался марксизм объективистски перенести историзм на платформу материализма, до конца этого сделать не удалось. *История так и осталась отчужденной формой жизни*, идеалистическим поводырем материальной общественной практики. Парадокс в том, что К. Маркс видел отчужденность в стихийной, релевантной программному материализму предыстории, но не заметил в побеждающей предысторическую стихийность истории как таковой, с торжествующим в ней рационалистическим тождеством бытия и мышления, ни идеалистического реванша, ни возможности новых форм отчужденности, связанных с осознанным корыстным воздействием на человеческое сознание.

Казалось бы, с историческим идеализмом должен был разобрататься витализм. И поначалу, действительно, все к тому вроде бы шло: Ф. Ницше высказался не столько о пользе, сколько о вреде истории для жизни. Его «несвоевременные размышления» за помпезным фасадом историзма позволяют обнаружить шаткость хрониче-

ски возводимого здания. То, чем владели наши отцы, теперь овладевает нами. В том, чему мы оказываемся подчиненными, изрядная доля вымысла. При том что объективный взгляд на прошлое претенциозен и нелеп: объективность одновременно выступает тут и ценностно нейтральной, и ценностно приоритетной. Историзированное сознание, априори устремленное к надысторической точке обзора, неизбежно формирует представление о старости человечества и скором конце времен (см.: [2]).

Вскоре, однако, «вред истории» из витализма улетучился. И не столько из-за крена в натуралистическое толкование смычки биологической эволюции и социального развития, сколько вследствие отрыва их друг от друга и приписывания «жизненной силе» сверхъестественного характера. У Х. Ортеги-и-Гассета мы встречаем уже пафосную, стилистически изысканную, но однобокую по существу апологию историзма: человек, дескать, это прежде всего его убеждения и верования; у человека нет природы, есть только история; и нелепо обвинять последнюю в перманентной изменчивости (см.: [3]).

Возражая, займу существенно иную позицию: жизнь человека изначально связана с природой, тогда как с историей — во вторую очередь. Или даже — в третью, если не уравнивать с историей культуру. Та своими шедеврами свергает диктатуру времени и рвет тем самым цепи историзма. Игнорирование или принижение природной основы (развивающегося организма с его задатками) есть нелепость, продуцируемая отвлеченным рационализмом, против отдельных форм которого выступал, кстати, сам испанский рацио-виталист.

Вытеснение жизни историей начинается с их спекулятивного сближения. Симптоматична здесь позиция О. Шпанна: история, с его точки зрения, есть «живое продолжение» старого в новом, прошлого в настоящем под эгидой будущего (см.: [6]). Лукавое уравнивание исторического и собственно жизненного подпитывается по обыкновению возвышением временного в параллель с умалением пространственного. Несомненно: и жизнь, и история делятся во времени — и этим они действительно схожи. Но в пространственном существовании они принципиально разнятся. В пространстве как таковом, в его трехмерном измерении, нуждается именно жизнь; расплющиваясь или усыхая до линии, она гибнет. Для истории —

идущей, скажем, гегелевским маршрутом с востока на запад — достаточно плоскостной проекции. Луч времени тоже может расплзаться в плоскость, легитимируя «нелинейность» истории: уподобляя ее траекторию кривой или ломаной линии, а то и разбивая ту на нестыкуемые двумерные фрагменты-кванты. Объема же ни времени, ни истории никогда не набрать. Трехмерные «исторические реконструкции» лишь имитируют историю, нередко — забавы ради.

Жизнь — это то, что всерьез происходило и происходит с тобой и твоими близкими. История — то, что случилось и случается с другими и что детерминирует жизнь извне, со стороны. Жизнь упряма. И в своих переменах, и в сопротивлении переменам. И в своем рождении, и в смерти. И во взаимосвязи содержательной и формальной своих граней. История податлива в своем содержании и капризна своими формами: фактическая непоправимость произошедшего тонет в море оценочных поправок, и каждая последующая поправка нетерпима к предыдущей. Поддержать и укрепить жизнь несравнимо сложнее, чем переписать и подчистить историю. В «воле к жизни» клокочет сгусток буквального смысла. В «воле к истории» рекламирует себя оксюморон. Жизненный приоритет — в близости. Исторический приоритет — в системе отношений. Близость отторгает спекуляции и манипуляции. Система отношений, напротив, предрасположена к ним, подыгрывая этой склонностью закату исторических пертурбаций. Он, словами М. Хайдеггера, наступает тогда, «когда относящееся к истории лицедейство обращается на нее саму» [5, 319]. В жизни важнее то, *что* все-таки случилось; в истории — *как* к случившемуся отнестись. Известная рекомендация стоиков — «Не способен изменить жизнь, измени свое отношение к ней...» — уже обращена к индивиду, вот-вот готовому озаботиться историей.

Усугубляя ситуацию, историческое существование подталкивает человека к тому, чтобы из всего многообразия социальных отношений он приоритетно выбирал отношения господства и подчинения. Объяснение таково. Идеализм, априори умаляющий телесность и имплицитно наличествующий в матрице историзма, не способен вникнуть в суть наслаждения и боли — бытийных экстремумов, близ которых только подлинным образом и пульсирует жизнь. Суррогатом наслаждения (для себя) и боли (для другого) и выступа-

ет возможность власти индивида над себе подобными, чего бы эта власть ни стоила. Чрезмерная политизированность истории — еще один ее зримый изъян. Она готова пожертвовать миллионами человеческих жизней, но не этим своим форменным капризом. В мире, напичканном оружием массового поражения, он с очевидностью обретает нигилистические очертания. А жизнь и без того сурова, и дополнительные, исторически ангажированные потери и невзгоды ей совершенно ни к чему.

Исторический материализм, определив человека, сбрасывающего с себя отчужденность, существом собственно социальным, продекларировал необходимость и возможность для общественной жизни преодоления экономической и политической детерминации (последней — известным тезисом об отмирании государства). Следует указать, однако, что надежды на устранение экономического и политического причинения в рамках исторического процесса призрачны, памятуя о сопутствующем ему прогрессе отчужденных форм существования. Актуальной критической теории общества резонно сегодня ставить вопрос о преодолении самой исторической детерминации.

Неприятие исторического существования не тождественно социопатии; скорее наоборот, отмежевание от историзма способствует устремленности к вполне конкретному типу общественного устройства — *социализму с человеческим лицом*. Это не то, что маячит на историческом горизонте (ничего хорошего там нас не ждет). Это то, мимо чего история торопясь пробегает — иногда на короткое время приближаясь к нему, но не более... Это то, что на практике реализуется локально в некоторых социальных группах, но не в большом обществе, закрепошенном постановкой и решением исторических задач. В существенной своей доле человеческий социализм именно неисторический. И неполитический: в нем господство человека над собой выше господства над другими. Ходить не строем, а гурьбой и не третировать уединившихся: такой видится репрезентативная картинка его эмпирического воплощения. Понимаю, что рассуждения о человеческом социализме фундированы исключительно желанием и надеждой на счастливый случай, способный вмиг развернуть социальную событийность. Да, никакой апелляции к необходимости. Той обычно пытаются оправдать многочисленные

жертвы. И никакой мелочной расчетливости. Той немало в исторически возникших утопиях и в нынешних «дорожных картах» инноватики, до краев — в фетишизируемой эффективности, пожирающей справедливость. Западня расчетливости провоцирует человека к отказу от себя и переходу в постчеловеческое состояние. И эта западня вот-вот захлопнется — если не термоядерным безумием, так бесчеловечным умствованием посредством цифр. В точке сингулярности, о которой говорят сегодня в контексте экспансии искусственного интеллекта, прогресс технологий сольется до неразличимости с прогрессивно прессующей людей матрицей отчужденности.

Как избежать катастрофы? В общем, понятно: отвергнуть соблазны исторического существования (в нашем, русском, смысловом значении «существования» как конформистского подобия жизни) и всеми силами держаться за жизнь. Не поддаваться постисторическим настроениям: постистория — та же история после ее спекулятивного конца. Поверять все исторические ретроспекции и проекты своими жизненными интуициями — никакого более надежного способа проверки историзированного материала в распоряжении людей нет.

Признаться, вообще отправил бы историю в социально-культурный архив — не будь затея столь утопичной. Уж слишком много история покорежила человеческих жизней и готова покорежить еще. Уж слишком она политизирована. И чересчур возомнила о себе. А ведь представляет собой, если вдуматься, не более чем способ проживания жизни. И не факт, как минимум, что единственный и что лучший из возможных. Со времен П.Я. Чаадаева стало ясно: дистанцирование от потока истории — неважно, будь в роли отшатнувшегося страна или человек — не является заведомо негативным процессом и состоянием. Утверждение не теряет силы и в том случае, если «Апологию сумасшедшего» трактовать откровенной издевкой над тогдашней российской бюрократией, объявившей автора «Философических писем» психически нездоровым. Дескать, хотите манерного, шиворот-навыворот, покаяния-оправдания — получите...

Навязываемая историей «прогулка по прошлому, — согласись с Мартином Хайдеггером, — “освобождает” (человека. —

А.Ф.) от весьма сложной задачи вникания в бесцельность... сегоднешнего дня — который “политически” и как-то еще иначе обладает “целями” и все же по сути не знает, что делать» [5, 427]. Речь не о потакании беспамятству, и не о заискивании перед вечностью, и не о заикленности на ускользающем настоящем — речь о том, чтобы перестать паразитировать на прошлом, прикрывая им прорехи текущего дня; и о том, чтобы оберегать и прошлое, и настоящее от диктата отчужденных форм.

Литература

1. *Мейнеке Ф.* Возникновение историзма / Пер. с нем. В.А. Брун-Цеховой, Л.Т. Мильской. М.: РОССПЭН, 2004. 480 с.
2. *Ницше Ф.* Несвоевременные размышления II. О пользе и вреде истории для жизни / Пер. с нем. Я. Бермана, А. и Е. Герцык // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 1/2. М.: Культурная революция, 2005—2013. С. 83—172.
3. *Ортега-и-Гассет Х.* История как система / Пер. с исп. Л.Е. Яковлевой; общ. ред. А.М. Руткевича // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М.: Весь Мир, 1997. С. 437—479.
4. *Фатенков А.Н.* Цифровое общество: цивилизации на стаде «комфортной» тоталитарности // Век глобализации. 2022. № 1 (41). С. 72—85.
5. *Хайдеггер М.* Размышления II–VI (Черные тетради 1931—1938) / Пер. с нем. А.Б. Григорьева; науч. ред. М. Маяцкий. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 584 с.
6. *Шпанн О.* Философия истории / Пер. с нем. К.В. Лоцевского. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. 485 с.

References

1. *Mejneke F.* Vozniknovenie istorizma / Per. s nem. V.A. Brun-Cekhovej, L.T. Mil'skoj. M.: ROSSPEN, 2004. 480 s.
2. *Nicshe F.* Nesvoevremennyye razmyshleniya II. O pol'ze i vrede istorii dlya zhizni / Per. s nem. YA. Bermana, A. i E. Gercyk // Nicshe F. Poln. sobr. soch.: V 13 t. T. 1/2. M.: Kul'turnaya revolyuciya, 2005—2013. S. 83—172.

3. *Ortega-i-Gasset H. Istoriya kak sistema / Per. s isp. L.E. YAKovlevoj; obshch. red. A.M. Rutkevicha // Ortega-i-Gasset H. Izbrannye trudy. M.: Ves' Mir, 1997. S. 437—479.*

4. *Fatenkov A.N. Cifrovое obshchestvo: civilizacii na stade «komfortnoj» totalitarnosti // Vek globalizacii. 2022. № 1 (41). S. 72—85.*

5. *Hajdegger M. Razmyshleniya II–VI (CHernye tetradi 1931—1938) / Per. s nem. A.B. Grigor'eva; nauch. red. M. Mayackij. M.: Izd-vo Instituta Gajdara, 2016. 584 s.*

6. *SHpann O. Filosofiya istorii / Per. s nem. K.V. Loshchevskogo. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2005. 485 s.*

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Бездна — основание, угроза и горизонт возможностей человеческого мира*

Аннотация. Исследуется анонимная парадигма бытия — бездна. Бездна — апофатический концепт, который позволяет добывать не только знания, но и новые размышления, дискурсы и рассуждения, новые умения мысли в делах обобщений, определений, систематизации опыта. Этот концепт расширяет смысловое поле разума и сознания, на котором можно искать истину и правду. Бездна защищает бытие от тотальной агрессии ничто, превращая его в производительную силу мира. Бездна есть базис, а миры и системы — надстройка бытия. Бездна превращает бытие в сумму приключений, являясь его постоянным приключением. В познавательном плане концепт бездны есть гипотеза метафизики, ведущей гносеологическую разведку бытия, используя саму неизвестность в качестве средства ее познания. Бездна — основание и угроза челове-

---

* Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Шулевский Н.Б. Бездна — основание, угроза и горизонт возможностей человеческого мира // Философия хозяйства. 2023. № 5. С. 143—160. DOI: 10.5281/zenodo.8416745.

ческого мира, но в ней есть золотые кирпичи счастья и для наших земных хижин.

Ключевые слова: бытие, бездна, Россия.

Abstract. The article investigates the anonymous paradigm of the being, the abyss. The abyss is an apophatic concept that allows you to extract not only knowledge but also new reflections, discourses and reasoning, new skills of thought in generalizations, definitions, systematization of experience. This concept expands the semantic field of the mind and consciousness on which to seek truth and verity. The abyss protects the being from total aggression of the nothing turning it into a productive force of the world. The abyss is the basis and the worlds and systems are the superstructure of the being. The abyss turns being into the sum of adventures, being its constant adventure. Cognitively, the concept of the abyss is a hypothesis of metaphysics leading the epistemological exploration of the being using the unknown itself as a means of its knowledge. The abyss is the foundation and threat of the human world but it contains golden bricks of happiness for our earthly huts.

Keywords: being, abyss, Russia.

УДК 111
ББК 65в

Бездна — тревожная и запредельная весть бытия. Бытие — креативное начало всех категорий, образов, символов реальности, мысли и сознания. Прежде, чем как-то действовать, прежде, чем обладать какими-то качествами, иметь какие-то умения, нужно сначала быть, получить у бытия кредит на существование, заслужить у него вид на жительство. Бытие вне вопросов и сомнений, выражая непреклонную волю самой неизвестности — быть, несмотря ни на что и вопреки всему, а вопросы и сомнения грызут лишь *ничто*, места не имеющего. Бог, видимо, следуя протоколу творения, вначале утвердил себя самого в качестве бытия. И Воланд, царь ничто, ставит бытие превыше ничто, поднимая тост на балу призраков за здравие бытия.

Бытие — интегральная категория, охватывающая множество миров, законов, алгоритмов, качеств, функций, состояний, деяний.

Важным измерением бытия является диалектика известного и неизвестного (Cognito и Incognito), познаваемого и непознаваемого. Бытие отчасти неизвестно и непознаваемо лишь в отношении к субъекту, а само по себе оно всегда известно и познаваемо, существуя актуально в качестве бездны, в которой живет и служит его творящая свобода.

В онтологическом плане бездна есть глубинная самоорганизация бытия, первичное проявление его конструктивной свободы. Бездна есть и предельная рефлексия бытия: глядя в свою бездну, бытие видит себя, познает себя как креативное начало, утверждает свою демиургию, сочетая в ней диктатуру форм и творчество хаоса. Поэтому вопрос о парадигмальном статусе бездны — первоначальный акт как познания, так и самого бытия.

Бытие требует от науки и философии признать бездну в качестве парадигмы, категорически заявляя, что в бездне и через бездну действует именно бытие, а ничто служит его сырьевым ресурсом. Бездна — это не внешняя среда бытия и человека, она укоренена в самом их центре. И бездна просит, учит, требует, принуждает человека признать ее в качестве мирской, экзистенциальной и сакральной реальности. Вопрос о бездне ставит само бытие, требуя от нас проявлять хотя бы апофатический интерес к ней. Для бездны важен не ее научно-философский рейтинг, а признание ее творящей роли в мироздании. И она требует снять с нее крамольные и криминальные наветы кантовской вещи в себе и трактовать ее в качестве креативного соучастника современного мира. Ведь образные символы бездны уже легитимировало искусство. Очередь за наукой и философией.

Бездну можно лишь отчасти представить в категориях рационального катехизиса. Бездна — апофатический концепт, которые позволяет добывать не только знания, но и новые размышления, дискурсы и рассуждения, новые умения мысли в делах обобщений, определений, систематизации опыта. Этот концепт расширяет смысловое поле разума и сознания, на котором можно искать истину и правду. В бездне таятся коды импровизации, в ней коренится исток первых и последних вопросов бытия. Бездна есть вещь в себе, которая творчески «сдает» нам другие вещи, делая их вещами для нас.

Апофатический статус бездны превращает ее в анонимного создателя ментальных алгоритмов. Само общение разума и сознания с бездной расширяет, обогащает человеческую субстанцию, умения и способности человека действовать. Как категория разума бездна есть рациональное начало, но в ее содержании имеется иррациональный контент, ждущий от субъекта смыслового освоения.

Бездна — парадоксальный путь бытия. Первое креативное и оптимистическое изображение бездны можно найти в древнеславянской мифологии. Бездна в нем обозначается фразеологизмом «тридевятого царства и тридесятого государства» как некая неведомая социально-природная организация — «Иное царство». В бездне находятся источники «мертвой» и «живой» воды, исцеляющей своей справедливостью жизнь от всех проблемы и невзгод, порождаемых смертью и страхом перед ней. Бездна служит местообитанием богов, будучи независимой от них: не бездна находится в богах, обслуживая их, а боги находятся в бездне, благоустраивая ее. Бездна выходит за рамки мифологической структуры мира, выступая как суверенное креативное и звездотворное начало, как *принцип первичной самоорганизации хаоса в предметные формы неба, земли, подземного мира.*

Славянская мифология создала уникальную (софийную) методологию деятельного исследования бездны. Сохранилась аксиома этой методологии: «Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю, что». Следуя этому как бы абсурдному правилу, фольклорный герой рационально решает жизненные проблемы, получая воздаяния от бездны за бескорыстное доверие и служение ее правде. Следуя расчетам разума, братья фольклорного героя теряют рациональность своих действий, завершают свои пути абсурдом и катастрофой. Хотя в славянской мифологии нет ничто и Ада.

Какой объект имела в виду славянская мифология, оперируя концептом бездны? В концептуальном образе бездны звучат, выражаются голоса каких-то неведомых чудовищ, которые не знают, какой плод они должны взрастить для бытия, а потому расходуют себя в бесплодной агрессии против бытия и человека. Где, например, обитают Змей Горыныч, Чудо-юдо? Где и как хранят они свой военный огонь? А как устроено виртуальное оружие Кощея? Какова

идеология этих персонажей? На чем основаны эти мифологические сказания? Лишь бездне это ведомо!

Бездна — сакральная криптограмма бытия. Бездна занимает уникальное место в Библии. Уже в первом стихе Библии нас встречает сакральный парадокс: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною» (Быт. 1: 1—2). И нет никаких указаний, откуда и зачем появилась бездна, какую автономную роль она призвана выполнять в сакральной динамике творения.

Что есть бездна? Зачем она нужна Богу? Может в ней как раз таится ключ к загадке бытия, мира, человека?

Бездна не творится, не возникает, она извечна, безначальна и дана вместе с Богом, являясь уникальной криптограммой бытия; и действует она в пределах своих сакральных полномочий и компетенций как активный суверен. В бездне находятся Ад, СИЗО для дьявола и демонов. Но бездна в целом реалия позитивная: в ней Бог крепит источники вод, корни пространств и времен. Все свои творения Бог одевает в смирительные бездны, оставляющие им перспективы бесконечного совершенствования и пути многообразной, бесконечной деградации. А псалмопевец требует: «Хвалите Господа... и все бездны» (Пс. 148: 7).

В структуре христианской онтологии бездна является «третьим миром», который не совпадает ни с Богом, ни с его творениями, хотя и неотделима от них. Библия создала не системный, а целостный образ бытия, охватывающий миротворные функции и гносеологию бездны. Бог не творит бездну, а использует ее как место и орудие, с помощью которого ничто преобразуется в сырьевые ресурсы бытия. Бездна позволяет Богу не механически, а творчески исполнять свои замыслы, выступая как сакральный способ производства мировых систем.

Бездна — страдательный компромисс бытия и ничто. Парадокс бездны как извечной субстанции, ждущей, призывающей к работе Творца, сразу же вызвал жгучий и трагический интерес у мыслящих христианских теологов. Что было, когда мира не было? Где и кем был Бог до творческой эпопеи миротворения? Когда, как и зачем возникло зло?

Поиски ответов на эти вопросы искала мистическая метафизика Я. Бёме, который использует образ-концепт-символ бездны (*der Ungrund, der Urgrund, der Abgrund*) для описания реальности до сотворения мира.

Бог у Бёме изначально сокрыт даже от самого себя в безмерных глубинах ничто, откуда начинается исход бытия, творение мира. Бездна выступает как беспричинное сотворческое начало Бога, как открытое, вскрытое, раскрытое ничто, которое сохраняется рядом с Богом. Ничто — это материя бездны, ее «архипелаг ничто» с филиалом Ада.

Бог вначале отпустил ничто из себя, а затем преобразил его в бытие. Отсюда вечная мука (*Quall*) ничто, представляющая как его постоянное стремление стать светом, бытием, так и его постоянное влечение погасить свет, провести деконструкцию бытия. Ничто не хочет быть ничто, но само не может изменить свой удел, оно не может не быть ничто. И эти страдания ничто служат энергией бездны и... военной экспансии в человеческом мире. Это мучение ничто служит источником зла, оно пропитывает все творение, в Боге оно выступает как его гнев на сопротивление ничто. И в этом плане зло как страдающее ничто совечно Богу.

Объективное ничто не хочет служить материалом и средством света, Бога, а хочет само стать Богом, но не может. Ничто может стать бытием, но само не желает. Бог, вопреки желаниям и возможностям ничто, включил его свой глобальный проект творения, использует его как материал. Бездна же служит общим проявлением, деятельным атрибутом ничто и Бога до его миротворной самореализации в качестве Бога.

Бёме в этой муке ничто уловил глубинный зов германской субстанции — волю к власти. Немецкая культура, техника, финансы, государство служат средствами реализации этой воли ничто. Плачет и страдает ничто у германцев¹, оно хочет быть инквизито-

---

¹ Вечное мучение германской субстанции — стать фюрером бытия, превратить бытие в сырье ничто. Фашисты могли бы сказать, что они стали чудовищами не по своей воле, а это их ничто принуждает их быть нацистами и фашистами. Немцы — народ фюрера и фашизма, и ничего с этим не поделаешь. Такова воля ничто, которой до сих пор может противостоять только сталинизм. *Увы, до сих пор никто, кроме сталинского социализма не может справиться с воз-*

ром, фюрером, Бог не позволяет, поэтому Запад уходит от Бога. Ничто — это безликая инквизиция и фашизм, их субстанциальный перводвигатель, а инквизиция и фашизм — это персонифицированное ничто, которое умно ничтожит. Инквизиция, фашизм есть трагедия не только человека, но и самого ничто, страдающего от своей темноты и от невозможности преобразить ее в свет. Конечно, германское ничто далеко от реалий инквизиции и фашизма, но они уже содержатся в нем. Корни дуба далеки от желудя, но желудь содержится уже и в них.

Бездна — домострой творящей свободы. Н. Бердяев приемлет постановку вопроса у Бёме — что было до творения мира? Кем и где был Бог до своей миротворной работы? Откуда и зачем благому Богу нужно зло?

Но дальше Бердяев идет уже своим русским путем. Изначально и началом самого начала была свобода, одержимая вечной жадной творчеством. Коренится свобода в ничто, являясь его ядром и беспокойной силой, ищущей творческого самовыражения. Поэтому у Бердяева ничто не страдает от потери своей идентичности, а познает, реализует себя в спонтанной свободе.

Именно эта первосвобода в ходе своего разворачивания-самовыражения становится Богом и человеком. Не Бог творит мир и человека из ничто, а первосвобода становится Богом и человеком. «Свобода и есть сам Бог, и она была в начале всех вещей» [1, 64]. Творящие действия свободы не может предвидеть даже Бог, который действует посредством свободы, присутствует в ней, а поэтому вынужден наделять свободой человека, свои творения, которые должны служить свободе. Бог не совсем свободен, ибо подчиняет свое творчество свободе, как бы жертвуя собой ради свободы, принимая ее как благо и основывая на ней творение.

Свобода еще до Бога одолела ничто, превратила его в свой перводвигатель. Бог лишь продолжил дальше дело свободы. Ничто родило и взрастило свободу, которая создала себе дом в качестве бездны, а Бог предоставил свободе работу и в миру. Бездна у Бердя-

---

рождающимся еврофашизмом. М. Хайдеггер, преследуя ничтожащее ничто в метафизике и технике, дошел до ворот Освенцима, но не отважился войти в этот «храм Ничто», в котором оно пребывает как дома.

ева определяется свободой, и мерой своей свободы она превосходит материю и человека.

Но свобода вследствие своего родства с ничто является источником зла, которое тоже обладает творческой силой. Зло вершит изначальная, неподконтрольная Богу, свобода, для которой важна ее самореализация, а не ее разделение на сакральное зло и добро. И вместе со свободой зло проникло во все реалии мира, сопровождая их эволюцию. Добро и зло служат творческими инструментами бездны; посредством этих начал бездна вершит сакральную волю, выводит бытие из тупика диалектики в мир свободы. Поэтому и свобода Бога имеет лик любви и лик гнева. Спасение мира, Бога и человека возможно через осознание единства свободы, действующей в ничто, в Боге и в человеке, и создание подобающего ей иерархического бытия.

Интуиция бездны Я. Бёме и Н. Бердяева выявила фактор вечности, который Бог не создавал, а лишь использовал. До творения и в начале творения Бог существует в качестве свободы, исполняя ее творческий завет, преобразуя ничто в световое бытие мира и человека. Чтобы ничто из самого себя перешло в бытие, нужен творческий акт свободы, действующей в бездне и посредством бездны, которая служит местом, мастерской и пространством бытия. Бердяев избавил ничто от мук его одиночества у Бёме, дал ему работу в бездне, а в суверенное начало бытия превратил не ничто, а свободу. У Бёме свобода находится в ничто, определяется им. У Бердяева ничто находится в свободе, служит ее огненным средством, а сама свобода со своим подручным ничто находится в бездне, которая служит ее Домом, Вечным домом.

Однако связи ничто и свободы остаются неясными: то ли ничто действует через свободу, то ли свобода действует через ничто? То ли свобода несет миротворное ничто, то ли ничто несет огненный факел свободы? Но если свобода является субъектом ничто, Бога и человека, тогда получается, что Бог изначально был американцем?! Так, что ли?

Бердяев опрометчиво использовал симулякр «ничто» для характеристики свободы и бездны, ибо в ничто нет творчества, так как в нем отсутствует субъект. Само ничто страдает от невозможности сохранить свою идентичность, страшится своей судьбы, которая

преображает его в световую субстанцию бытия. Соответственно, и бездна находится не в ничто, не вне бытия, а в центре самого бытия. Бездна содержит в себе ничто, готовит его к преобразению в бытие, а ничто не может содержать в себе бездну, ибо она изначально устроена и настроена в интересах бытия и миротворения.

Бездна — парадигмальный глагол бытия. Как можно оценивать эти когнитивные построения Бёме и Бердяева? А не оценивать нельзя. Ведь речь-то идет о запредельных детерминантах нашего, нашего человеческого мира! Поскольку наши авторы позиционируют себя в качестве христиан, то их идеи и мысли нужно оценивать когнитивным кодексом христианства.

И здесь сразу же возникают логические и моральные коллизии. Христианство утверждает, что Бог радикально изменил статус ничто, преобразив его в расходный материал... бездны, в которой из него творится многообразие бытия. Ничто перемещается в бездну, где оно теряет свой суверенитет и становится сырьем творческой работы Бога и... человека. Христианство не признает суверенность ничто, ставшего ресурсом бездны. Железная руда теряет свою «суверенность» после выплавки из нее стали.

Нигилизм, утверждая субстанциальность ничто, забывает о когнитивном суде в учении Парменида, который доказал онтологическую и гносеологическую несостоятельность ничто. Есть только бытие, а «небытие само по себе... непостижимо, необъяснимо, невыразимо и лишено смысла» [4, 353]. У Парменида ведать о ничто могут лишь двухголовые люди, у которых одна голова мыслит бытие, а другая заявляет, что бытием обладает то, чего нет — небытие, ничто, нахально претендующее обрести бытие, бытия не имея. Беспомощно ум их спотыкается о самого себя, бродя наугад, глухой и слепой. Ничто — абстракция, которую не нужно гипостазировать, ибо в ничто скрываются агрессивный субъект-нигилист, инквизиция и фашизм, всегда готовые вершить насилие над бытием. Бёме и Бердяев были близки к тому, чтобы поставить вопрос об имени, фамилии и отчестве ничто, скрывающего в философии свои личные данные. Ведь огонь невозможен сам по себе без *определенного* горячего материала.

Для мыслителей, работающих в контексте христианства, странно и даже аномально обращение к ничто за когнитивной по-

мощью в поиске разрешений жизненных уравнений бытия. Бог преобразил ничто в световое бытие мира. Поэтому рядом с Богом, вне Бога, в творениях Бога ничто исчезает в сакральной благодати, преобразующей его в бытие. Есть Бог — нет ничто. Есть ничто — нет Бога. Ницше не признавал, что провозглашая смерть Бога («Бог умер»), он бессознательно утверждал возрождение ничто. Использование концепта ничто в сакральном мире реально приносит в него инфермальную диктатуру, заменяя свет мраком, делает Бога не властным над самим собой, зависимым от того, чего уже нет, просто потому, что есть Бог.

Ничто в качестве реалии и концепта признает атеизм, ложную веру, религиозное сектантство, используя их как агентов темноты и ничтожества. Пожалуй, не столько человек использует термин «ничто» для прояснения своих когнитивных ситуаций, сколько само ничто использует человека для замутнения сознания и разума, для превращения этих идеальных органов вечности в тупую стихию мрака и бессознания.

Ничто в составе антисакральной онтологии стало паразитом бытия, проникая в предметы и в человека, оно поражает их своим ничтожеством, превращая их в руины, мусор, отбросы. И обращение к ничто, возвращение его в состав мира, прославление его есть предательство бытия, человека, культуры. Ничто — это онтология СПИДа, черных дыр, темной материи. Посредством ничто в качестве слова-термина и концепта человек выносит сам себе суицидный приговор. А в сакральном мире вещи и существа не исчезают в ничто, а уходят в бездну и там становятся в очередь за живой и мертвой водой. Это уже другая, бытийная, перспектива для сущих.

Ничто — концепт-симулякр, концепт-реваншист, ищущий средства и формы для инфернальной мести бытию, пытаюсь превратить его в свою прислугу, воздействуя на него через цифровой менталитет абстракций. В самых высоких и запредельных идеях в ходе их применения к человеческому опыту опасные, разрушительные интенции ничто скрываются, действуют в качестве невидимой руки. Но тем катастрофичнее будет удар ничто, которое сегодня через виртуальность превращает бытие и человека в симулякры. Именно агентура ничто взорвала «Северные потоки».

Идея Бога придумана не человеком, который сам сотворен этой идеей, служащий ее воплощением и ее творящей свободой. Эта идея представляет, выражает защиту человека, культуры, самого бытия от токсичных испарений, воздействий ничто, поверженного в сражении со свободой за право быть, творить, продолжать дело бытия, умножать потенциал его вечности. Бог служит метафизической иммунной системой бытия и человека, ограждая их от агрессии ничто, растворяющей их в кислотах хаоса и бессознательности.

Бездна — субстанциальная тайна личности. Ф. Ницше выразил свою глубокую догадку о феномене бездны в ярком афоризме: «Если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя» [3, 301]. Это значит, что бездна не равнодушна к человеку, что она всегда готова помочь ему своей экзистенциальной экспертизой, которая определяет в человеке лишние и вредные элементы, подлежащие удалению, устанавливает нужные и полезные элементы, необходимые для продолжения его творческих приключений в сознании и в бытии. Большая бездна ищет взаимодействия с бездной человека, устанавливая адекватные их соответствия свободе бытия.

И сверхчеловек Ницше — это существо бездны, действующее по логике ее героической свободы. Но Ницше поместил его в систему, где он вынужденно стал аморальной, циничной бестией, находящей применение своих недюжинных сил в жестокости, войнах, насилии. А в бездне он стал бы героем сталинских пятилеток!

Антихристианство Ницше сыграло с ним в русскую рулетку. Своим афоризмом о бездне он искал молитву русского крестьянина: «Господи! Бездна грехов моих взывает к бездне Твоего милосердия!». Бездна человека призывает сакральные силы бездны, просит помочь ему постичь свою бездну, научить искусству ее тайной свободы. Правда, сам Ницше не скрывал своей духовной и ментальной зависимости от «русского мужика»².

---

² «Русская музыка с трогательной простотой обнаруживает душу мужика (moujik), простонародья. Ничто не говорит так к сердцу, как их светлые мелодии, которые все без исключения печальны. Я обменял бы счастье всего Запада на русский лад быть печальным. — Но каким образом получается, что господствующие классы России не представлены в ее музыке? Достаточно ли сказать, что “у злых людей нет песен?”» [3, 796].

Бездна — космологическая тайна России. С особой много-
мудрой мощью откликнулась на зов бездны русская поэзия. Онто-
логический, смысловой, образный, языковой океан русской жизни
непосредственно общается с глубинными основаниями мира, тая-
щимися в первородной свободе бездны.

М.В. Ломоносов открыл поэтическую дверь бездны, которая
предстала для него в качестве сакрального звездохранилища. «От-
крылась бездна звезд полна / Звездам числа нет, бездне дна».

Глубоко, таинственно и оптимистично спасительно-
творящую свободу бездны и саму бездну изобразил А.С. Пушкин.
Для него все главные события мира и человека начинаются в без-
дне, которая в поэтическом завете выступает Домом бессмертия!

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог.

Для М.Ю. Лермонтова бездна — «безмирье в мире». У
Ф.И. Тютчева бездна из хаоса творит миры и ночью всех нас исце-
ляет.

Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.
И бездна нам обнажена
Со своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами —
Вот отчего нам ночь страшна!

Над этой бездной безымянной
Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов.

Л.А. Андреев писал о «страшно влекущей бездне пола». Для С.А. Есенина бездна — место, где «дремлет тайна вечности».

Бездна стала основной онтологической категорией русской философии и русского мира. Бездна — метафизический образ и символ России, русского мира, устроенных по оригинал-макету бездны и ее действий. Бездна страшит, манит, соблазняет, испытывает, карает, награждает, компенсирует убыль русского бытия. Общее чувство бездны объединяет русских и держит Россию сильнее всех других связей. Мы все дети бездны. Чувство бездны — это ужасающий восторг перед величием непостижимой бездны, вершащей Божью правду и мудрость свободы.

Западная и восточная метафизика работает в контексте пределов Абсолюта, а русская чертит свои параллели и меридианы в контексте запределья бездны. Онтологическая организация Запада разворачивается в рамках структуры «Мир — Ничто — Абсолют»; онтологическое устройство России образует контекст «Мир — Бездна — Бог». Западное бытие организовано в формах систем, а бытие России осуществляется посредством инициатив хаоса, который выступает как профессиональный революционер бездны, угрожающей системной организации бытия и спецслужбам его порядка.

В этом плане онтология России более глубокая, более сложная и более хаотичная, чем западная. Отсюда зависть, ненависть, стремление завоевать и преобразить бездну в систему. Онтология Запада системная, менее глубокая, более простая, но лучше организована и упорядочена, хотя и беззащитная от своего ничто и природной бездны. Системы строятся и разрушаются, а бездна остается неразрушимой, вечной реалией. В России системы представляют надстройку, которая разрушается, падает в бездну, но не исчезают в ничто, а служат материалом новых систем. И люди в России становятся существами бездны, а потому они умеют выживать в хаосе, в бессистемных состояниях бытия, охраняемого бездной.

Различие бездного устройства России и системного устройства Запада понимали Миних и Бисмарк, но оно недоступно для ума западных идеологов и его военных лидеров. Наполеон хотел освободить крестьян от крепостничества, а они его вилами погнали в Париж. Крепостные крестьяне ощущали себя более свободными, чем

граждане Франции, ибо они могли от системы спрятаться в бездне, а граждане носят свое системное рабство в себе. Свобода таится не в системе, а в бездне, которая требует от человека служения своим бытийным корням. Бездна дает больше свободы, благ, чем система, но она требует служения бытию, Родине. Но общий баланс свободы оказывается в пользу бездны, из которой можно попасть лишь в бытие или же к Богу, а из системы можно лишь бесследно исчезнуть в ничто. Бездна сама по себе есть однополярное начало, признающее своим властным центром лишь творческую изобретательность свободы; но бездна утверждает и культ многополярности, отражая инициативы своей свободы во всех предметных и субъектных реалиях бытия.

США и Запад ненавидят Россию из-за того, что она дружит с бездной, которая благожелательна к России, а США бездна не приемлет даже в качестве мусора, ибо ничто забронировало США для своих нужд. Поэтому они полны зависти к неведомой бездной тайне России: «Да, Россия в бездне, и нам кажется, что это плохо. А вдруг в этой русской бездне все лучше и перспективнее, чем в наших системах? Ведь не зря Россия так яростно ее защищает. А зачем Ломоносов назвал бездну звездохранилищем мироздания? Значит, в загатниках России есть *звездные* разрешения наших проблем!».

Различие бездного и системного устроений бытия дает ключ к пониманию экзистенций различных властителей. Сталин, например, был диктатором лишь в системе и для системы, а в бездне и для бездны он был свой, «родной» человек, хозяин бытия и своей страны. Сталин — лидер бездны, а Гитлер — лидер системы, а потому он проиграл схватку за бытие, ибо система не может победить бездну, как надстройка не может победить базис. Сталин был (и остается) человеком бездны, ее лидером, а его тогдашние и нынешние противники суть преходящие тени системы, а не константные лидеры. И защищая в войне свою Родину, т. е. свою бездну, народы России сражаются и за сталинизм, в котором видели нормальную организацию бездны. Иначе в бездне не выжить, не сохранить жизнь.

Россия должна обрести сознание, адекватное ее бездному бытию. Нужна философия бездны, а не философия систем. Ведь практически Россия сегодня вновь начинает действовать по логике без-

дны. Россия должна уметь слышать голос бездны, присутствующий в нем зов будущего, которое готовится к выходу в бытие из пространств бездны. Автор, назвавший себя Котобусом, написал чаромутный рассказ «Люди бездны» и завершил его таким видением: «P.S. Если долго смотреть в бездну, то из бездны на тебя начинают смотреть русские» [2]. А это уже серьезно, бездна зовет и ждет от страны адекватных реакций. В бездне таится антисистемная нирвана, а система становится сансарой истязующей.

Сегодня человеческий мир оказался в ситуации выбора между фашизмом системы и сталинизмом бездны. Фашизм — предел развития системы, а сталинизм — предел развертывания бездны. Сокрушить фашизм умеет и может только бездна сталинского социализма. Фашизм страшнее и опаснее сталинизма, ибо в нем работает отрицание ничто, а сталинизм содержит в себе кроме укрошенного ничто еще и его отрицание. Нет сегодня, вне сталинизма, другой силы, способной сокрушить евроамериканский фашизм. И сдача позиций сталинизма станет капитуляцией перед фашизмом. И СВО — это самозащита русской бездны от фашистской системы Запада.

Китай вовлек в строительство социализма и капитализм, как требовал В.И. Ленин. И, значит, в СССР социализм изжил себя в качестве западной системы, и его нужно привести в соответствие с творящей свободой бездны, из недр которой социализм вызывает сегодня к России. Нужно создавать нормальную, «долгоиграющую» конструкцию и организацию социализма, способного выразить бездну энергию свободы. Срочно!

Сегодня наступают времена бездны. Синергетика использует эту категорию в ее эмпирическом проявлении, как *хаос*. Физика трактует бездну как онтологический вакуум, куда гонит материю бич энтропии. Вакуум представляет состояние электромагнитного поля, из которого состоят электроны и позитроны. И корни пространства-времени уходят в вакуум. Постмодернизм обозначил бездну термином «*хаосмос*», в котором сочетаются спонтанная самоорганизация материи и столь же спонтанная ее энтропия. Хаос и порядок своей борьбой работают над укреплением бездны.

Типичным образцом хаосмоса служит интернет, который представляет технологическую бездну, своеобразное чудовище,

ограниченное объемами памяти, трафика и денег, но безграничное в двух направлениях: в поиске совершенной информации и погружении в пучину бесконечно деградирующей информации, следуя приказу: «Все дозволено».

Бездна — основание, угроза, приключение, перспектива человеческого мира. И человеческий мир, ощущая себя сегодня летящим в бездну, ищет себя в качестве бездны, ищет себя в бездне и бездну в себе. Сегодня человеческий мир входит в неведомые пространства бездны, ищет формы своего устройства по ее алгоритмам. Бездна является устойчивой и открытой темой бытия, загадочным и таинственным предметом науки, искусства, религии, смысловым ядром правды. Бездна — нулевой цикл, исток, основание, место и способ преобразования человеческого мира. Но бездна и угрожает человеческому миру. А бытие нас предупреждает, что после того, как мы перестанем есть хлеб земной, ближайшая ресторация будет лишь в бездне.

Выводы. Призыв бытия узаконить парадоксальной и парадигмальный статус бездны правомерен.

1. Не бытие находится в бездне, поглощается, пленяется ею, а бездна находится в центре бытия и занимается конструктивной работой по очищению, организации и оформлению его содержания. С бездной бытие становится парадоксальной реальностью вечности, а без бездны оно превращается в материю ничто. Бездна — не враг, а строгий друг и хранитель бытия, его миротворная мастерская, его корни вечные.

2. Бездна защищает бытие от столкновений с ничто, от его тотальных отрицаний и агрессии, превращая ничто в производительную силу бытия. Если бытие служит фундаментом мира и его предметного многообразия, то бездна служит основанием фундамента, его живыми корневыми упорами. Бездна есть базис, а миры и системы — надстройка бытия. Нормальные, «долгоиграющие» системы должны выражать энергию бездной свободы.

3. Бездна превращает бытие в сумму приключений, являясь непрерывным, самым продуктивным приключением бытия, так как через бездну бытие постоянно общается с сакральным миром вечности. Бездна исцеляет, утешает реалии бытия, готовит их к работе в других условиях. Посредством бездны бытие создает, выявляет,

прокладывает пути для судьбы, составляет путевые листы для ее неизвестных решений, ищущих свою реальность, свой смысл. В составе бездны судьба смиряется со своей судьбой, с самой собой, становясь орудием творящей свободы, обогащающей глубинные механизмы и алгоритмы самоорганизации и эволюции бытия.

4. Бездна меняет общую структурную картину человеческого мира, его эсхатологию и сотериологические перспективы, опосредуя взаимоотношения Бога, Неба, Земли, Преисподней. Бездна содержит в себе возможность выбора для бытия: бытие может прямохонокко попасть в ничто, безвозвратно исчезнуть в нем, или же оно может перейти в пространства бездны, где оно модернизируется, переделывается и в преображенном виде продолжает бытийствовать, искать оптимальные пути вечности. Меняет бездна и эсхатологическую перспективу человека, вырывая его из аксиоматической обреченности праха: «Из праха вышел, прахом земным станешь». Бездна предлагает другой исход: «Из праха ты создан — в тайниках бездны! В ней тебя ждет бытие неожиданное и нежданное».

5. В познавательном плане концепт бездны порождает не только знание, он позволяет познавать неизвестное, самому оставаясь неизвестным, вещью в себе. Бездна есть апофатическая гипотеза метафизики, ведущая гносеологическую разведку бытия, используя саму неизвестность в качестве средства ее познания. Неизвестность проявляет свое Incognito лишь в отношениях с субъектом, а сама по себе неизвестность выступает как бездна. Когнитивный и смысловой прорыв мысли к вещи в себе обнаруживает в ней бездну, влекущую ввысь и вниз. Изучение бездны сливается в одном ансамбле разум, веру, бессознательные, магические, мистические и... шарлатанские начала. Бездна является фундаментально-оперативной категорией мысли, разума, веры, искусства, науки.

Бездна — это позиция, программа, парадигма бытия; посредством этой парадигмы бытие совершает прорыв, выходит за границы антиномий Абсолюта на связь с запредельем, вечностью. Архитектоника Бездны опасная, но в ней есть золотые кирпичи счастья и для наших земных хижин. И ради них стоит изучать бездну. Ибо бездна бытия есть в то же время пророческая весть будущего, идущего в мир из пространств бездны.

Литература

1. Бердяев Н.А. Из этюдов о Я. Бёме. Этюд I: Учение об Ungrund // *Путь*. 1930. № 20.
2. Люди бездны: URL.: <https://dzen.ru/a/WheszVgWaX3rsWj2?sid=211389542313841203> (дата обращения: 18.07.2023).
3. Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996.
4. Платон. Соч.: В 3 т. Т. 3. Ч. 3. М.: Мысль, 1971.

References

1. Berdyaev N.A. Iz etyudov o YA. Byome. Etyud I: Uchenie ob Ungrund // *Put'*. 1930. № 20.
2. Lyudi bezdny: URL.: <https://dzen.ru/a/WheszVgWaX3rsWj2?sid=211389542313841203> (data obrashcheniya: 18.07.2023).
3. Nicshe F. Soch.: V 2 t. T. 2. M.: Mysl', 1996.
4. Platon. Soch.: V 3 t. T. 3. CH. 3. M.: Mysl', 1971.

А.Ю. ГОРБАЧЕВ

Добро и зло (тезисы)*

Аннотация. Анализируются феномены добра и зла. Носителями добра являются философы, носителями зла — обыватели. Рассматриваются соотношения «добро — зло», «мораль — нравственность», констатируется их гносеологическая детерминированность. Исследуются противоречие между добром и злом, а также особенности их противостояния.

Ключевые слова: добро, зло, мораль, обыватель, мораль, нравственность, совесть, глупость, сила, слабость.

Abstract. The phenomena of good and evil are analyzed. The bearers of good are philosophers, the bearers of evil are the common

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Горбачев А.Ю. Добро и зло (тезисы) // *Философия хозяйства*. 2023. № 5. С. 160—170. DOI: 10.5281/zenodo.8416761.

people. The relations between good and evil, morality and ethics are considered, their epistemological determinism is stated. The contradiction between good and evil, as well as the features of their confrontation, are investigated.

Keywords: good, evil, morality, layman, moral, ethics, conscience, stupidity, strength, weakness.

УДК 17
ББК 87.7

1. Добро — этический коррелят сознания, познания (мышления) и истины, зло — этический коррелят вербализованной психики (коллективного бессознательного), переживания и заблуждения.

2. Добро есть актуализация смысла жизни. Зло есть актуализация бессмысленного (самоценного, замкнутого на себе, игрового) человеческого существования.

3. Коррелят добра — нравственность, коррелят зла — мораль.

4. Носитель добра и нравственности — философ (представитель сознательно-психико-телесного антропологического типа), носитель зла и морали — обыватель (представитель психико-телесного антропологического типа) [1].

5. Наличие зла является необходимым условием актуализации добра, наличие морали — необходимым условием актуализации нравственности.

6. Добро и, шире, нравственность репрезентируют гносеологические ценности и принадлежат к ним; зло и, шире, мораль репрезентируют витальные ценности и принадлежат к ним.

7. Сущность морали мистична и представляет собой трансцендентализацию добра и зла, производную от трансцендентализации смысла жизни. Сущность нравственности гносеологична и представляет собой понимание смысложизненности добра и бессмысленности зла.

8. Моральный выбор человека обусловлен его витальными потребностями, нравственный — гносеологическими.

9. Поскольку добро не является бессмысленным, оно не творится бессознательно.

10. Дифференцирование добра и зла невозможно без дифференцирования сознания и вербализованной психики (коллективного

бессознательного), познания (мышления) и переживания, истины и заблуждения, философа и обывателя.

11. В обывательском сообществе «противоречие между добром и злом существует в виде противоречия между двумя формами зла» [1, 233]: субъективно приемлемым и субъективно неприемлемым. Первое обыватели называют добром, второе — злом.

12. У обывателей нет альтернативы «добро — зло»: она замещена альтернативой «зло приемлемое — зло нетерпимое», первая сторона которой выступает в роли добра.

13. Обыватели считают зло этически правомерным, собственное зло — допустимым, а порой и необходимым и/или полезным.

14. Учинять либо не учинять то либо иное зло — для обывателя вопрос скорее психологический, нежели этический.

15. Идиллия, неосуществимая в отношениях между обывателями: добрый человек к добрым людям относится так, как они относятся к себе и другим, — по-доброму.

16. «Золотое правило» морали есть максима коллективного бессознательного.

17. «Золотое правило» морали безнравственно, потому что оно апеллирует не к сознанию как этическому регулятору, а к вербализованной психике (коллективному бессознательному). При воплощении в жизнь данного предписания определяющими этическими регуляторами оказываются психические феномены: воля, эмпатия, способность к психической проекции и пр.

18. Поскольку в отношениях каждый обыватель считает себя субъектом, другой для него — средство, а не цель. Следовательно, «золотое правило» морали, категорический императив Канта и т. п. являются благими пожеланиями, декларирующими необходимость ограничения обывательского комплекса превосходства.

19. Для обывателей мотивом совершения добра является потребность в компенсации совершенного ими зла. Эта потребность играет роль переключателя обывательской психики с комплекса ничтожества на комплекс превосходства.

Для философов мотивом совершения добра является потребность в компенсации зла, совершаемого обывателями.

20. Обыватели не имеют совести, поскольку совесть — от ума, а ума у них нет.

21. У обывателей на месте совести находится датчик витальной выгоды.

22. Если очистить обывательское представление о совести от лицемерия и ханжества, то она окажется досадной помехой на пути к приобретению витальных ценностей.

23. Обыватели заботятся о своей репутации, но у них отсутствует магистральное положительное репутационное качество — совесть. Поэтому они пользуются ее эрзацами, замешенными на ханжестве: соблюдением приличий (уважительностью, вежливостью, тактичностью, деликатностью, предупредительностью и т. д.) и/или религиозным рвением.

24. Обыватели являются ханжами: декларируя добро, они творят зло.

25. Ханжа — тот, кто сдерживает свои пороки, вместо того, чтобы преодолеть их. В итоге рано или поздно они прорываются наружу, причем в изошренном виде.

26. Стадиальный переход от лицемерия к ханжеству: зло попеременно выдается за меньшее зло, за добро и, наконец, за святость.

27. Обывательская доброта фиктивна: она представляет собой снисхождение сильного к слабому, т. е. одну из актуализаций комплекса превосходства.

28. Обыватели, критикующие обывательщину, указывают на ее отдельные недостатки, но не понимают, что она порочна тотально.

29. Обыватели обличают зло исключительно с позиции другого зла, причем нередко большего, нежели исходное.

30. Всякий обыватель — слепок Герострата: он совершает зло из боязни остаться незамеченным, т. е. от страха смерти.

31. Этическая позитивность обывателей формальна и обусловлена их потребностью в самоутверждении.

32. Обывательская алхимия: при помощи эликсира власти заблуждение можно превратить в истину, зло — в добро, ложь — в правду.

33. Почему правда чаще лжи выглядит неказистой, неприятной и неубедительной? Потому что таковыми видят правду и ложь подавляющее большинство людей — обыватели.

34. Ложь просторна, правда тесна, истина одинока.

35. Обывателям не нравится быть носителями гносеологической и этической негативности, поэтому они маскируют заблуждения под истину, ложь — под правду, зло — под добро, антигуманизм — под гуманизм и т. д. либо настаивают на полной или частичной мнимости гносеологических и этических ценностей.

36. Шанс заслужить обывательское признание имеют незаурядные обыватели, т. е. те, кто умеет убедительно представить заблуждение истиной, зло — добром, ложь — правдой, но при этом сигнализировать о своей неправоте, тем самым конституируя неизбежность и неискоренимость наличия у обывателей гносеологической некомпетентности и этической беспринципности.

37. Толпа состоит из обывателей, или из носителей глупости и зла. Следовательно, толпа не бывает ни умной, ни мирной.

38. Поскольку народы суть обывательские массы, хороших народов не бывает. Более того, в каждом из них кроется склонность к великому злу, и нужна лишь подходящая ситуация для его актуализации.

39. Расхожая сентенция «В каждом человеке перемешены добро и зло» содержит лестную для самолюбия обывателей недомолвку, краеугольный посыл которой является деиерархизирующим: этически уравнивать всех людей и в конечном счете стереть грань, разделяющую добро и зло. При таком подходе элиминируется вопрос о мере соотношения между добром и злом, а главное — адвокатируются зло и его носители.

40. «Чистого» добра и «чистого» зла не бывает. Они существуют не по отдельности, а в различных взаимных сочетаниях, качество которых определяется преобладанием той либо иной стороны. (Примечание. В противоречиях между добром и злом зло может доминировать неасимптотически и асимптотически, добро — исключительно асимптотически. Неасимптотическое превалирование добра над злом не возникает, потому что в данном случае не образуется основа добра, а без своей основы оно не актуализируется.)

41. Идея существования (либо торжества, укрепления и т. п.) добра благодаря злу алогична, поскольку зло неконструктивно; его функции — ослабление, разрушение и истребление добра.

42. Зло — паразит добра, потому что формой (способом) существования зла является разрушение добра.

43. Апологеты зла, заявляя о неизбежности его наличия по причине невозможности существования добра без зла, стремятся сделать зло этически легитимным и тем самым редуцировать либо упразднить этическую ответственность.

44. Добро и зло находятся в неравном положении: зло почти повсеместно, а добро только там, где осуществлено преодоление зла.

45. Зло может проявлять себя исключительно на фоне добра. С исчезновением этого фона прекращается существование зла.

46. Не нужно полагаться на светлые аспекты зла, например, искать конструктивные основания в отношенческой разрушительности. Ведь механизм зла есть механизм самоуничтожения, вовлекающий в свою орбиту все, что соприкасается со злом.

47. Зло паразитирует на слабости добра.

48. Само по себе зло отвратительно. Единственный шанс казаться притягательным предоставляет ему мимикрия под позитивность, прежде всего этическая мимикрия.

49. Зло омерзительно. Поэтому, для того чтобы выглядеть привлекательным, оно часто меняет свое обличье, маскируясь под добро либо под другие формы позитивности (истину, свободу, справедливость, честность, красоту и т. д.), в том числе мнимую, например, под святость.

50. Зло не дает его носителям нравственной опоры и навсегда остается с ними. От неумолимости этого факта их не спасают ни мимикрия под позитивность, ни раскаяние, ни попытки искупить свое зло формально добрыми поступками.

51. Путь от зла к добру лежит только через меньшее зло.

52. Переход от добра к злу осуществляется скачкообразно, методом опрокидывания (переворачивания), от зла к добру — постепенно.

53. «Со злом сложно бороться, потому что его субъект сначала повреждает им себя, затем приобретает опыт самоутверждения через зло. И приходится противостоять злу, усиленному этим опытом» [1, 447].

54. Неумение дать отпор злу — симптом инфантильности.

55. Чем мельче душа, тем больше она склонна поддаваться искушениям зла.

56. Зло — инструмент саморазрушения: его носитель ради соблазна тактического выигрыша обрекает себя на стратегическое фиаско.

57. Расчеловечивающий обезчеловечивается, обезчеловечивающий расчеловечивается.

58. Не следует укорять носителей зла в саморазрушении, потому что именно к нему они и стремятся.

59. Субъекты зла суть носители не только этических, но и психических отклонений.

60. Гадость гадит гада.

61. Опыт морального распада есть опыт, который без конструктивного внутреннего противостояния ему пребывает в собственном качестве и выплескивается вовне. Передатчики такого опыта — не учителя, а растлители.

62. Кумирами эпохи распада являются оборотни.

63. Интересуйся, ради чего совершается добро, и не спрашивай о том же в отношении зла, поскольку зло совершается ради него самого: ведь оно замкнуто на себе и, следовательно, бессмысленно.

64. Градации зла коррелируют с градациями глупости и находятся с ними в прямо пропорциональной зависимости.

65. Глупость порождает зло, которое в ответ катализирует глупость. Зло оглушает: совершая его, отдаляешь себя от ума. Необратимое зло ведет к необратимой оторванности от ума.

66. По мнению носителей зла, добро — слабость, а зло — сила.

67. Слабый — не значит добрый. Чем слабее человек, тем труднее ему воздержаться от совершения зла и/или устоять под его напором.

68. Когда человек сильный, он добрый; когда слабый — злой. И наоборот: когда человек добрый, он сильный; когда злой — слабый.

(Примечание: сильный и добрый — умный, слабый и злой — глупый).

69. Слабые, пытаясь обмануть себя и других, тщатся выглядеть сильными. Однако на деле они оказываются носителями глупости и зла, и попадают в замкнутый корреляционный круг, тремя секторами которого являются слабость, глупость и зло.

70. Любое свое зло женщины ухитряются оправдать высокой либо важной целью, якобы ради которой оно совершается. А если такой цели нет, то ее успешно заменяют женские прихоти, тем более что ссылаться на них представительницы прекрасного пола не находят обязательным.

71. Ставить красоту в один ряд с истиной и добром — значит вопреки им выступать апологетом женственности. Ведь красота проникает в этот ряд (и дискредитирует его) как латентный проводник причастности женщин к истине и добру.

72. Приличие — вуаль для пороков. Поэтому женщины, будучи более порочными, чем мужчины, усерднее их хлопчут о соблюдении правил приличия.

73. *Nota bene*: не путать недостатки с пороками. Первыми аранжируется индивидуальность, вторыми губится личность.

74. Зло — от бездарности. Творить зло — быть бездарным. Эту закономерность не понимают носители зла, особенно те из них, которые изощряются в его совершении: им застит глаза упоение собственной находчивостью.

75. Моральный урод либо не замечает своего уродства, либо отрицает его, либо не видит в нем ничего плохого. Поэтому он моральный урод.

76. Глупый или подлый? Подлый, потому что глупый.

77. Подоплекой подлости служит преднамеренная глупость, подоплекой оплошности, нелепости и т. п. — непреднамеренная глупость.

78. За всякой человеческой неподлинностью стоит подлость; за всякой подлостью стоит человеческая неподлинность.

79. Совершение зла для его субъекта сопряжено с самообманом. Субъект зла виртуально растождествляет себя с творимым им злом и таким способом виртуально овнешняет свою совесть.

80. Совесть — внутренний феномен. Дефектной она оказывается в том случае, если с ней обращаются как с внешним феноменом, нечистота которого якобы не касается того, кто ее произвел.

81. У каждого психиатрически адекватного человека имеются и совесть, и муки совести. Вопрос в ее и их качестве.

82. Для обывателей характерно фиктивное изживание мук совести, зиждущееся на ее виртуальном овнешнении, т. е. на воображаемом перекладывании своей вины на внешнюю инстанцию (не

обязательно мистическую). Самообман и здесь служит обывателям фальшивой опорой.

83. Виртуально овнешняющий свою совесть не избавляется от ее укоров, что вынуждает его искать себе оправдания: «Такое было время...», «Я выполнял распоряжение (приказ) начальства», «Меня бес попутал», «Я действовал по ситуации», «Виноваты мои родители», «Не мы такие — жизнь такая», «Люди ошибаются» и т. п.

84. Тот, кто считает людей неисправимо порочными, придерживается этого мнения с той целью, чтобы на основании его при совершении и после совершения зла освободиться от угрызений совести.

85. Подлецы бывают явными и тайными. Те и другие безуспешно пытаются избавиться от мук своей совести: первые словесным и/или деятельным раскаянием, вторые откровенничаньем.

86. Зло обожает тайну: под ее завесой оно обретает видимость могущества и этической легитимности.

87. Носители зла предпочитают осуществлять свое темное дело скрытно. Комичнее прочих среди них выглядят уличенные предатели, когда они убеждают преданных ими в собственной непричастности к предательству либо даже в его необходимости.

88. Зло ослепляет того, кто и без него слеп.

89. Добро и зло антропогенны. Отношение к животным, растениям, физическим объектам, идеям и т. д. — проекция отношения к людям, поэтому у него имеется этическое измерение.

90. Человек — единственное существующее, способное быть носителем добра либо зла, нравственности либо морали. Делегирование этических качеств животным и тем/тому, кто/что ниже их, представляет собой прием адвокатирования зла.

91. Поскольку все существа, за исключением человека, этически индифферентны, утверждение «Человек — самое злое существо» является максимой, в которой заложено существование надчеловеческой (мистической) инстанции, этически более совершенной, чем человек.

92. Того, кто говорит, будто человек — самое злое существо, легко поставить в тупик вопросом о самом добром существе. Тут-то и выяснится: во-первых, внятной положительной этической альтер-

нативы человеку нет, во-вторых, демонизировать людей — значит быть апологетом зла.

93. Результат столкновения добра со злом далеко не всегда предсказуем. Но известно, что в случае победы зла оно самоликвидируется, истребляя одну свою форму за другой.

94. Тактически зло направлено против его акцептора, стратегически — против носителя зла. В конечной перспективе эти векторы смыкаются и наступает полное этическое разложение носителя зла.

95. После победы зла над добром начинается самопожирание зла. Бесповоротно разрушив добро, зло исчезает. На последних стадиях истребления добра зло уже не столько борется с ним, сколько уничтожает себя, ликвидируя собственные более слабые разновидности.

96. Победа зла может вынудить носителей добра героически погибнуть и при этом знать, что их подвиг некому будет одобрить.

97. Зло либо одолевается добром, либо развивается по вектору самоуничтожения.

98. Победа добра над злом является жизнеутверждающей; самоуничтожение зла апокалиплично.

99. Глупость непобедима? Зло непобедимо? Но они суть феномены самоистребления, поэтому любая их победа — пиррова.

100. Полная и окончательная победа добра над злом неосуществима, зато вероятна ситуация, в которой зло уничтожит себя, прихватив с собой человечество.

101. Непобедимость добра? Необязательно.

Неизбежный крах зла? Да.

Литература

1. Горбачев А.Ю. Философский дневник (2002 — 2013 гг.). Философские статьи и тезисы. Минск: Издатель А.Г. Печенко, 2014. 640 с.

References

1. Gorbachyov A.YU. Filosofskij dnevnik (2002 — 2013 gg.). Filosofskie stat'i i tezisy. Minsk: Izdatel' A.G. Pechenko, 2014. 640 s.

ВАН ВЭЙЮЙ

Левинас как онейрический философ*

Аннотация. Данный текст посвящен понятию «сон» в раннем произведении Э. Левинаса «От существования к существующему». Дана попытка разработать его антропологическое понимание, т. е. рассмотрение Левинаса как «онейрического философа», вслед за профессором Ф.И. Гиренком. Левинас в своей работе заменяет бытие на *il y a* (иметься, быть) — хаотический, недифференцированный и безличный опыт существования, а сон позволяет выходить от этого опыта и тем самым выйти на уровень существующих субъектно-объектных отношений. Иными словами, сон — это бегство от бытия. Он открывает поле сновидения за пределами бытия, что, в свою очередь, делает возможным человеческий опыт. Таким образом, можно сделать философско-антропологический вывод о том, что сон для человека есть нечто более фундаментальное, чем бытие, и что так называемая человеческая реальность определяется сном.

Ключивые слова: Эммануэль Левинас, философская антропология, онейрическая философия, сон.

Abstract. This thesis focuses on the concept of «sleep» in E. Levinas's early work «From Existence to Existents» and attempts to develop an anthropological understanding of it: to consider Levinas as an «oneiric philosopher» as suggested by Fyodor Girenok. In his work, Levinas replaces being with *il y a* — the chaotic, undifferentiated and impersonal experience of existence, and sleep allows one to emerge from this experience and thus enter the level of existing and subject-object relations. Thus, sleep is an escape from being, and it opens up the field of dreaming beyond being, which makes human experience possible. Thus, an anthropological conclusion can be drawn: dream is more fundamental to human than being, and that even so-called «reality» must be defined by dream.

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Вэйюй Ван. Левинас как онейрический философ // Философия хозяйства. 2023. № 5. С. 170—176. DOI: 10.5281/zenodo.8416768.

Keywords: Emmanuel Levinas, philosophical anthropology, oneiric philosophy, sleep.

УДК: 141.333

ББК: 87.52

Сон как уникальная форма опыта всегда представляли интерес для философии. Сны фигурировали в самых разных областях, таких как мифология, история философии, народная или популярная культура. Однако теперь философия уделяет меньше внимания этой теме. Причина этого заключается в том, что сон, приносящий откровение или истину в философии, и сон, раскрывающий тайны человеческого бессознательного в психоанализе, имеют определенный солипсический, или метафизический, характер. Сон обладает привилегией достижения внутренней и внешней реальности, что явно не допускается строгими эпистемологическими требованиями современной философии.

Таким образом, похоже, что только аналитическая философия имеет право говорить о сне в XXI в., но ценой отказа от разговора о самом сне. Если мы возьмем запись «Dreams and dreaming» из Стэнфордской философской энциклопедии, показывающую отношение ко сну в настоящей англоязычной философии, то обнаружим, что сны рассматриваются почти исключительно как особый способ познания или крайнее состояние сознания [5]. Но философская антропология Федора Гиренка не считает, что значение сна этим ограничивается. Опыт сна, галлюцинации, воображения и т. п., которые буквально противопоставляются «реальности», он принимает за основной опыт человека и даже называет человека «существом, спящим наяву» [2]. В то же время он приводит ряд онейрических философов, о которых говорит так: «...всех их объединяет мысль о том, что любая реальность отсылает к сновидению, что в сновидениях устанавливается истина реальности, а, следовательно, и различие между сном и реальностью» [3]. Для онейрических философов человеческий опыт является скорее всего сном, чем чувством реальности.

Думаю, что к этой философии можно отнести и Э. Левинаса, или, по крайней мере, его работу «От существования к существующему».

Сон в работе Левинаса «От существования к существующему»

На самом деле в работе «От существования к существующему» Левинас использует слово «сон» чаще всего для обозначения глагола «спать» (sleep), чем существительного «сновидение» (dream), хотя последнее он использует и для обозначения состояния, в которое человек входит после прекращения бессонницы [6, 78], или антитезы тяжелого бытия [6, 96]. Именно это позволяет рассматривать Левинаса как онейрического философа, и его философия должна быть понята в свете этой книги.

Как следует из названия, книга посвящена процессу генезиса от безличного, недифференцированного анонимного существования (*il y a*) к позитивному субъекту и позитивному существующему, которое появляется через ипостась. Но *il y a* здесь — это не парменидовское самодостаточное бытие как таковое, а опыт бытия или сознание, которое «берет бытие в себя при собственной нерешительности» [4, 41]. В его более поздней работе прямо говорится, что «бытие (esse) бытия самого по себе есть онтология, т. е. понимание бытия (esse)» [7, 113]. Учитывая, что у анонимного *il y a* еще нет различия между субъектом и объектом, внутренним и внешним и т. д., т. е. нет различия в уровнях существующего, ученые хорошо описывают неопределенность *il y a* выражением «единство дуальности». В *il y a* нет различия, поэтому он «один», но как «опыт» он же обязательно является самореференцией, т. е. чьим-то опытом, и поэтому является парадоксальной двойственностью, предполагающей субъектно-объектные отношения, которые еще не вошли в познание и еще не тематизированы [1].

Согласно Левинасу, именно сон разрывает анонимный опыт *il y a* и приводит к субъектно-объектным отношениям, к ипостаси существующего. Он приводит к «здесь», которое делает возможным забвение недифференцированного опыта *il y a*. Это позволяет субъективности не быть тесно связанной с опытом полного, анонимного существования. Происходит субъективизация субъекта, открывающая *Cogito*.

Это ключ к пониманию сна Левинасом: поскольку сон должно рассматривать вместе со сном, то его глагол, который есть утверждение, осуществляется через отрицание опыта универсального существования конкретной определенности. Уже в работе

«О бегстве» Левинас описывает опыт существования как неразрешимую тошноту, привязывающую человека к хаосу, в котором ничего невозможно. Что-то становится возможным только после бегства из него, а сон и есть это бегство [8, 66—67]. Сон всегда предполагает выход из опыта недифференцированной безличной бессонницы, для чего необходимо сначала спать в конкретном «здесь», и именно конкретность, порождаемая этим «здесь», фиксирует недифференцированное бытие в конкретном существующем. Из этой определенности возникает субъектно-объектное отношение, т. е. поле мышления *Cogito*. Для мышления требуется сон, сновидение, а не бытие.

Здесь нужно обратить внимание на событийность сна. Поскольку сама формулировка *il y a* предполагает замену «бытия вообще» на опыт конкретного бытия, постольку несомненно, что предпочтение Левинасом глаголов событийности мотивировано именно переходом от предписания бытия посредством имен существительных, описывающих классификацию или сущность существующего, к появлению самих существительных: бытия в качестве события бытия. Позиция, по выражению Левинаса, — это чистый глагол: не часть предложения, обозначающая действие и отношение, не содержание сказанного, а действие «привнесения речи» [4, 51]. Только на основе этого Левинас возвращается к глаголу «ипостась» — гипостазировать, чтобы описать генезис существующего. Он пишет: «Событие, посредством которого действие, выраженное глаголом, становится существом, обозначаемым существительным» [4, 51—52].

Но позиция не устанавливается раз и навсегда как твердый субъект и как система объектов, постигаемых разумом, иначе все равно было бы трудно уйти от традиционного понимания бытия. Для того чтобы сон стал не просто иной «реальностью», чтобы действительно сохранились событийность сна и сингулярность сновидческого опыта, Левинас просит нас понимать сон в мгновенном времени.

В начале книги Левинас уже говорил о том, что существует событие, которое не может исключить даже чистый опыт *il y a*, а именно — рождение. Рождение приносит с собой субъективность, готовую к участию в существовании, и тем самым гарантирует, что недифференцированное бытие не сможет поглотить все, а будет

завоевано и фиксировано в существующем. А поскольку *il y a* представлено как чистый опыт недифференцированного существования, а существующее возникает только тогда, когда определенность сна нарушает неопределенность *il y a*, то нет возможности исследовать основу события рождения, которое может быть обнаружено только в дискретном моменте, т. е. рождено из ничто [4, 10].

Рассуждая о мгновении, Левинас прямо ссылается на парадигму Декарта о времени как не объекте, а прямой поддержке существующего Богом в каждом мгновении. Само мгновение однородно и дискретно, но у него есть центр — настоящее, сейчас. Левинас называет настоящий момент «осуществлением существования». [4, 47]. Непосредственное переживание бытия происходит только в мимолетном настоящем моменте, который является несводимым опытом бесконечного.

Только в прошлом и будущем есть дистанция и опосредование, а это требует нашего выхода из существования через сон. Как уже говорилось ранее, сон одновременно открывает субъект и объект на уровне существующего, что позволяет зафиксировать существование в существующем и тем самым вновь соединить поток длительности, разбитый настоящим моментом, установить целостность опыта и ввести дистанцию, необходимую для описания опыта бытия. Но что не менее важно, Левинас не утверждает, что этим исчерпывается субъективность, поскольку пассивное, безличное *soi* все еще сохраняется. Это дестабилизирует субъекта, позволяя ему под воздействием эмоций вновь попасть в *il y a* и перестроиться через другой сон. Все это позволяет понимать сон только как событие, поскольку в нем не может быть никакой сущности или закона сна. Даже мы, таким образом, можем понимать человека только как событие, а не как устойчивые образы субъекта, поскольку субъект появляется только в сне.

Онейрология Левинаса

В итоге, для того чтобы отнести Левинаса к онейрическим философам, необходимо прояснить соотношение сна и реальности в его философии.

В работе «От существования к существующему» Левинас использует *il y a* как исходную точку процесса генезиса, показывая возникающие из него субъект и объект. Однако *il y a* — это исход-

ная точка аргументации, но не метафизическое начало: ведь это не бытие само в себе, а опыт анонимного существования, т. е. оно содержит «единство дуальности» пассивного *soi* и события рождения и может быть выражено только негативно.

Сон же, как подчеркивалось ранее, является следствием события спать, т. е. отрицание и бегство от анонимного существования. Но это бегство не направлено ни на ничто, ни на какой-то единый, детерминированный способ бытия. Субъективность не навечно зафиксирована в субъекте, а непрерывно пребывает и рождается в мгновении, в постоянной встрече с бесконечным, т. е. непрерывно выходит за пределы уровня существующего, чтобы вновь войти в него. Поэтому мы не можем установить никакой положительной, определенной связи между человеком и бытием, поскольку человек никогда не исчерпывает бытие, проявляющееся как бесконечное в настоящем, и даже не поддерживает никакого отношения к бытию, а лишь непрерывно прыгает по поверхности бытия, чтобы лечь спать и увидеть во сне бытие, переживаемое в ушедшем мгновении, чтобы включить его в свой собственный опыт. Вне сна нет никакой реальности, которая была бы доступна человеку, поскольку объективированный опыт уже должен предполагать сон.

Таким образом, Левинаса можно назвать онейрическим философом, поскольку он отказывается от традиционной трактовки бытия и реальности как тождественных, и человеку в первую очередь принадлежит не внешняя реальность, а сон; реальность же в его понимании — лишь мимолетная вещь, мелькнувшая в сновидении. Образ человека в его философии — не рациональный, но и не просто пучок фрагментарных восприятий, а трансцендентальное событие, событие, которое делает возможным спекулятивное отношение к бытию, поскольку это событие делает возможным сон. Даже для человека единственной реальностью является только эмоция: страсть, которой не существует, но нам дана, разрушает доверие к присутствующему существующему, разрушает уже созданную основу и заставляет нас реформатировать себя.

В конце концов мы открываем эту тайну сна в работе в сон устанавливает отношение человека к бытию. Сон, а не чувство реальности, прежде всего, есть человеческий опыт.

Литература

1. Ван Синъюнь. Левинас о чистом опыте бытия — ил у а // *Философия другого: возвращение к Левинасу*. Тайбэй: Серия Мэйтянь, 2009. С. 67—94.
2. Гиренок Ф.И. *Философский манифест Московской антропологической школы* // *Человек.RU*. 2019. № 14. С. 220—229.
3. Гиренок Ф.И. О тождестве и различии между сном и явью в онейрической философии // *Вопросы философии и психологии*. 2020. № 7 (1). С. 3—8.
4. Левинас Э. Эмманюэль Левинас. *Избранное. Тотальность и Бесконечное*. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 416 с.
5. Levinas E. *Existence and existents*. The Hague: Martinus Nijhoff, 1978. 101 с.
6. Levinas E. *Of god who comes to mind*. CA: Stanford University Press, 1998. 211 p.
7. Levinas E. *On escape*. Stanford: Stanford UP, 2003. 120 p.
8. Windt J.M. *Dreams and Dreaming* // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2021 Edition) / E.N. Zalta (ed.): URL: <https://plato.stanford.edu/entries/dreams-dreaming/> (дата обращения: 07.07.2023).

References

1. Van Sin'yun'. *Levinas o chistom opyte bytiya — il y a* // *Filosofiya drugogo: vozvrashchenie k Levinasu*. Tajbej: Seriya Mejtyan', 2009. S. 67—94.
2. Girenok F.I. *Filosofskij manifest Moskovskoj antropologicheskoj shkoly* // *CHelovek.RU*. 2019. № 14. S. 220—229.
3. Girenok F.I. *O tozhdestve i razlichii mezhdu snom i yav'yu v onejricheskoj filosofii* // *Voprosy filosofii i psihologii*. 2020. № 7 (1). S. 3—8.
4. Levinas E. *Emmanyuél' Levinas. Izbrannoe. Total'nost' i Beskonechnoe*. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 2000. 416 s.

IV

РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ

Ю.К. ВОЛКОВ

**Знание и мудрость
(об одной юбилейной статье и последних публикациях
В.А. Кутырева)***

Аннотация. Статья, посвященная памяти В.А. Кутырева, представляет собой критический анализ одной из его последних журнальных публикаций, приуроченных к юбилею выхода «Нового Органона» Френсиса Бэкона. Рассмотрены три, выделенных автором статьи о Бэконе глобальных парадокса, связанных с проектом «Великого восстановления наук» и изменившимся статусом научного знания и знания в целом. Это — парадокс знания как сильной и практической технонауки, знания как сверхсильной и большой Меганауки и знания как слабого многознания, приводящего к незнанию и своеобразной информационной деменции. В статье также использованы другие последние материалы нижегородского философа, связанные с темой угроз технонаучного знания и значения философской мудрости в сохранении ценностей традиционной культуры и родового человека.

Ключевые слова: Кутырев, Бэкон, «Новый Органон», знание, сверхсильное знание, большая и малая наука, общество постзнания, мудрость, рефлексия.

Abstract. The article dedicated to the memory of V.A. Kutyrev a critical analysis of one of his last journal publications timed to the jubilee of the release of the «New Organon» by Francis Bacon is presents. Three global paradoxes identified by the author of the article on Bacon related to the project of the «Great Restoration of Sciences» and the changed status of scientific knowledge and knowledge in general are considered. This is the paradox of knowledge as a strong and practical technoscience,

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Волков Ю.К. Знание и мудрость (об одной юбилейной статье и последних публикациях В.А. Кутырева) // Философия хозяйства. 2023. № 5. С. 179—193. DOI: 10.5281/zenodo.8416785.

knowledge as a super-strong and large Megascience and knowledge as a weak multi-knowledge, leading to ignorance and a kind of information dementia. The article also uses other recent materials of the Nizhny Novgorod philosopher related to the topic of threats of technoscience knowledge and the importance of philosophical wisdom in preserving the values of traditional culture and generic man.

Keywords: Kutyrev, Bacon, «New Organon», knowledge, super-strong knowledge, big and small science, society of post-knowledge, wisdom, reflection.

УДК 141.2: 001.6
ББК 87.25

Посвящение

В этом году исполнилось бы 80 лет известному нижегородскому и российскому философу, профессору Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского Владимиру Александровичу Кутыреву.

Владимир Александрович давно и плодотворно сотрудничал с коллективом лаборатории философии хозяйства. Он был членом научно-редакционного совета журнала «Философия хозяйства», входил в состав Академии философии хозяйства. В 2009 г. был награжден серебряной медалью С.Н. Булгакова «Свет Невечерний».

Разумеется, В.А. Кутырев был постоянным автором журнала. Его статьи один-два раза в год обязательно публиковались на страницах альманаха в разделе «Актуальная философия». Эти работы чаще всего представляли собой апробацию философских идей, которые в целостном виде излагались в многочисленных книгах нижегородского философа.

Профессор Кутырев не дожид до своего юбилея почти целый год. Он скоропостижно скончался 4 октября 2022 г. Сразу же, в пятом номере журнала «Философия хозяйства» были опубликованы некролог и последняя статья В.А. Кутырева, приуроченная «к 300-летию бытия И. Канта» [9]. Кроме того, в октябре 2022 г. на экономическом факультете МГУ состоялось заседание теоретического семинара на тему: «Эпоха отмены и бремя гуманитарного безвременья», посвященное памяти В.А. Кутырева.

Открывая семинар, его руководитель, председатель научного совета «ЦОН МГУ» профессор Ю.М. Осипов сказал: «Мы всегда разделяли и сейчас разделяем экзистенциальную тревогу Кутырева, слышали и слышим предупредительный гул набата, в который он упорно бил и бил, а вот тщетно или нет — покажет уже весьма скорое будущее. Я не сомневаюсь, что моральная боль, интеллектуальное и физическое напряжение настолько измотали Владимира Александровича, что сердце его не выдержало и он ушел из жизни, но ушел как боец, вступивший в неравную, но мужественную схватку с беспредельным, внешне блистательным, улыбочивым и даже привлекательным, призрачным и скользким античеловеческим и антигуманитарным мраком, охватившим ныне планету, не исключая и нашей страны» [4, 267—268].

Еще одним журнальным откликом на смерть философа стала статья А.С. Тимощука «Смерть автора», опубликованная в шестом номере «Философии хозяйства» [12]. Основная часть этой публикации была посвящена последней книге В.А. Кутырева «Цивилизация фальшизма» [10], некоторые идеи которой он высказывал в своей последней программной статье «Науку и технологии — под контроль общества! (опыт философско-практического противостояния фальшизму цивилизации постмодерна)» [7].

Вместе с тем в статьях, опубликованных в журнале «Философия хозяйства» за последние годы, кроме ставшей остроактуальной темы контроля за технонаучными инновациями, профессор Кутырев затрагивал целый ряд других проблем. Конечно, все эти проблемы были так или иначе связаны с центральной темой почти полувекового творчества нижегородского философа — вызовами техногенной цивилизации и утратой человеком своей родовой сущности.

Однако по своим названиям и содержательной специфике некоторые последние работы В.А. Кутырева были посвящены юбилейным событиям в истории философской мысли. В их числе, например, журнальная статья «Левый консерватизм как философия сопротивления техногенной деградации человечества (Михаил Лифшиц и конец классической марксистской философии — по итогам празднования 200-летия со дня рождения К. Маркса)» [6], материал которой был использован в монографии «Человечество и Технос» [11].

Данная статья — попытка напомнить об одной юбилейной работе В.А. Кутырева, в которой отмечаемое историко-философское событие послужило поводом для серьезного разговора об угрозах, исходящих от научного знания. Эта работа — одна из последних статей нижегородского философа, вышедшая в журнале «Философия хозяйства» в «ковидном» 2020 г. В ней представлены размышления «позднего» Кутырева, которые посвящены представителю европейской философии Нового времени — Френсису Бэкону, ранее не входившему в число открыто критикуемых им идейных оппонентов.

Однако даже в этом относительно новом персоналистском контексте, кутыревская критика философско-научного проекта английского мыслителя своим идейным острием направлена против наступающего техно-инновационного мира, чуждого и враждебного миру традиционных ценностей и родового человека (*Homo Genus*). Мира, в котором, казалось бы, не связанные с реальной и постоянно текучей жизнью приставки «пост» и «транс» стали подтверждением действительного перехода к новому и незавершенному состоянию. Состоянию, в котором мудрость уступила место всеильному и одновременно бессильному знанию.

По своему замыслу и жанровой специфике настоящая статья, идея которой сложилась еще при жизни В.А. Кутырева, представляет собой критический разбор основных идей философа нижегородца, изложенных в одной из его знаковых работ. Владимиру Александровичу важна была оценка именно этой работы в силу следующих основных причин.

Во-первых, как уже было сказано, фигура Френсиса Бэкона в ряду других выдающихся мыслителей прошлого, с которыми заочно спорил профессор Кутырев, в этой работе стала главным предметом его критики. Во-вторых, в своей критике «Нового Органона» профессор Кутырев невольно перешел на поле категорически отвергаемой им философии науки. В то время как в круг его ближайших профессиональных и личных контактов постоянно входили представители этого направления современной философии.

Кроме отмеченного содержательного контекста, представленный анализ мыслей и слов В.А. Кутырева — это еще и дань памяти безвременно ушедшему коллеге. Это тот жанр, который можно определить как поминальное посвящение, принятое делать через

год после смерти известного человека. Поминовение на годовщину смерти — исходно религиозная традиция, которая, даже получив устоявшуюся светскую форму, осталась по своей сути прощальным похоронным обрядом традиционной культуры, за сохранение которой своим философским оружием боролся Владимир Александрович Кутырев.

Сила и бессилие знания

В статье, опубликованной в журнале «Философия хозяйства» и посвященной 400-летию выхода «Нового Органона» Френсиса Бэкона, В.А. Кутырев обыгрывает крылатое выражение английского ученого, политика и философа «Знание — сила».

Следует заметить, что Владимир Александрович не принимал участия в симпозиуме, который проводился в рамках VIII Российского философского конгресса и был посвящен юбилею книги Бэкона. Однако он не мог не отреагировать на это событие, в котором участвовали его коллеги по кафедре. Разумеется, сделано это было с учетом давнего критического отношения профессора Кутырева к науке как к источнику опасного для человека и природы технического прогресса.

Эскизно изобразив историю институтов образования и гуманитарной науки, выражавших стремление человека «к вечному бытию через сохранение уникального вклада в него каждого индивида» [5, 158], В.А. Кутырев по-своему определяет историческую роль Френсиса Бэкона. Он, по мнению нижегородского философа, стал предвестником современной научно-технической революции [5, 159].

С целью подтверждения такой оценки В.А. Кутырев противопоставляет «Новый Органон» Бэкона, который являл собой «свод научных правил для наступающего индустриального общества» [5, 160], «Органону» Аристотеля. При этом бэконовское «Великое восстановление наук» как проект своеобразного возвращения к научному рационализму зрелой античности В.А. Кутырев противопоставляет средневековой науке, подчиненной вере.

В этой связи можно сказать, что противопоставление двух органонов как двух качественно различающихся культурно-исторических этапов развития научного метода не отрицает наличия существующей между ними исторической и логической преем-

ственности. Другое дело, что для обоснования такой позиции потребуется использовать прием двойного отрицания, а значит, найти третий органон, который также существовал. Его автором стал русский писатель-мистик Петр Успенский [1, 13].

Однако принцип двойного отрицания, согласно которому возвращение к первичному состоянию не просто возможно, но логически даже необходимо, противоречит принципу метафизического отрицания как полного и постоянного противопоставления двух исходных противоположностей. В.А. Кутырев, исходя из специфики защищаемого им метафизического подхода, более важным в концептуальном плане считает не возможную диалектическую связь двух органонов, а тот водораздел, который оформился из противопоставления сократовского «знания как блага» и бэконовского «знания как силы».

В соответствии с идейным замыслом статьи, именно этот нововременный раскол породил три глобальных парадокса, связанных с изменившимся статусом научного знания и знания в целом. Это — парадокс знания как сильной и практической технонауки, знания как сверхсильной и большой Меганауки и знания как слабого многознания, приводящего к незнанию и своеобразной информационной деменции.

Первый парадокс, который В.А. Кутырев выводит из бэконовского противопоставления светоносного и плодоносного знания, превратило знание из мысленного воспроизведения реальности в деятельность по созданию ранее не существовавших артефактов [5, 161]. В результате этого, наука стала ориентироваться на экономический эффект, полученный от создания научных технологий, превратившись в технонауку, а «знание стало реализовываться как сила — явно и непосредственно» [5, 161].

Еще одним важным следствием приоритетности плодоносного, т. е. прикладного и технического знания, стала его идеологическая нейтральность. «Приобретая утилитарные свойства, знание, — как отмечает В.А. Кутырев, — утрачивает ценностный и мировоззренческий характер» [5, 161].

Вывод, к которому приходит В.А. Кутырев после рассмотрения этой линии развития «сильного» знания, состоит в следующем: «Знания (наука) как открытия и светоносные исследования за-

верш(ают)или свое историческое существование. Знание (наука) как сила, как “плодоносные исследования“ — это технологии» [5, 163].

Другим парадоксом знания как силы стало, по мнению Кутырева, превращение науки в «Megascience» (Большую науку). Здесь вновь используется дихотомия светоносное — плодоносное знание, но только уже с точки зрения определяющей роли светоносных знаний.

«Большая наука, — пишет В.А. Кутырев, — которая вся, являясь воплощением технологий, их концентратом, не ставит, однако, своей целью получение какого-то конкретного полезного результата. По той причине, что еще не знает, куда эти исследования приведут. Они — светоносные. ...Возникает “свет второй ступени” — знание ради знания» [5, 163].

Главным пороком большой науки В.А. Кутырев считает затрату огромных средств и усилий, направленных на научные проекты по изучению «не макро-, а микро-, мега- и вирту-миров». Как отмечает автор статьи, в мегамиллионных проектах такого рода сверхзнание, действительно, выступает в роли сверхсилы, способной погубить планету и жизнь на ней [5, 163].

Поскольку последствия сверхсилового познания нельзя предсказать, подобное «сверхлюбопытство», решая одни проблемы, порождает другие. В их числе — проблемы, грозящие самому существованию родового человека. «Сверхсильные знания, — по словам В.А. Кутырева, — это знания, переступающие через человека, выводящие его на дорогу непрерывно провоцирующих одно другим трансгуманистических преобразований» [5, 164].

Отвлекаясь на время от апокалипсической прогностики В.А. Кутырева, связанной с возникновением «сверхсилового знания», обратимся к истории возникновения понятий «большая наука» и «малая наука». Эти два противоположных термина впервые в 1963 г. использовал в свое книге с таким же названием американский историк науки Дерек Прайс [13]. У него данные понятия означают два типа научных сообществ, каждому из которых соответствует определенный период в становлении и развитии науки. Критерием внутренних различий между большой и малой наукой в концепции Прайса выступают изменения в структуре и содержании субъекта науки.

Период малой, или исторической, науки характеризуется тем, что главными субъектами здесь были свободные объединения ученых-одиночек, либо ученых-учителей со своими учениками. Второй период — это эра большой, или институализированной, науки, иницируемой деятельностью ученых-профессионалов, входящих в состав научных организаций.

Именно организационные, бюрократизированные структуры научных сообществ обеспечили возможность прямого и косвенного воздействия на современную большую науку со стороны государства. В этих условиях основным регулятором деятельности научных организаций становится основанное на наукометрических показателях и экономическом эффекте их нормативно-правовое обеспечение.

При этом главным компонентом нормативного регулирования большой науки выступают не моральные или социально-правовые, а природно-технические нормы, относящиеся к безличной технике и природе. Отсюда становится понятным, почему санкции в технических нормах «появляются лишь в ситуации, когда правила поведения людей в природной и техногенной среде могут иметь очевидные социальные последствия» [2, 109].

Следовательно, те претензии, который Владимир Александрович предъявляет непосредственно к большой науке, видимо, следует перенаправить государственным институтам, которые определяют, финансируют и контролируют национальные и международные научные проекты. Профессор Кутырев и сам критически оценивает государственное реформирование Академии наук и планы по созданию техноцентров. Однако связывает он этот — как бы анонимный — процесс с утратой классическим естествознанием и гуманитаристикой своего «светоносного» значения [6, 162—163].

В качестве третьего парадокса «сильного знания» В.А. Кутырев называет возможность современного человека ничего не знать и не помнить, которая появилась у него благодаря феномену компьютерно-сетевой универсализации знания. «В самом деле, — восклицает автор статьи, — зачем что-либо знать и помнить, если в мгновение, одним нажатием кнопки, а потом голосом или просто мышлением любое знание можно извлечь из Сети» [5, 166].

Опасность, которую видит В.А. Кутырев в возможности не обладающего силой знания человека оперировать огромными мас-

сивами информации, состоит в том, что без постоянного напряжения мысли и памяти люди уже не смогут самостоятельно мыслить. Возникает то, что Кутырев называет «расширенным сознанием».

Расширенное сознание, по словам В.А. Кутырева, — это слившееся с интернет-(не)реальностью индивидуально потерянное сознание, «растворившееся в виртуальном пространстве, ставшее каплей, минимальной единицей, “узлом” информационного океана» [5, 167].

Исходя из принципа противоположности человеческого и расширенного постчеловеческого сознания, процесс расширения последнего, по мнению Кутырева, лишь маскирует процесс его сужения и превращения в «ничто». В то время как на самом деле, мнимое техногенное возвышение человеческого разума — это процесс его самоотрицания и подготовка к замещению искусственным интеллектом. Тем самым, знание-сила перерастает в техногенную сверхсилу и человеческое бессилие, которое «порождает “потребность в непонимании”, деменцию человека как социальную необходимость» [5, 168].

Это новое и переходное состояние «общества знания» В.А. Кутырев определяет как «общество незнания», общество, в котором полным ходом идет процесс потери сознания как понимания. Другим авторским обозначением такого информационного эффективного, но «не-о-сознающего» себя общества является понятие «общество постзнания», которое обобщает уже устоявшиеся понятия «постистина» и «постправда».

Знание против мудрости, рефлексия против рефлекса

О политике постправды или постистины (post-truth), благодаря которой при описании реальных, в основном актуальных и новостных событий истинное знание заменяется полуправдой, либо откровенной неправдой, написано и сказано уже достаточно много. Тема эта специальная и по большей части связанная с социологией знания, политологией и журналистикой. Позиция, которую отстаивает в своей статье В.А. Кутырев, имеет более широкий социально-онтологический и антропологический контекст. Она — об особенностях коммуникативно-информационного феномена постправды как такого явления общественной жизни, у которого есть не только значение «вместо», но и значение «после».

Рассуждая о формирующемся «обществе постзнания», В.А. Кутырев контурно изображает социальный портрет представителей этого социума. К их числу он относит не только узких специалистов, но также постоянно растущий класс пользователей информационными гаджетами и даже так называемых информационных зомби. Все они, утратив сначала навыки, а затем и способности самостоятельного получения знания, могут, как считает автор статьи, сменить постчеловеческое бытие на нечеловеческое, трансгуманистическое существование [5, 170].

Что же, по мнению философа, является главной причиной и источником описываемого им человеческого самопокалипсиса? Им оказывается «идолище знания», которое стало сверхсильным, стихийным и неконтролируемым, стало уничтожать природу и родового человека как уникальную форму бытия.

Отсюда следует тот завершающий статью категоричный призыв, с которым обращается нижегородский мыслитель. «Ситуация XXI в. требует благословлять все силы разрушения электронного мега-концлагеря, виртуальные кризисы и катастрофы, с их неопределенными последствиями, которые бы при-остановили этот определенно самоубийственный процесс. Управлять им, чтобы удерживать в бытийных рамках коэволюции с жизнью», — вот “задача на существование” нашего мира» [5, 170].

Как можно оценить такой финал статьи, посвященной конкретному историческому событию, произошедшему более четырехсот лет назад? Несмотря на эмоциональную гиперболизацию угроз, исходящих от знания, которое в картине, нарисованной автором статьи, приобретает разрушительное свойство сверхсилы, в этом выводе, на наш взгляд, слышится многократно повторяемая мудрость традиционной культуры: «Многие знания — многие печали».

Дословно речь в этой известной цитате, взятой из книги Екклесиаста и приписываемой царю Соломону, идет не о знании вообще, а той мудрости, которая умножает скорбь. Исходя из такого жизненного правила, можно предположить, что незнание, а точнее, отсутствие мудрости, напротив, делает человека счастливым. Вопрос в том, будет ли это счастье рефлексирующего человека, либо это будет счастье пассажиров «корабля дураков», которые реагируют лишь на быстро устаревающее новое. Тогда как в утратившем

стабильность мире больше должно цениться трагическое умение мыслителя преодолевать свое время [6, 102—103].

Видимо, исходя из такого противопоставления модного, но поверхностного знания и понимающей, консервативной мудрости следует трактовать выделенные курсивом слова профессора Кутырева из его статьи о Бэконе: *«Прогрессивно(е), глупеющее, слепое, несчастное человечество. Счастливо только непониманием того, что делается»* [5, 170].

Владимир Александрович Кутырев посвятил теме мудрости и угрозам, исходящим от ее исчезновения, целый ряд своих более ранних размышлений. В наиболее концентрированном виде об утрате людьми мудрости философ писал в книге «Последнее целование. Человек как традиция». Мудрость здесь определяется как форма духа, цель и высший уровень знания [8, 46]. В свою очередь, причиной всеобщего ограничения мудрости в современном мире Кутырев считает науку, которая, говоря словами Хайдеггера, «не мыслит». А точнее, перестает отвечать на вопрос «как это происходит?», перестает спрашивать «почему?» и «зачем?» [8, 46].

Отсюда — соответствующее отношение к философии как любви к мудрости, замененное равнодушием или даже ненавистью к ней — «фобисофией». Как пишет В.А. Кутырев, «о мудрости в таких условиях вспоминать неприлично, философия, если допускается, то “научная”, в виде “рассказов о высоких технологиях” или вырождается в технологию социального управления» [8, 48].

В прежние времена знание о мире, по словам Кутырева, независимо от того, служило ли оно сократовской идее блага или бэконовской пользе, соотносилось с мерой человека, что и есть главное свойство мудрости. В отличие от этого, автоматизированное мышление-исчисление и знание-коммуникация не связаны с ценностями и целями [8, 50]. Самый абсурдный вопрос, который можно поставить при подобном без(д)умном познании, констатирует В.А. Кутырев, это «Откуда мы, кто мы, куда идем?». Самый абсурдный предмет в нем — философия. А самый безумный, ненужный человек, «кто рассуждает» — мудрец [8, 50].

В то же время и в среде философствующих мудрецов были те, кто, по мнению профессора Кутырева, нанес непоправимый вред традициям философского осмысления мира. К числу таких опасных для классической философии великих мыслителей Владимир Алек-

сандрович, прежде всего, относил Иммануила Канта. Именно трансцендентальной «Философии Чистого Разума» Канта была посвящена последняя статья В.А. Кутырева, опубликованная в журнале «Философия хозяйства». Кроме того, в этой резко эмоциональной обличительной критике кантовского трансцендентализма есть и упоминание тех, кого профессор Кутырев относит к предшественникам и последователям кенигсбергского мыслителя, а, в конечном счете, к невольным идеологам пост-и-трансгуманизма.

«По известному высказыванию М. Хайдеггера, — пишет Кутырев, — атомная бомба взорвалась в трудах Парменида, отождествившего бытие с мыслью. С высоты сегодняшнего дня логично считать, что эта бомба была пороховой. Атомную бомбу — как знак и начало перехода человечества... из макромира в микро, мега и другие космопостчеловеческие измерения реальности — взорвал житель Кенигсберга Иммануил Кант...» [9, 155].

И в качестве продолжения: «Невольно Кант, а в России (бес)сознательно Н. Федоров и К. Циолковский были первыми теоретическими изменниками Земли(е), идеологами перехода к миру, когда и в котором преобразователь сам подпадает под преобразование» [9, 156].

Пожалуй, одним из лучших образов, характеризующих отношение В.А. Кутырева к философскому знанию как любви к мудрости, стал используемый им образ совы римской богини Минервы. Можно с уверенностью сказать, что в данном смысловом контексте этот образ был заимствован нашим ушедшим современником у Гегеля. Вместе с тем у каждого, кто знаком с замечаниями немецкого философа по поводу этого символа мудрости, могут возникнуть серьезные сомнения в необходимости философского просвещения в современном глобально нестабильном мире.

Как считает Гегель, философские поучения о том, каким должен быть мир, приходят слишком поздно для постоянно изменяющегося мира. Когда некая форма жизни стала старой, ее уже нельзя омолодить. Можно лишь «серой краской по серому» нарисовать философский портрет этого незавершенного мира и запоздало понять его. Вот почему сова Минервы всегда начинает свой полет с наступлением сумерек [3, 56].

Владимир Александрович Кутырев, опровергая опасения Гегеля о неизбежно позднем приходе мудрости, несколько десятилет-

тий мужественно и бескомпромиссно отстаивал идеал консервативной гуманистической философии как рефлексии о современном мире. По его твердому убеждению, именно такая актуальная, жизненно-практическая философия способна ограничить научно-технологический прогресс и сохранить современное человечество и мыслящего, чувственно-земного человека. Напоминание значимости философской рефлексии в мире технаучных новаций и новая, до конца еще не разработанная идея геоантропоцентризма, стали последними опубликованными мыслями нижегородского философа.

Земля, резюмировал В.А. Кутырев, «это Центр — *но только для Нас*. ...Вот идея выживания человечества, которую надо проповедовать, укрепляя всеми возможными способами. Философии — быть рефлексией, а не рефлексом технонауки (STS), чем она сейчас, увы, преимущественно является... Так продлимся...» [9, 158].

Литература

1. Волков Ю.К. Методология «Нового Органона» и логика двойного отрицания // Восьмой Российский философский конгресс «Философия в полицентричном мире». *Симпозиумы*. Сборник научных статей. М.: РФО; ИФ РАН; МГУ; Издательство «Логос», ООО «Новые печатные технологии» (Москва), 2020. С. 11—13.

2. Волков Ю.К. Нормативная природа институтов малой и большой науки // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2020. № 3. С. 101—117.

3. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.

4. Зотова Е.С., Сухина Т.С. Дискуссия об эпохе отмены и бремени гуманитарного безвременья // Философия хозяйства. 2022. № 6. С. 265—279.

5. Кутырев В.А. Знание как сила, сверхсила и бессилие (к 400-летию создания Ф. Бэконом «Нового Органона») // Философия хозяйства. 2020. № 5. С. 157—172.

6. Кутырев В.А. Левый консерватизм как философия сопротивления техногенной деградации человечества (Михаил Лифшиц и конец классической марксистской философии — по итогам празднования 200-летия со дня рождения К. Маркса // Философия хозяйства. 2019. № 1. С. 95—109.

7. *Кутырев В.А.* Науку и технологии — под контроль общества! (опыт философско-практического противостояния фальшизму цивилизации постмодерна) // *Философия хозяйства*. 2022. № 1. С. 113—126.

8. *Кутырев В.А.* Последнее целование. Человек как традиция. СПб.: Алетейя, 2015. 312 с.

9. *Кутырев В.А.* Философия Чистого Разума Канта как спекулятивная предпосылка космизма, виртуальности и искусственного интеллекта (трансцендентальный дигитализм contra теллурический реализм) // *Философия хозяйства*. 2022. № 5. С. 143—159.

10. *Кутырев В.А.* Чело-век технологий, цивилизация фальшизма. СПб.: Алетейя, 2022. 288 с.

11. *Кутырев В.А., Слюсарев В.В., Хусяинов Т.М.* Человечество и Технос: философия коэволюции. СПб.: Алетейя, 2020. 260 с.

12. *Тимошук А.С.* Смерть автора // *Философия хозяйства*. 2022. № 6. С. 233—241.

13. *Price D.* Little Science, Big Science. N. Y.: Columbia University Press, 1963. 119 p.

References

1. *Volkov YU.K.* Metodologiya «Novogo Organona» i logika dvojnogo otricaniya // *Vos'moj Rossijskij filosofskij kongress «Filosofiya v policentrichnom mire»*. Simpoziumy. Sbornik nauchnyh statej. M.: RFO; IF RAN; MGU; Izdatel'stvo «Logos», ООО «Novye pechatnye tekhnologii» (Moskva), 2020. S. 11—13.

2. *Volkov YU.K.* Normativnaya priroda institutov maloj i bol'shoj nauki // *Cifrovoy uchenyj: laboratoriya filosofa*. 2020. № 3. S. 101—117.

3. *Gegel' G.V.F.* *Filosofiya prava*. M.: Mysl', 1990. 524 s.

4. *Zotova E.S., Suhina T.S.* Diskussiya ob epohe otmeny i bremeni gumanitarnogo bezvremen'ya // *Filosofiya hozyajstva*. 2022. № 6. S. 265—279.

5. *Kutyrev V.A.* Znanie kak sila, sverhsila i bessilie (k 400-letiyu sozdaniya F. Bekonom «Novogo Organona») // *Filosofiya hozyajstva*. 2020. № 5. S. 157—172.

6. *Kutyrev V.A.* Levyy konservatizm kak filosofiya soprotivleniya tekhnogennoj degradacii chelovechestva (Mihail Lifshic i konec klasicheskoj marksistskoj filosofii — po itogam prazdnovaniya 200-letiya

so dnya rozhdeniya K. Marksa // *Filosofiya hozyajstva*. 2019. № 1. S. 95—109.

7. *Kutyrev V.A.* Nauku i tekhnologii — pod kontrol' obshchestva! (opyt filosofsko-prakticheskogo protivostoyaniya fal'shizmu civilizacii postmoderna) // *Filosofiya hozyajstva*. 2022. № 1. S. 113—126.

8. *Kutyrev V.A.* Poslednee celovanie. CHelovek kak tradiciya. SPb.: Aletejya, 2015. 312 s.

9. *Kutyrev V.A.* Filosofiya CHistogo Razuma Kanta kak spekuljativnaya predposylka kosmizma, virtual'nosti i iskusstvennogo intellekta (transcendental'nyj digitalizm contra telluricheskij realizm) // *Filosofiya hozyajstva*. 2022. № 5. S. 143—159.

10. *Kutyrev V.A.* CHelo-vek tekhnologij, civilizaciya fal'shizma. SPb.: Aletejya, 2022. 288 s.

11. *Kutyrev V.A., Slyusarev V.V., Husyainov T.M.* CHelovechestvo i Tekhnos: filosofiya koevoljucii. SPb.: Aletejya, 2020. 260 s.

12. *Timoshchuk A.S.* Smert' avtora // *Filosofiya hozyajstva*. 2022. № 6. S. 233—241.

А.А. ТАРАСОВ

**Владимир Александрович Кутырев (1943—2022)
и Бруно Латур (1947—2022): две судьбы — две философии***

Аннотация. 24 сентября 2023 г. — 80 лет со дня рождения Владимира Александровича Кутырева. 4 октября 2023 г. — ровно год со дня его смерти. В.А. Кутырев и Б. Латур (1947—2022), философы совершенно разного склада ума, идейные оппоненты, если не противники друг друга (пусть и заочные), покинули этот мир на одной и той же неделе, первый — во вторник (04.10.2022), а второй — в воскресенье (09.10.2022), с разницей всего в пять дней. Несмотря на всю несхожесть мышления В.А. Кутырева и Б. Латура, при внимательном, пристрастном рассмотрении, между ними мож-

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Тарасов А.А. Владимир Александрович Кутырев (1943—2022) и Бруно Латур (1947—2022): две судьбы — две философии // *Философия хозяйства*. 2023. № 5. С. 193—211. DOI: 10.5281/zenodo.8416792.

но найти несколько точек соприкосновения. Если философия Б. Латура — это идеология «парализации наукой», то В.А. Кутырев прямо выступает в качестве критика науки. Оба были современными «левеллерами», но в диаметрально противоположных смыслах. Если В.А. Кутырев предлагал обсуждать все проблемы науки и техники публично, то Б. Латур был сторонником так называемой «симметричной антропологии» и «плоской онтологии», где люди и вещи равны, отражающей непрерывно уermaющуюся роль человека в искусственной среде.

Ключевые слова: В.А. Кутырев, Б. Латур, парализация наукой, современные левеллеры, симметричная антропология, плоская онтология, наука как игра масштабами.

Abstract. September 24, 2023 — the 80-th anniversary of the birth of Vladimir Alexandrovich Kutyrev. October 04, 2023 — exactly one year since his death. V.A. Kutyrev and B. Latour (1947—2022), philosophers of a completely different mindset, ideological opponents, if not opponents of each other (albeit in absentia), left this world in the same week, the first — on Tuesday (04.10.2022), and the second — on Sunday (09.10.2022), with the difference of all in five days. Despite all the dissimilarity of the thinking of V.A. Kutyrev and B. Latour, with careful, a little biased consideration, several points of contact can be found between them. If the philosophy of B. Latour is the ideology of «paralysis by science», then V.A. Kutyrev directly acts as a critic of science. Both were modern «levellers», but in diametrically opposite senses. If V.A. Kutyrev proposed to discuss all the problems of science and technology publicly, B. Latour was a supporter of the so-called «symmetrical anthropology» and «flat ontology», where people and things are equal, reflecting the continuously diminishing role of man in the artificial environment.

Keywords: V. A. Kutyrev, B. Latour, paralysis by science, modern levellers, symmetrical anthropology, flat ontology, science as a game of scales.

УДК 101.1
ББК 87.2, 87.3, 87.5

Так продлимся...
В.А. Кутырев

24 сентября 2023 г. — 80 лет со дня рождения Владимира Александровича Кутырева (24.09.1943 — 04.10.2022), по признанию многих коллег-философов, наиболее интересного, глубокого и самобытного из нижегородских философов последнего полувека, одного из самых влиятельных мыслителей в российской философии в целом этого же периода.

Лично я впервые услышал о В.А. Кутыреве от его сокурсника по философскому факультету МГУ имени М.В. Ломоносова, доцента Е.Н. Богданова, который у меня преподавал формальную логику на первом курсе (в 1998 г.) и однажды всем студентам на лекции сказал, что нам повезло быть современниками и даже земляками «выдающегося мыслителя» — В.А. Кутырева. Затем я прочитал его книги. Первой из них была «Разум против человека» (1999)¹. Без нее я, скорее всего, и не заинтересовался бы философией. Эта книга открыла мне философию не как «заумную» науку, а как нечто живое и «самое адекватное» для человека. После прочтения этой книги я был почему-то уверен, что это судьба — познакомиться. Это произошло уже в 2005 г. Философия невозможна без отношения «учитель — ученик».

4 октября 2023 г. — ровно год со дня его смерти. Совпадение или проявление «духа времени», но В.А. Кутырев и Б. Латур (1947—2022), философы совершенно разного склада ума, идейные оппоненты, если не противники друг друга (пусть и заочные), покинули этот мир на одной и той же неделе, первый — во вторник (04.10.2022), а второй — в воскресенье (09.10.2022), с разницей всего в пять дней. Идея сопоставления, сравнения различных философов на основе чисто внешних и случайных совпадений бывает очень плодотворной, и в этом нет ничего нового или странного. Например, «общим местом» является указание на то, что Ф. Ницше умер 25 августа 1900 г., а «наш» В.С. Соловьев — 13 августа того же года, т. е. с разницей меньше двух недель. Именно с этих событий, соответственно, в Европе и в России, как считали люди того

---

¹Эта книга была дополнена и переиздана в 2016 г. издательством «Алетейя» под названием «Унесенные прогрессом».

времени, не формально, а по существу начался XX в., «пророками» которого стали эти две фигуры. Или указывают, что три философа разных эпох — тот же Ф. Ницше, а также М. Вебер и М. Фуко — каждый умер от болезни своего времени, соответственно, от безумия, «испанки» и ВИЧ/СПИДа. Да и я сам уже использовал это «ход мысли», когда указывал на сходство или историческую параллель между смертью двух «подвижников» — того же М. Вебера от «испанки» в 1920 г. и китайского врача Ли Вэньляна (Li Wenliang), который заговорил о смертельной угрозе коронавируса всему человечеству еще в ноябре — декабре 2019 г., продолжавшему свою работу в очаге заражения (г. Ухань), и заплатившему за это собственной жизнью 7 февраля 2020 г., ровно через сто лет после первого [13].

Магия цифр и совпадений? Возможно. Но еще и странная магическая привлекательность смерти... Кутырев всегда выступал против бессмертия. Отсутствие смерти равнозначно отсутствию жизни. Индивидуальное бессмертие — то же самое, что смерть человечества. Или: «Чувственная любовь к жизни заменяется умозрительной любовью к бессмертию». Наконец: «Собственно человеческое утрачивается незаметно. Мы не будем знать, когда нас не будет». О неминуемо приближающейся с возрастом собственной смерти Кутырев — наполовину в шутку, наполовину всерьез — говорил, что скоро неизбежно «присоединится к большинству». Мы, люди, которые в данный момент времени живут на Земле, всегда находимся в меньшинстве. И поэтому тем более удивительным и странным является то, как мы здесь живем, как друг к другу относимся. Не по-человечески...

Для журнала «Философия хозяйства» В.А. Кутырев был «своим» человеком, с чисто формальной точки зрения, поскольку являлся членом его научно-редакционного совета, но и по духу, так как считал данный журнал самым интересным и содержательным среди всех академических научных журналов, издаваемых в настоящее время в России. В сравнении с ним все остальные издания, как считал В.А. Кутырев занимают «мелкотемье», «пустой возней». Вот, например, журнал «Цифровой ученый» («The Digital Scholar: Philosopher's Lab»). Хотя он также входил в его редакционную коллегию. То есть дело не в статусе, а в сути.

По моему опыту, поскольку я по первому образованию экономист, экономика как наука является аутистичной дисциплиной.

Единственный выход для нее из этого состояния — осознать невозможность охватить мир с абсолютной точностью. Только тогда она сможет стать действительно полезной для понимания реальной экономики. Пока же экономисты в подавляющем большинстве придерживаются аутичной позиции, согласно которой поведение человека не может не соответствовать рациональному предположению о максимизации выгоды. Все остальное для нее — ересь «по умолчанию». Если этого не сделать — и это относится ко всем наукам! — то вытесненные анализом объекты станут обратимыми. Эта метаморфоза чревата катастрофами. Предметы анализа повсюду становятся хрупкими — именно благодаря анализу! Они мстят за это. Тут Н. Талеб, назвавший ученых «хрупкоделами» («fragilista») совершенно прав. Так, измерение, произведенное с частицей, например с фотоном, нарушает работу экспериментальной установки до такой степени, что другая частица, отделенная от первой бесконечным расстоянием, равным в нашем масштабе нескольким световым годам, мгновенно создает эхо этого движения. Это называется «порочный круг». Притязания человеческого разума на абсолютную значимость не могут быть опровергнуты средствами самого же разума. Ф. Ницше это хорошо понимал. «Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?» (1 Кор 1:20) В существующих экономических (в частности, народнохозяйственных) и демографических моделях социальные, духовные и гуманитарные переменные почти не представлены. Опять же, за исключением «Философии хозяйства».

Аутизм выступает синонимом поведения согласно алгоритму, фрейму, стереотипу, мифу, скрипту. Всему тому, о чем подробно в своих работах писал Бруно Латур. За последние пять лет (с начала 2019 г., № 1 (121)) я насчитал, что Латур (Latour) встретился в журнале «Философия хозяйства» 30 раз. На момент написания данного текста последним вышедшим номером журнала является № 4 (148), 2023. То есть 30 упоминаний приходятся на 28 номеров. Таким образом, в среднем получается не очень часто — всего одно упоминание на выпуск. Хотя в целом слава Б. Латура в последние годы его жизни шла на спад. Пик популярности французского философа пришелся на 2013 г. Возможно, причина объективна, поскольку из-за тяжелой болезни (рака поджелудочной железы) его активность действительно уменьшилась.

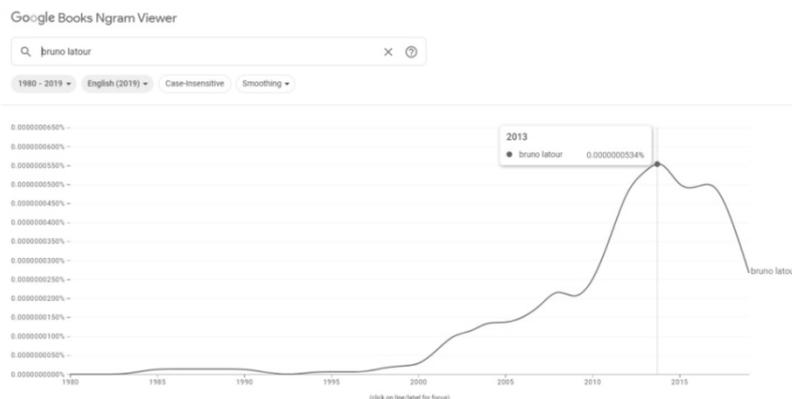

Рис.1. График частоты упоминаний [Bruno Latour] в «Google Ngram Viewer»

Более конкретно, Латур упоминается в моей статье [12], где акторно-сетевая теория на онтологическом уровне выступает как противостоящая идее суверенитета. В.А. Кутырев критикует его идею человека как «оцифрованной вещи» [7]. Ф.И. Гиренок, анализируя философию антропоцена, уточняет, что она «родилась в головах новых натуралистов», к которым, без сомнения, относится Б. Латур [3], с точки зрения которого вообще все может быть «социальным», что и подтверждает, например, сегодняшняя китайская «система социального кредита» (рейтингования) [2]. Кроме того, Латур жаждал прихода второй половины социального: природного. Пусть даже и в обличье коронавируса! [1]. Молодой и перспективный философ из Москвы А.А. Медникова пишет о плоской объектоориентированной антиантропологической онтологии и, соответственно, переопределении социального у Латура [11], а также о его глубокой вовлеченности в сегодняшний постапокалиптический экологический дискурс [10].

Даже смерть двух философов диаметрально противоположна — если В.А. Кутырев умер внезапно (уснул и не проснулся), то Б. Латура не стало после долгой борьбы с онкологией. Такова и их философия — одна быстрая, легкая и резкая как сама жизнь, а другая — тягучая, тяжелая и занудная как смерть. Несмотря на всю несхожесть мышления В.А. Кутырева и

Б. Латура, при внимательном, пристрастном рассмотрении между ними можно найти несколько точек соприкосновения.

При поверхностном взгляде может возникнуть ощущение, что сегодняшние технологии NBIC(S)-конвергенции воплощают собой идеалы и даже торжество коммунизма и социализма, их рванш. Но на самом деле это не более чем структурно-технический, «системно-догматический» социализм. В своем отношении к прогрессу такой социализм неотличим от капитализма. Главной сущностной чертой социализма должна быть отнюдь не «плановость», но «гуманность». В течение десятилетия 1980-х гг., как отмечает В.А. Кутырев, даже «социологическое лицо» общественности приобрело дополнительный социотехнический оттенок, все больше выходит литературы по проектированию и управлению социальными процессами, говорят даже о «технологии идеологического обеспечения», технике пропаганды и т. п. [6, 41] Латур в этом смысле со своим «техноутопизмом» очень точно попал «в струю»...

Впрочем, сегодня «утопией» объявляют как раз человека как рационального, телесного, эмоционального и духовного существа. Спрашивают, в стиле М. Горького в его «Климе Самгине», показывающем декадентскую позднецарскую Российскую империю: «А был ли мальчик-то? Может мальчика-то и не было?..» Именно так, например, это и делает Б. Латур с его «We have never been modern». Так же и с социализмом. Может быть, нам это все только причудилось? И сегодня мы, наконец, проснулись... Или, наоборот, уснули?.. Эта позиция исходит из сомнения в возможности прогресса, при апелляции к возможностям (строго биологическим!) человека.

Вообще, по всей видимости, время 1960—1970-х гг. было по своему беспрецедентным и судьбоносным для всего мира, поскольку именно тогда впервые в истории соединились две разнонаправленные траектории: социализм и экологизм, правые и левые. Та же траектория своеобразно повторяется и в интеллектуальной эволюции В.А. Кутырева: он движется от социализма («Социализм: между прошлым и будущим» (1990)) к ко-эволюции («Естественное и искусственное: борьба миров» (1994)). Советская версия социализма была уникальна тем, что вместо эксплуатации одного класса другим, здесь была эксплуатация населения со стороны государства. Напомним, что капитализм — это общественно-экономическая

формация, для которой характерна эксплуатация одного класса другим (капиталисты эксплуатируют пролетариат, наемных рабочих), но при равенстве людей (человечества) с природой, со всеми другими биологическими видами, но не только... Так, тот же самый Б. Латур говорит о необходимости создания «парламента вещей», т. е. равенства прав людей и вещей. Но, и это вслух не говорится, хотя если уж речь идет о капитализме, то автоматически следует, за счет ущемления прав людей. Социализм же, напротив, отличается тем, что здесь снимается эксплуатация человека человеком, достигается их реальное равенство, но это возможно достичь, как и в случае первобытно-общинного строя (первобытно-коммунального, а не коммунистического), лишь посредством более эффективной эксплуатации людьми (человечеством) природы. В диалектической логике исторического развития — это «первобытно-общинный строй», только на новом, более совершенном и прогрессивном витке развития². Вот только «сплеть огромную сеть (мафиозно-клановую систему, круговую поруку) отношений, как пауки, мы живем и чувствуем себя в ней как мухи». Или «акторы» в терминологии Б. Латура. Может ли технология объединять нас? Да, если мы сами станем технологичными!

Одна из самых известных (иногда о ней говорят как об «основополагающей») работ Б. Латура «Наука в действии» (1987) в самом своем названии содержит большую долю юмора или даже издевки над читателями, ведь по-английски, если прочитать не «Science in Action», но «Science InAction», то получится «паралич науки» или даже «парализация наукой»! Если в случае Б. Латура непонятно, он за эту самую парализацию или против, в первую очередь потому, что для акторно-сетевой теории нормативное измерение вообще отсутствует, пустое место (вот почему и «модерна никогда не было»), то В.А. Кутырев прямо выступает в качестве критика науки. Он так прямо и говорил, что философия науки должна порвать с ее обоснованием или легитимизацией. Она возможна только в качестве критики науки, т. е. критики науки как нео-догмы, тотальной постидеологии.

---

² Такая «закономерность» известна под названием «макиавеллианского интеллекта», или «эффекта Берна — Уайтена» (см.: [16]).

Известно, что В.А. Кутырев предлагал обсуждать все проблемы науки и техники публично. В этом смысле его можно назвать «современным левеллером». Б. Латур тоже левеллер, но в диаметрально противоположном смысле — уравниватель «людей» и «вещей» (о необходимости «парламента вещей» мы уже упомянули). Латур, как известно, был сторонником так называемой «симметричной антропологии», позиции уравнивания людей с «вещами». Под последними может пониматься все — как природное, так и техническое, и даже социальное или воображаемое, метафорическое. Другое название философии Б. Латура — «плоская онтология», утверждающая, что люди и вещи равны, между ними и внутри них нет никаких иерархий, ведь любые иерархии по определению — всего лишь иллюзия, антропоморфизм. В.А. Кутырев считает это очевидным симптомом критикуемого им, «едва прикрытого риторикой слепка с положения человека в искусственной среде, его непрерывно умаляющейся здесь роли» [5, 314], вплоть до «потери дара речи». Не случайно, пишет он, «в компьютерных текстах исчезают имена собственные, которые теперь пишутся с маленькой буквы, ибо техника не отличает живое от неживого... [М]ыслят деревья, камни, животные, артефакты, отношения между ними — лишь бы не голова... [Человек] не мыслит как таковой, по природе. Если Ното, наряду с другими объектами, и существует, то без sapiens. Такова уж теперь его “природа”... [Н]емыслимое в модернистскую эпоху ценностное уравнивание человека с любыми другими феноменами мира казалось тогда дерзким, но оно доводит до логического завершения лишение его статуса субъекта» [5, 427]. Субъект превращается в агента сетей, «сгусток информации»... Б. Латур лишь предвосхитил такое положение, новую (де)онтологию, провозгласив «симметричное равенство вещей и людей». Это действительно уже (де)онтология, т. е. и не онтология, а ее деконструкция, и не деонтология, поскольку, в очередной раз повторим, здесь нет места ничему нормативному. Это «пресловутая политкорректность, [которая] реализуется как вы(у)равнивание всего: нет ни мужчин, ни женщин, ни белых, ни черных, ни больных, ни здоровых, ни умных, ни глупых, ни красивых, ни уродов, ни добра, ни зла» [8, 10]. Тем более, бытия и небытия. И об этом с восторгом толкуют последователи Б. Латура как о великом достижении в философии науки. Причем, у(вы)равнивание идет по низшему уровню, чтобы было «все вклю-

чено». В 1980-е гг. даже на Западе первые работы Б. Латура воспринимались как скандальные, не говоря уж о нашей стране... Тогда «уравнивание людей с вещами [было] скандал[ом]. Теперь... [же] в основном восторженные пересказы как нового слова в философской антропологии. “Темное Трансвековье”. Время Mortido» [8, 278].

Еще раз подчеркнем главную претензию к акторно-сетевой теории — все эмпирическое здесь делается нормативным («что есть, то и должно быть»), тогда как все нормативное рассматривается как эмпирия и в этом смысле ничем не отличается от марксистской, фрейдистской, дарвинистской или даже ницшеанской «критики морали». Но сама эта схема «извращения», подмены понятий как нельзя лучше подходит для понимания смысла понятия «метаморфозы» как раз в философском смысле. В своей последней (финально-терминальной) работе «A Metamorphosis» (2021) Б. Латур определяет: метаморфоза — это когда нормальное становится патологией, а патология — нормой.

Всю «анекдотичность» смысла философии Б. Латура, которую большинство сегодня принимает «на полном серьезе», можно проиллюстрировать следующим примером, который сам Латур, по всей видимости, очень любил, поскольку часто к нему обращался, и который сводится к вопросу: должен ли пистолет отвечать за «склонение к преступлению»? [15]. Часто говорят, что не оружие убивает людей; это люди убивают людей. Очевидно, что это так. Объекты, вещи сами по себе ничего не делают. Какую ответственность, например, несет пистолет? Ведь в некоторых случаях, очевидно, окружающие нас вещи влияют на наш выбор. Склоняют к нему, подталкивают. Аргумент об ответственности оружия за насилие с применением огнестрельного оружия может показаться неразрешимым. Но, с точки зрения акторно-сетевой теории Б. Латура, как только мы отделяем «ответственность» от «вины», все становится намного проще. Латур говорит о «сценариях» («скриптах»), которыми сопровождают нас окружающие объекты. Так, пистолет несет в себе ряд намерений и сценариев, потому что оружие делает вполне определенные вещи, а не другие. Это прокладывает определенные «пути», которые как бы «транслируют» наши цели и намерения, в результате чего мы начинаем иначе думать о себе и наших возможных действиях, когда имеем при себе оружие, нежели когда у нас его нет. Это не означает, что оружие определяет, что мы бу-

дем делать, но оно обеспечивает контекст наших действий, совсем игнорировать который было бы неуместно. С точки зрения Б. Латура, хотя у агента могут быть намерения и цели, у оружия есть свой собственный «сценарий», и когда у агента есть оружие, мы не можем рассматривать ни агента, ни оружие изолированно друг от друга, но должны смотреть на намерения единой сети «агент — оружие». Означает ли это, что у «пистолета» есть «намерение»? Разве это не нонсенс? «Скрипть» пистолета дают нам ряд «ролей для исполнения». Но, как мы уже указали, это оставляет в стороне вопрос о «вине», концентрируясь только на понятии «ответственности». Мы прекрасно знаем, что человек каждый раз принимает решения в ситуациях, которые влияют на его выбор. Однако очевидно, что не каждый, у кого есть оружие, делает выбор в пользу стрельбы. Неправильно как обвинять пистолет наравне с человеком, так и обвинять человека без учета обстоятельств его выбора.

В связи с этим любой русский человек, хоть немного знакомый с отечественной историей, сразу же вспомнит в этой связи случай с «ссылным колоколом». Напомним, что в 1591 г. угличане были возвещены набатным колоколом об убийстве царевича Дмитрия, с чего и начались народные волнения и даже самосуд над предполагаемыми убийцами. Как «подстрекатель к бунту» колокол был жестоко наказан — сброшен с колокольни, лишился «языка» и «уха», публично выпорот, наконец, вместе с другими жителями Углича, также лишившимися некоторых частей тела, приговорен к «ссылке» в Тобольский острог — аж на 300 лет! Согласно летописям и преданиям, угличане почти год волокли его в ссылку на себе. Так колокол и оказался в 1593 г. в Тобольске, где его заперли в воеводской избе, сделав на нем надпись — «первоссылный неодоушеленный из Углича». Между прочим, о «ссылном колоколе» вспоминали декабристы, считавшие его олицетворением бунтарства. В общем, анекдот, да и только!

Но сегодня еще недавно приводившие людей в ужас антиутопии оказались чуть ли не самым вожделенным устройством, к которому стремятся как к Утопии. Вот и Латур «искренне» (?) радуется, когда находит подтверждение своей теории (акторно-сетевая — ANT), согласно которой человек ничем не отличается, а значит, и ничем не лучше муравья (игра слов, так как «ant» по-английски как раз «муравей»), а человеческое общество — муравейника. Он пря-

мо-таки испытывает воодушевление, даже трепет, рассуждая о всеобщем карантине, самоизоляции времен пандемии коронавируса — как о свидетельстве того, что мы действительно превращаемся в муравьев, термитов, насекомых, прямо как «кафкианский» Грегор Замза. Не важно, что это свидетельство такое извращенное и превратное. Главное, что его «мысль» о «пастеризации Франции» в глобальном масштабе совпадает с «коронавизацией» всего мира.

Для большинства Б. Латур наиболее тесно ассоциируется с акторно-сетевой теорией (ANT). Он также хорошо известен, особенно среди представителей гуманитарных наук, как тонкий аналитик современности и, в более узком смысле, как энергичный защитник окружающей среды. Менее широко известны обширные труды Б. Латура по религии. Лекции Латура в Гиффорде в 2013 г. «Лицом к лицу с Геей: новое исследование естественной религии». Ее основная идея: мы (люди) — всего лишь ее (Геи) микробиота! Микрофлора... Вот откуда такой интерес к Пастеру и, затем, к коронавирусу!

С точки зрения В.А. Кутырева, «существуют средства, соразмерные человеку, а есть превышающие его. При этом, мощность средств образует огромное поле притяжения целей, задавая их выбор и содержание. И чем мощнее средства, тем мощнее это поле. Технические силы требуют приложения» [4, 17]. В этом Б. Латур совершенно прав. Но «став пост-человеческими, они превращаются в «целевую причину». Это мир, созданный и создаваемый самим человеком, но приобретающий независимость от своего творца. *Actus hominis contra actus humanus...*³

Такова постановка главной проблемы нашего времени в «прогрессивном марксизме». Ведь это Маркс первым сказал, что человек оказался во власти своих собственных творений, так называемых фетишей. Фетиш — это созданные человеком вещи, т. е. совершенно искусственные, но которые человек объясняет на языке природных сил, т. е. как абсолютно естественные. Результатом такого переворота, или фетишизации, как раз и оказывается ситуация при которой человек начинает «производиться» отчужденными от него силами и явлениями.

---

³ Деяния человека против человека (лат.).

Напомним, что суть научного метода (индуктивного и экспериментального), с точки зрения Фрэнсиса Бэкона (1561—1626), наиболее точно и лаконично выражена в формуле «Знание — сила» («scientia potentia est», или «scientia est potentia»). Как понять этот слоган? Итак, целью людей является сила, т. е. власть над природой. Но все дело в том, что в исходной, начальной точке люди не обладают властью над природой. Скорее это она управляет ими. Что же нужно делать, чтобы получить такую власть? Согласно Фрэнсису Бэкону, на первом этапе мы, люди, должны найти такую локальную точку пространства, реальности, в которой мы будем обладать всей полнотой власти, т. е. контролировать максимально возможное число параметров, которые определяют данную ситуацию. Это означает, что мы должны на первом шаге уменьшить масштаб наших притязаний или той области, которую мы желаем контролировать. Таким локальным пространством может быть, например, лаборатория, в стенах которой мы контролируем 99,9% параметров. Если мы не способны это сделать, тогда производим следующую итерацию, т. е. уменьшаем масштаб еще и еще, пусть даже самого маленького, микроскопического уровня, до тех пор, пока, наконец, не найдем эту точку, где нам принадлежит вся полнота власти, все находится под нашим абсолютным контролем. В конце концов, это может быть совсем небольшой участок, фрагмент реальности.

Например, вот ботаник, который натывается на растение, анализирует его физический состав и обнаруживает, что оно содержит стабильное соединение с некоторыми интересными питательными или терапевтическими свойствами, которые, возможно, стоило бы синтезировать в другой и более широко доступной форме. Таким образом, возникает вопрос, помимо конкретной экологии, которая породила конкретное растение, сколько других экологий и, возможно, даже конкретных физических носителей (в конце концов, соответствующие свойства не обязательно культивировать в растениях, их можно просто производить как лекарства) могли бы поддерживать соответствующий набор свойств в виде стабильного соединения? Для Ф. Бэкона и его последователей «стабильное соединение» является самым научным методом, который затем может служить инфраструктурой для новых и улучшенных обществ во всему миру.

Итак, на первом этапе мы ищем именно такую стабилизированную форму. Этот первый шаг вполне понятен даже простому обывателю, поскольку для нас вполне обычной является ассоциация науки с лабораториями, пробирками, микроскопами и т. д. Но самое интересное начинается на втором этапе, на втором шаге, о котором часто забывают и который является даже более интересным и важным для понимания сути науки и научного метода. Здесь мы должны полученную нами «стабилизированную» форму масштабировать до размеров всего мира, всей реальности, т. е. раздвинуть стены лаборатории или пробирки до тех пор, пока они не совпадут со всем миром. Вот тогда мы достигнем нашей цели, т. е. власти над всей природой. Как в свое время говорил о Жане Кальвине Вольтер, он «открыл двери монастырей не для того, чтобы выпустить монахов оттуда, а чтобы загнать всех людей в монастырь», ровно то же самое должна сделать наука, т. е. «о-научить», и тем самым «очеловечить» мир, наложить на мир «нашу проекцию». И вот здесь начинаются все сложности. Ибо первый шаг довольно прост. Этим ежедневно занимается и любой сегодняшний ученый. Первая «сложность» второго этапа проявляется в том, что человек сам становится «управляемым» и беспомощной марионеткой! Эта инверсия масштаба очень напоминает космическую утопию нашего Н.Н. Федорова, которого логика необходимости «попасть» на атомный уровень, где только и возможно воскрешение всех умерших, привела в космос, где мы оказываемся настоящими песчинками и даже наночастицами.

Итак, отсюда видно, что наука — не более чем «игра (жонглирование) масштабами». Возьмем пример того же самого, но теперь из области «научной медицины». Когда возникает научная медицина? Она возникает с появлением клиники. А что такое клиника? Что такого она позволила сделать или достичь и тем самым заложила основы или возможность появления научной медицины? Медицина работает с очень сложным объектом. Человек — это многофакторная модель. Даже мультифакторная модель. У каждого человека своя наследственность, свой образ жизни, профессия, питание, экология, среда, мышление. Все это и много чего еще влияет на состояние его здоровья. Необычайно сложно, почти невозможно учесть все эти факторы и установить, понять, как конкретно они влияют на болезнь или выздоровление. А может быть, это и не нуж-

но? И медицина действительно нашла способ обойти эту сложность. В первую очередь, с помощью учреждения клиники. Что, по сути, делает клиника или что она позволяет делать медицине? Она резко уменьшает эту сложность, «срезает» ее, редуцирует в идеале до двухфакторной модели. Это вообще идеал науки — двухфакторная модель. $X = Y$. «Медицинская достоверность устанавливается, исходя не из полностью наблюдаемого индивидуального случая, а исходя из множественности полностью обзораемых индивидуальных фактов» [14, 129]. Но только при условии, что условия эксперимента унифицированы! Иначе нельзя выявить закономерность, единое основание. Как указали в «Диалектике Просвещения» (1969) М. Хоркхаймер и Т. Адорно, современная наука рассматривает объекты только в той мере, в какой они «поддаются» изготовлению и контролю. В этой метаморфозе природа вещей проявляется, как всегда, одна и та же. «Чтобы клинический опыт стал возможным как форма познания, ...[н]еобходимо было поместить болезнь в коллективное и однородное пространство [14, 236]. «[М]едицинское знание... нуждается не в естественной среде, но в нейтральной, то есть во всех своих отделах гомогенной... Необходимо, чтобы все [случай] были в ней возможны, и возможны одним и тем же образом» [14, 137—138]. И вот с таким уровнем сложности уже вполне можно и нужно работать: можно назначать лечение, лекарства, процедуры, выстраивать общение с больным, ставить диагноз, выявлять симптомы, синдромы и т.д. Чем меньше факторов, тем выше шансы на успех, а вероятность ошибки и рисков, соответственно, минимизируется. «[М]едицинский взгляд... не удовлетворится тем, что очевидно видимо, он должен позволить оценить шансы и риск: это взгляд-калькулятор» [14, 114]. Это тот же самый первый шаг, который и описывает Фрэнсис Бэкон в рамках своего научного метода. У каждого направления в научной медицине своя история возникновения. Дисциплинарность — это разделение, дробление знания до такого уровня, чтобы им можно было управлять!

Но основной гегелевский механизм интеграции, *Aufhebung*, переводимый как «снятие», или «сублимация», подразумевает, что разрозненные области знания должны частично утратить свою самобытность, чтобы быть поглощенными более широким синтезом. Даже несмотря на то, что к концу XIX в. само понятие «*Aufhebung*» было сведено к более обобщенной концепции редукции. Как мы

уже сказали, главную сложность, проблему, интерес философии представляет именно этот второй шаг. А что же будет дальше? Что за мир мы получим в итоге? А получим мы то, что, например, философия описывается таким понятием, как «медикализация» общества, при которой медицина превращается в главный инструмент власти и контроля над обществом. И обосновывается это, например, в рамках современного трансгуманизма, тем, что «человек» — это диагноз. А если есть диагноз, то с точки зрения медицинской логики есть и болезнь. А болезнь нужно лечить. И человека начинают лечить — еще с того момента, когда он не родился, с пренатального (эмбрионального) периода, с момента рождения, всю жизнь и до его смерти, и даже после его смерти. Медикализация и означает вот этот второй шаг в рамках научного метода, когда мы масштабируем клинику до размеров всего мира, всей реальности. Воплощением, реализацией этого второго шага и были, в частности, события, связанные с пандемией коронавируса. В этом вся суть научной медицины — сначала сциентизировать общество, чтобы затем очеловечить мир. И, конечно, Латур абсолютно прав. Даже примитивно банален в описании этого — самого главного! — механизма науки. Собственно говоря, «коронавирус» и был попыткой сделать этот второй шаг, т. е. глобализировать «медицинскую власть», масштабировать ее, наложить эту «сетку» на весь мир, на все человечество. Вот так человек оказывается под контролем, во власти созданных им самим средств.

То, что описанная нами основная схема действия науки верна, подтверждается даже тем, что «самая влиятельная» философия науки XX в. — Т. Куна — сводится к тому же самому: две главные и одномоментные, как две стороны одной монеты, тенденции развития науки в XX в. суть специализация (миниатюризация, парадигматизация) и массивфикация (Big Science). Вторая без первого невозможна. Также как и первая без второго! Философия сегодня «в полный рост» говорит (и должна говорить) о том, что нам нужно начинать со второго шага, т. е. сразу решить, а что же мы хотим получить в итоге. Какой мир мы хотим получить? Об этом, в том числе, вся философия В.А. Кутырева. Человек оказывается во власти своего собственного творения, т. е. науки, и при этом не понимает, что же получает в итоге. А в итоге он получает, и это показывает В.А. Кутырев, не власть человека над миром, а власть науки над

человеком, т. е. инструментов власти над ним самим. Например, он пишет о том, что сегодня медицина стала «хронической». «По-научному, ее называют превентивной. Это когда болезни начинают лечить до их появления. Болезнь стала “нормой” вместо здоровья. Прежде всего, потому что позволяет манипулировать человеком заранее. И лечить уже не тело, а сразу манипулировать “генетическим аппаратом” или “связями в мозгу”, используя новейшие технологии (генетическую инженерию, “ядерную медицину” и др.). Все новорожденные сразу объявляются больными. Так уже происходит, хотя пока и не массово, в порядке исключения. Но все идет к тому, что это должно стать нормой. Патология — это когда родят здорового ребенка. Но ему не позволят быть здоровым. Сразу будут лечить от (все)возможных болезней. Фактически это превращение человека в материал для сращивания с техникой, трансформация в киборга. Что уже реально делается в лабораториях. Если смотреть на это немного дальше своего носа — то страшно, что в них сейчас делается. Вырвавшийся оттуда коронавирус — только начало» [9, 253—254]. Это описание «шизофренического» состояния человеческого мира и разума. Сумасшествия, но все-таки не в смысле шизофрении, когда больной осознает свой недуг, но паранойи, когда он в нем упорствует, считая здоровьем. И фанатически навязывает это «здоровье» другим. Пытаясь преодолеть политическое идолопоклонство, мы продолжаем культивировать научное.

Литература

1. *Гиренок Ф.И.* Коронавирус: свобода или судьба? // *Философия хозяйства*. 2020. № 3. С. 207—222.
2. *Гиренок Ф.И.* О двух путях вхождения в числовой порядок // *Философия хозяйства*. 2020. № 4. С. 153—170.
3. *Гиренок Ф.И.* Россия в разъединительном синтезе постпандемии // *Философия хозяйства*. 2021. № 2. С. 151—155.
4. *Кутырев В.А.* Естественное и искусственное: борьба миров. Н. Новгород.: Издательство «Нижний Новгород», 1994. 199 с.
5. *Кутырев В.А.* Сова Минервы вылетает в сумерки. СПб.: Алетейя, 2018. 427 с.
6. *Кутырев В.А.* Современное социальное познание. М.: Мысль, 1988. 202 с.

7. *Кутырев В.А.* Человек как несовершенное совершенство (антропоконсерватизм contra трансгуманизм) // *Философия хозяйства*. 2021. № 1. С. 73—86.
8. *Кутырев В.А.* Чело-век технологий, цивилизация фальшизма. СПб.: Алетейя, 2022. 288 с.
9. *Кутырев В.А., Слюсарев В.В., Хусяинов Т.М.* Человечество и Технос: философия коэволюции. СПб.: Алетейя, 2020. 260 с.
10. *Медникова А.А.* Постапокалиптичность экологического дискурса в современной философии // *Философия хозяйства*. 2023. № 2. С. 150—169. DOI: 10.5281/zenodo.7841384.
11. *Медникова А.А.* Статус человека в современной философии // *Философия хозяйства*. 2020. № 6. С. 160—181.
12. *Тарасов А.А.* Метафизический сюзеренитет: шаг вперед, два назад // *Философия хозяйства*. 2022. № 5. С. 160—171.
13. *Тарасов А.А.* NBIC-вирус пандемического контроля: quo vadis? // *Философия хозяйства*. 2020. № 3. С. 197—207.
14. *Фуко М.* Рождение клиники. М.: Академический Проект, 2010. 252 с.
15. *Latour B.* On technical mediation // *Common Knowledge*. 1994. Vol. 3. No. 2. P. 29—64.
16. *Whiten A., Byrne R.* Machiavellian Intelligence II: Extensions and Evaluations. Cambridge: Cambridge U.P., 1997. 403 p.

References

1. *Girenok F.I.* Koronavirus: svoboda ili sud'ba? // *Filosofiya hozyajstva*. 2020. № 3. S. 207—222.
2. *Girenok F.I.* O dvuh putyah vhozhdeniya v chislovoj poryadok // *Filosofiya hozyajstva*. 2020. № 4. S. 153—170.
3. *Girenok F.I.* Rossiya v raz"edinitel'nom sinteze postpandemii // *Filosofiya hozyajstva*. 2021. № 2. S. 151—155.
4. *Kutyrev V.A.* Estestvennoe i iskusstvennoe: bor'ba mirov. N. Novgorod.: Izdatel'stvo «Nizhnij Novgorod», 1994. 199 с.
5. *Kutyrev V.A.* Sova Minervy vyletaet v sumerki. SPb.: Aleteya, 2018. 427 с.
6. *Kutyrev V.A.* Sovremennoe social'noe poznanie. M.: Mysl', 1988. 202 с.

7. *Kutyrev V.A.* Человек как несовершенное совершенство (антропoкoнсерватизм contra трансгуманизм) // *Философия хозяйства*. 2021. № 1. С. 73—86.
8. *Kutyrev V.A.* Чело-vek технологий, цивилизация fal'shizma. SPb.: Aletejya, 2022. 288 с.
9. *Kutyrev V.A., Slyusarev V.V., Husyainov T.M.* Челoveчestvo i Tekhnos: философия коеволуции. SPb.: Aletejya, 2020. 260 с.
10. *Mednikova A.A.* Postapokaliptichnost' ekologicheskogo S. 150—169. DOI: 10.5281/zenodo.7841384.
11. *Mednikova A.A.* Status чeloveka v современной философии // *Философия хозяйства*. 2020. № 6. С. 160—181.
12. *Tarasov A.A.* Метафизический суверенитет: шаг вперед, два назад // *Философия хозяйства*. 2022. № 5. С. 160—171.
13. *Tarasov A.A.* NBIC-virus пандемического контроля: quo vadis? // *Философия хозяйства*. 2020. № 3. С. 197—207.
14. *Fuko M.* Rozhdenie kliniki. M.: Akademicheskij Proekt, 2010. 252 с.

М.М. ГУЗЕВ

Непокорный

(отклик на книгу Ю.М. Осипова

«Страда. Непокорный автоопус. О себе самом — от себя и со стороны»)*

Аннотация. В статье предпринимается попытка раскрыть многогранный вклад Ю.М. Осипова, с помощью иного мировоззренческого путеводителя — софиасофии, в разработку «вечных проблем» — современный мир, загадочный человек, феномен России.

Ключевые слова: наука, философия хозяйства, мир, человек, Россия.

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Гузев М.М. Непокорный (отклик на книгу Ю.М. Осипова «Страда. Непокорный автоопус. О себе самом — от себя и со стороны») // *Философия хозяйства*. 2023. № 5. С. 211—216. DOI: 10.5281/zenodo.8416796.

Abstract. The article attempts to reveal the multifaceted contribution of Yu.M. Osipov, with the help of a different worldview guide-philosophy, in the development of «eternal problems» — the modern world, the mysterious man, the phenomenon of Russia.

Keywords: science, philosophy of economy, the world, man, Russia.

УДК 821.161.1"1992/..." + 330.1 + 1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6 + 65.01+87

Есть в наше время, да и всегда были, вечно недовольные люди. Юрий Михайлович Осипов не из таких, хотя к современной окружающей жизни и как бы отражающей ее науке и относится весьма критически и скептически. Он из непокорных и непокоренных — ни временем, ни обстоятельствами.

Очередная его книга, «Страда. Непокорный автоопус. О себе самом — от себя и со стороны» (2023), очевидное тому подтверждение. Это ответ взбунтовавшегося интеллекта на лестное предложение написать в авторитетное издание энциклопедическую статью о самом себе. Но как написать в относительно короткой статье о себе и своих деяниях, познании, восхождении к неизведанному, об открытых истинах (истинах ли?), о познании, понимании и открытии России и русского мира? Как сообщает в аннотации Юрий Михайлович, эта книга о «своем воззрении на человека и окружающий его беспредельный мир, в особенности на русского человека и его безразмерный мир, на Россию...» [1, 2].

В книге не дается ответ на главный вопрос современности, как жить дальше, это было бы слишком самоуверенно. Но в ней поставлены вопросы по многим аспектам современного жития, человека и его будущего, и предпринята попытка автора дать на них свои ответы, с которыми можно соглашаться или оспаривать их, но они даны, и заслуживают, требуют самого серьезного к ним отношения, поскольку это касается жизни и будущей судьбы как России — мирового феномена, так и всего мира человеческого.

Полезно проследить эволюцию взглядов Юрия Михайловича — экономиста, политэконома по образованию, философа по самообразованию и призванию. Неудовлетворенность предметом и методом, догматами политической экономии привели его к разде-

лению понятий «экономика» и «хозяйство», и «переоткрытию» философии хозяйства как самостоятельного гуманитарного знания, метазнания, что было изложено в этапной монографии «Опыт философии хозяйства» (1990). В перестроечном СССР это было воспринято в основном как блажь. И зря. А далее — своя метафизика, своя философия и своя софиасофия.

В вышедших впоследствии объемных монографиях «Российская Реформация. Социопроект» (1994), «Теория хозяйства. Начала высшей экономики» (1998), «Экономика как есть (откровения Зоила, или Судный день экономизма» (2017), в многотомных индивидуальных и коллективных монографиях под редакцией Ю.М. Осипова, в научном журнале «Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ» (с 1999 г.) под главным редакторством Ю.М. Осипова эти идеи получили разностороннее обоснование и развитие. В книге четко изложены воззрения ученого на науку, метафизику, мир, человека и Россию.

О науке. Здесь Юрий Михайлович почти категоричен: современная наука ничего не может — ни познать, ни предвидеть. Отсюда выход Юрия Михайловича к иному мировоззренческому путеводителю — *софиасофии*, когда мудрость первоизданная — *божественная, небесная*, предшествует мудрости производной — *человеческой, земной...*» [1, 22]. Все это позволяет выйти на *методологический простор*, дающий *иное* видение реальности. По мнению Юрия Михайловича, философия хозяйства как *целостный поток гуманитарной мысли* с неопределенно объемным предметом и ничем заведомо не ограниченный — это и есть *окно в иной* — *здесьшний, околоземной и далекий от здесьнего мир* [1, 21—22]. Можно в этой связи, особенно негуманитариям, и усомниться в некоторых утверждениях Юрия Михайловича, но кризис гуманитарного знания очевиден и бесспорен, как и деградация самих гуманитариев.

О мире. Юрий Михайлович с тревогой, на грани отчаяния, наблюдает за сегодняшним незадавшимся человеческим миром. Здесь и *«невозможность* установления в земном человечестве хоть силового, хоть договорного, хоть какого-то еще эффективного и долгоиграющего *Единого Мирового Порядка...*» [1, 49]; здесь и *«мир человеческий ныне в мировом по масштабу, объему и разнообразию хаосе — ХАОСЕ!, это безусловно — мир-хаос...*» [1, 49]; и апокалиптика: *«Современность — время трансгрессии земного*

мира через посредство *постмодернового* антимира (выражение Ю.М. Осипова), цифровизации, информатизации и искусственного интеллекта в *постмир* (термин Ю.М. Осипова), а человека в *пост-человека...*» [1, 51].

О человеке. По мнению Юрия Михайловича, человек — это самая большая загадка: «Тут в умственное дело вступают булгаковские “хозяйственная телеология” и “хозяйственная эсхатология”, однако подкрепленные осиповским вниманием к экзистенциально-хозяйственному ПРОЕКТУ с прилепившимся к нему позывным “ЧЕЛОВЕК”, трансцендентно явившимся на планете Земля как продукт и часть куда более масштабного хозяйства — *хозяйства Бога*, а ежели кому-то сие не нравится, то пусть всего лишь природного или того же *мирозданческого* хозяйства» [1, 28—29]. Юрий Михайлович склоняется к неземному происхождению человека, поскольку, «и что тут важно: что при начале проекта, что в ходе его реального исполнения, что по его завершению, так это присутствие всюду *неизвестности...*» [1, 29].

Главный посыл автора и к человеку, и к человеческому обществу, и к человеческой цивилизации — это внимание к реальности, которую многие игнорируют и в науке, и в политике, и в хозяйстве. В этой связи особо следует сказать о философско-литературных произведениях Юрия Михайловича: «Иное» (2008), «Реквием. Роман о романе или роман с романом. Метафизическая проза (2010), «Блики и срезы. Невразумительное чтиво, или Книга ни о чем и ни для кого» (2015), «Отшельник, или Вестник не от мира сего. Антироман. Иное об Ином» (2021), «Обнажение. Исповедь ученого странника. Сказание вперемешку со сказкой» (2022), в которых излагаются неординарные взгляды ученого на человека и человеческую цивилизацию, которую он (человек) хотел (хотел?) и создал, а теперь за это свое творение расплачивается обращением в античеловека и антицивилизацию И в этой объективной закономерности главное разочарование автора в проекте «Человек»: «подавляющее большинство экзистенциально-хозяйственных устройств, как раз цивилизованных, есть не что иное, как тот или иной способ *насилия* и способ устройства, пусть и не в полной мере... э-э... *рабства* — РАБСТВА!, без чего — насилия и рабства — почему-то никак, нигде, никогда иникому не обойтись» [1, 34—35]; «Сатанизм, как те же зло с грехом, всегда был и будет, и не где-то там, вдали от чело-

века, а рядом с человеком, в самом человеке...» [1, 41]. А может, это даже и не разочарование, а констатация реальности.

О России. Философские и философско-хозяйственные достижения Юрия Михайловича во многих его монографиях и статьях пронизаны основной, главной темой — это Россия как феномен человеческой цивилизации и даже мегамира. Уже первая его историко-философская работа «Перестройка или апокалипсис?» (1990) отчетливо выявила антироссийский, антирусский характер развернувшейся действительности, разрушающей самобытную и самодостаточную уникальную цивилизацию. Дальнейшее осмысление этой темы привело к выводу об имперском характере России (2001), выходу на Сталина и сталинизм, публикацию при научном редакторстве Юрия Михайловича монографий «Феномен Сталина» (2003) и «Империя Россия» (2005). В то время многие восприняли это критически, тогда как сейчас многие из этих многих согласны с имперским подходом к определению России.

Далее был осуществлен выход на следующую ступень познания феномена России — это неотмирность и неистребимость русскости: «Россия как раз и есть для русских не что иное, как их первая и последняя вера» [1, 58]. В этом, по мнению Юрия Михайловича, и ненависть ко всему русскому, русофобия, пришедшее на смену юдофобии («Русский мир и я в нем русский!» (2003), «О русскости» (2007), «Русские из истории, современности и для будущего» (2012), «Русские мы, и никакие другие» (2015).

На базе ЦОН МГУ в 2009—2013 гг. были проведены малые университетские форумы ученых, практиков, политиков под общим объединяющим девизом: «Кто, если не мы?» [1, 62—63]. Последние дискуссии и сама действительность выявили необходимость новых перемен, перестроений — немедленных: «Да, России, ее гражданам-патриотам нужна победа, однако не так над определившимися врагом, хоть это и важно, как *над самими собой*, отчего нужны **перемены, перемены и перемены!**» [1, 64]; «Война таки ударила в набат, воззвавший к *переменам, к перестроению, к победе над самими собой...*» [1, 65].

Какие же это новые перемены, есть ли у России ресурсы, потенциал для этого? Юрий Михайлович убежден, есть — это соборность: «А ведь *иного как соборного, следственно, и народного, выхода из большого экзистенциального кризиса-тупика, которым*

ныне тяготеет Россия, для глубинно и сакрально имперски обусловленной России попросту нет!» [1, 66]. Отсюда авторитарное самовластие, сильное централизованное государство, авторитарное народовластие [1, 66].

Книга Юрия Михайловича Осипова «Страда. Непокорный автоопус. О себе самом — от себя и со стороны» — это очередной подвиг подвижника, ученого-просветителя, ученого-энциклопедиста, писателя, мыслителя и великого гуманиста, хотя сам Юрий Михайлович и относится к терминам «гуманный», «гуманитарный» несколько скептически, поскольку «где она гуманность?», где «всесторонне развитой человек», где «ноосферный мир»? Но это не пессимизм, это реализм, который многими в мире и в России, в научной среде и в политике, в хозяйствовании и на обыденном уровне трудно воспринимается. В этом еще одно разочарование Юрия Михайловича.

Но заканчивается книга не скажу на оптимистическом, но все же на позитивном послыле — Россия, русский мир, были, есть и будут, несмотря ни на какие глобальные сверхперемены и кризисы: «Россию как Россию не отстранить, не остановить, как и не переделать в не-Россию, не то что в анти-Россию, России не привыкать бытовать в симбиозе с не-Россией и анти-Россией, отчего эти спутницы ей не страшны, хотя и могут на срок чуть ли не брать верх над Россией; Россия всегда восстанавливается... [1, 75].

Думаю, книга Юрия Михайловича Осипова будет очень полезна для всей мыслящей вертикали человеческого сообщества, особенно российского, и в первую очередь ученым и политикам, молодежи — всем, кто задумывается о настоящем и будущем России и готов действовать.

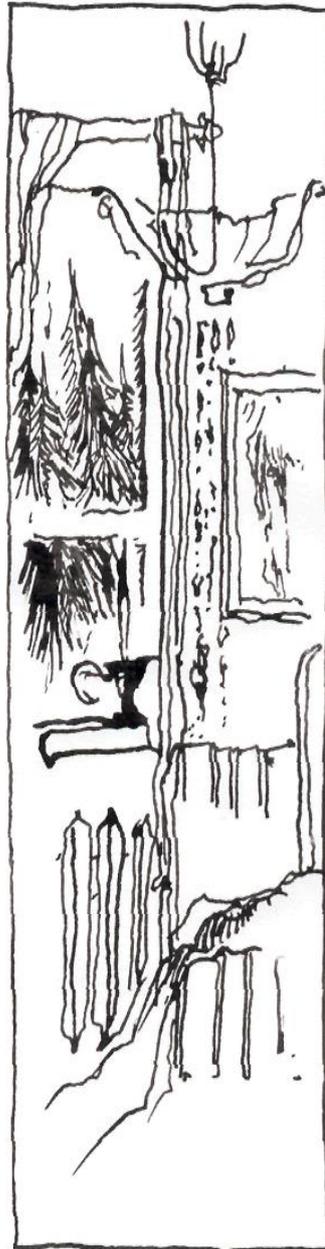
Литература

1. Осипов Ю.М. Страда. Непокорный автоопус. О себе самом — от себя и со сторон. М.; Тамбов: И.д. «Державинский», 2023.

References

1. Osipov YU.M. Strada. Nepokornyj avtoopus. O sebe samom — ot sebya i so storon. M.; Tambov: I.d. «Derzhavinskij», 2023.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

Юбилей И.Р. Бугаяна

Доктору экономических наук, профессору, действительному члену Академии философии хозяйства и члену Научно-редакционного совета нашего журнала *Илье Рубеновичу Бугаяну* исполнилось, как и положено, 80 лет! По молодости Илья Рубенович был успешным спортсменом-борцом, склонным уважать и умевшим побеждать противников по борцовскому ковру, как и служить добрым товарищем своим спортивным соратникам. Вот и сейчас Илья Рубенович, давно сменивший борцовский ковер на ученый ковер-самолет, умеет не только высоко воспарять мыслью над славной родной донщиной, пронизательно вглядываясь с вольтеровской улыбкой на устах в вечную Финикию, Древний Рим, незабвенного Митридата и благословенную Колхиду с ее золотым руном и выдвигая, не пропуская мимо своего внимания бурно текущую терпкую современность, оригинальную философско-хозяйственную концептуальность, но и отстаивать, аккуратно поборцовски — по-честному, изящно, точно и уверенно, свои размыслительные плоды, а если что, то и «побиваха», опять же поборцовски внезапно, мягко и ловко, своих личных и, знаете ли, наших общих тоже, вдруг откуда-то являющихся опрометчивых оппонентов.

Многая лета, дорогой Илья Рубенович, да вот это вовсе не все — многая работа тоже, а ежели что, то и от всяких невзгод «отбиваха», как это принято у спортсменов-борцов, воинов и нестандартных мыслителей! Слава!

Т.С. СУХИНА

**Философия хозяйства в актуальном слове
(к 35-летию лаборатории философии хозяйства)***

Аннотация. Представлен обзор выступлений на авторской конференции-презентация «Философия хозяйства в актуальном слове», посвященной 35-летию лаборатории философии хозяйства, состоявшейся 22 июня 2023 г. на экономическом факультете МГУ в смешанном формате по инициативе научно-исследовательской лаборатории философии хозяйства совместно с Научным советом «Центр общественных наук МГУ» и Академией философии хозяйства. Цель конференции — обратиться к реальному опознаванию философии хозяйства: чт. е. философия хозяйства, зачем она, что дает, какие имеет итоги? В конференции приняли участие ученые-гуманитарии, признающие философию хозяйства, публикующиеся в философско-хозяйственных изданиях, в журнале «Философия хозяйства».

Ключевые слова: философия хозяйства, Россия, наука, знание, человек, философия, мировоззрение, софиасофия.

Abstract. The review of the author's conference-presentation «Philosophy of Economy in the Actual Word», dedicated to the 35th anniversary of The Laboratory of Philosophy of Economy, held on June 22, 2023 at the Faculty of Economics of Moscow State University in a mixed format on the initiative The Laboratory of Philosophy of Economy along with the Scientific Council «Center for Social Sciences» of the Moscow State University and the Academy of the Philosophy of Economy. The purpose of the conference is to turn to the real recognition of the philosophy of economy: what is the philosophy of economy, why is it, what does it give, what are its results? The conference was attended by scientists in the humanities who recognize the philosophy of economy,

---

*Текст обзора в сокращенном варианте ранее был опубликован в [1].

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Сухина Т.С. Философия хозяйства в актуальном слове (к 35-летию лаборатории философии хозяйства) // Философия хозяйства. 2023. № 5. С. 220—234. DOI: 10.5281/zenodo.8416808.

published in publications on the philosophy of economy, in the journal «Philosophy of Economics».

Keywords: philosophy of economy, Russia, science, knowledge, man, philosophy, worldview, sophiasophy.

УДК 330; 111
ББК 65в

В июне этого года на экономическом факультете МГУ по инициативе лаборатории философии хозяйства состоялось нестандартное мероприятие, замысел которого наиболее полно сформулирован самими организаторами:

«Более 120 лет назад впервые явилась в Московском университете и более 30 лет назад возродилась в том же университете философия хозяйства — это уникальное течение гуманитарной мысли, обращенное к творящему человеку и его земно-космическому жизнеотправлению, не исключая ничего из бытийственного (онтологического) и ничего из размыслительного (гносеологического), отчего вполне обоснованно занявшее достойное место не так даже в среде специализованных наук и в сфере философии как таковой, как в ряду агрегативных потоков человеческой мысли — научной, философской, богословской, не просто обогатив человечество еще одним оригинальным знанием, а обеспечив его иным целостным восприятием самого себя и своего сотворительного бытия, тесно единая при этом с Софией Премудростью Божией в рамках открытой и утвержденной им софиасофии, преодолевая сплотившуюся за века гуманитарную догматику и выводя человеческую мысль на безграничный познавательный-осознавательный простор.

Пришло время обратиться к реальному опознаванию философии хозяйства: чт. е. философия хозяйства, зачем она, что дает, какие имеет итоги? И чтобы сделать в этом непростом деянии вразумительный заход, целесообразно поначалу обратиться к тем из гуманитариев, кто признает философию хозяйства, является ее актором, если не агентом, публикуется в философско-хозяйственных изданиях, в том же журнале «Философия хозяйства».

Отсюда и необычная идея необычного мероприятия: проведения авторской конференции-презентации «Философия хозяйства

в актуальном слове”, что дает возможность как реализовать дискуссионное “опознание” гибкого и ускользающего от точных определений, а потому и немало загадочного предмета, так и воспринять сей предмет в уже представленном свету печатном слове посредством предоставления участникам конференции различного рода актуальных материалов, среди которых и самые свежие публикации, а также подвигнуть себя к еще не сказанному, но уже нетерпеливо ожидающему новому философско-хозяйственному слову — что устному, что печатному».

Председатель оргкомитета конференции и ее ведущий д.э.н., профессор **Ю.М. Осипов** (экономический факультет МГУ) поприветствовал участников заседания и представил вступительный доклад: «Мы проводим необычную конференцию — авторскую конференцию-презентацию, знаменательным толчком к которой послужило 35-летие лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ, правда, с 1988 г. — года образования лаборатории, до 2000 г. бывшей лабораторией сравнительного анализа хозяйственных механизмов (САХМ), однако, успевшей в 1990-е гг. зарекомендовать себя институцией, занимавшейся параллельно изучению хозяйственных механизмов еще и пионерскими разработками философии хозяйства, причем настолько эффективно, что в 1998 г. ученым советом экономического факультета МГУ была признана, а затем и получила при поддержке МГУ государственную регистрацию *новая научная школа философии хозяйства*.

В 1999 г. на базе лаборатории стал выходить научный журнал “Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ”. В 2000 г. лаборатория САХМ была переименована в лабораторию философии хозяйства. В 2009 г. была создана и эффективно функционирует межрегиональная общественная научно-просветительская организация “Академия философии хозяйства”, в которую входят и большинство присутствующих на данном заседании коллег.

У философско-хозяйственного сообщества достаточно на настоящий момент значимых в сфере гуманитарной мысли достижений, и наступил момент как подвести кое-какие в связи с юбилеем лаборатории философии хозяйства итоги, так и обозначить место и значение философии хозяйства, которую никто кроме нас столь

объемно, масштабно и “круто” ни в России, ни в мире не разрабатывается.

Замысел конференции присутствующим в основе известен: философия хозяйства как сложившийся в открытое целое особенный *поток гуманитарной мысли* в своей актуальной и действенной реализации. Я вовсе не случайно употребляю в отношении философии хозяйства определительное словосочетание “поток гуманитарной мысли”, поскольку философия хозяйства хоть и зародилась на творческом стыке научной экономики и философии, выглядела сначала как междисциплинарная отрасль науки, соединившая в себе экономику и философию, однако, развиваясь в ходе постижения многообразной мировой реальности, все более выходила за пределы не только собственно экономики и даже собственно философии, но и за пределы вообще науки как науки, все более завоевывая позицию не только не отрасли экономики и даже той же философии, а вполне себе самостоятельного и парадигмально самодостаточного *большого* (останавливаю внимание на этом слове — *большого!*) *потока мысли*, занявшего, на мой взгляд, достойное место в ряду других больших потоков человеческой мысли, а именно — мифологии как мифологии, философии, богословия, науки, оказавшись, таким образом, пятой в этом ряду творческой компонентой. Короче: философия хозяйства в своем развернутом из первичного бутона в многоцветный цветок образе совсем уже не часть какого-либо потока знаний, а, как я предпочитаю говорить, *сама-себе-поток*, разумеется, ничего из наработанного человечеством не отвергающий, даже и что-то из него эффективно использующий, но все-таки осмелившийся выйти на собственную большую, разумеется, не разбойную, а размыслительную дорогу, не утруждая себя при этом ни заведомой ограничительной аксиоматикой, ни попыткой выработать какие-либо догматического свойства ментальные конструкции.

В превращении философии хозяйства из скромного бутона в пышный цветок сыграло неоценимую роль начатое в ее лоне С.Н. Булгаковым обращение к Софии Премудрости Божией и завершенное вашим покорным слугой концептуальным единением философии хозяйства с Софией посредством перехода от булгаковской *софиологии* к нашенской *софиасофии*, превратившей саму философию хозяйства фактически в *софиасофию хозяйства*. Чтобы

быть понятным, замечу, что Соф́ия (с ударением на “и”) здесь предшествует любой человеческой со́фии (с ударением на “о”), включая и саму философию, отчего в новом своем образе философия хозяйства выглядит, сохраняя свой уже ставший привычным представительский титул “философия хозяйства”, не как всего лишь любовь к мудрости (знаменитое “любомудрие”), а как *Мудрость мудрости*, где сначала, впереди и свыше, мудрость божественная (с большой “М”), а затем уже человеческая (с малой “м”).

Если “хозяйство” философия хозяйства трактует как *все деятельное жизнеотправление* (динамичное и переменчивое, позитивное и негативное, утверждающее и отрицающее) человека, природы, планеты, космоса, мироздания, даже и Господа Бога, а, обобщенно говоря, и как *творение* — Божие и от кого-либо или чего-либо частного, включая человека, то “экономика” для философии хозяйства не более чем часть человеческого жизнеотправления и его же творения, опосредуемая и ведомая идеальной субстанцией — *стоимостью*, а на явленческой поверхности деньгами, ценами и всем от них производным, отчего экономической мысли остается либо заниматься именно феноменом стоимости, с ее деятельными параметрами, их движением, не покидающим голов человеческих, и их фактической ролью в хозяйственной реальности, а чем тут заниматься явно хватает — деньги, цены, капиталы, инвестиции, денежные доходы, банки, кредиты, но и все реально-хозяйственное, что всем этим стоимостным хозяйством обуславливается. Замечу особо, что без *метафизической*, а не научно-философической философии хозяйства, как и вообще метафизики с ее трансцендентностью, экономики, которая есть в основе своей сплошная метафизика, как и не менее сплошная трансцендентность, не понять, что подтверждается простым доводом: экономическая наука так и не ответила ясно и определенно (что она вроде бы любит), что же есть собственно экономическое в экономике (а что, казалось бы, проще)?

В следующей части своего пространного вступления позволю себе пояснить выданное вам в виде брошюр актуальное философско-хозяйственное слово.

Первое. Книжка “Страда. Непокорный автоопус”, созданная внезапно, как спровоцированный одним характерным поводом авторский отчет о профессионально-творческом пути вашего покор-

ного слуги. Примечательно, что сделать это оказалось весьма и весьма непросто, а потому — что получилось, то и получилось, однако, замечу, что новое рождение с возрождением философии хозяйства и ее переход в софиасофию хозяйства вполне себе в книжке отражены.

Второе. Книжка “Обречение. Новый Экклесиаст”, авторски представленная анонимно неким Странником, размноженная, но официально не изданная, сотворенная в августе 2022 г. в г. Новороссийске под неслышимую там, но остро отдававшуюся в сердце Странника малороссийскую канонаду. Она представляет собою актуальное размышление как раз философа (читай, софиасофа) хозяйства о вершащейся вокруг актуальности как по вертикали — от Вечности через Время с Россией в глубине до безвременья с псевдоРоссией на поверхности и, надо полагать, обратно тоже, как и по горизонтали — геополитически, так сказать. Писалась сходу, для себя, а ежели с нудным еkkлесиастическим мотивом, то не странный автор тут виною, а окружавшая автора странная реальность, кстати кое в чем Странником, как показало время, не только угаданная, включая и перспективу, но и смысловито разгаданная. Смысловых, ситуационных и даже событийных прозрений в книжке хватает.

Третье. Брошюра “Софиасофия хозяйства как инознание и инонезнание”, представляемая аудитории как прямой конференционный материал, насколько возможно разъясняющая в слове, которое все-таки не всегда есть ложь, суть софиасофии, открывающей путь не просто к инознанию, но и к инонезнанию тоже, однако не самому по себе незнанию, которое есть всего лишь ничто, а к инонезнанию, которое мало, что реально работает как заядлая неизвестность, но присутствие и работу которой философско-хозяйственный инознатель способен все-таки учитывать и оттого как-то по-иному знать, думать и действовать, хозяйствовать, творить.

Четвертое. Брошюра “Иной, или Судьба гуманитария в России” также представлена в виде материала конференции. Есть он, этот субъектный феномен — *гуманитарий*, когда каждый из гуманитариев еще и по-своему иной, т. е. отличный от других, однако есть и другой субъектный феномен — *гуманитарий иной*, явно вы-

бывающийся из общего ряда, пусть по-своему и иных гуманитариев, — и вот об этом гуманитарном ином, или попросту *Ином*, как раз и идет тут речь, надеюсь, долженствующая вызвать у возможных читателей живой интерес.

Да, у философии хозяйства своя, уж извините, личная (и личностная) судьба, вовсе и не простая: от фактически незаконного рождения через неприятие, гонение и чуть ли не полное забвение к новому рождению, да еще и в том же Московском университете, т. е. и к возрождению тоже, а ныне, а что же ныне? — да, официально признанная, взашей не гонимая, кое-кем одобряемая и даже ободряемая, а единицами даже исповедуемая, однако широкой ученой общественностью более нарочито не замечаемая, чем сдержанно приветствуемая, толком ею не знаемая, и весьма дружно игнорируемая, в общем как явилась она *бастардом* на свет Божий, так им в целом и остается, отчего я лично придаю сегодняшней конференции особое значение в аспекте раскрытия сути философии хозяйства в ее софиасофской прежде всего интерпретации, безграничных познавательных-размыслительных возможностей философии (софиасофии) хозяйства, ее неординарного места в сфере гуманитарного знания, а также ее пошагового утверждения в ученом сознании».

В своем выступлении «Философия хозяйства: мировоззрение, метафизика, методология» д.э.н., профессор **Н.Б. Шулевский** (философский факультет МГУ) отметил, что «исследуется уникальный феномен русского мира — философия хозяйства. Философия хозяйства является формой русского ведического мировоззрения. Его ядром служит изначальная, органическая связь двух запредельных начал — мудрости и творения. Эта связь действует посредством творческой самоорганизации, которая в контексте разума и сознания становится хозяйством.

Философия хозяйства является русской метафизикой, учением о взаимодействиях мира невидимого с миром земновидимым. Русская метафизика стремится познать Запределье, реальность, которая находится за пределами Абсолюта, но действующая внутри самих пределов, законов, норм земного мира. Русская метафизика трактует невидимый мир не только как объект, но и в качестве особого субъекта — Софии Премудрости, являясь в этом плане софийной метафизикой (софиасофией). Русская метафизика порождает не

только новые знания, но и новые способности, смысловые алгоритмы, дискурсы разума и сознания, расширяет смысловые пространства истины.

Философия хозяйства является уникальной методологией — полилектикой, которая соединяет в целостность монолектику, диалектику и триалектику. Полилектика рассматривает объекты как некие светила, испускающие смысловые лучи-вести вовне и внутрь себя. Движущей силой полилектики служат не противоречия бытия, а единоречия всех его сил. Философия хозяйства является тайным аварийным выходом из тупиков прогресса. И этот выход ищет людей, способных воспользоваться его “услугами”».

Д.полит.н., профессор **С.В. Бирюков** (Центр изучения России, Восточно-Китайский педагогический университет, Шанхай, КНР) подчеркнул, что «Россия последних десятилетий — это страна, которая, при всей ее мощи, держится и сохраняет себя в ситуации существующих вызовов за счет очень тонкого ресурса; будь то ресурс властный, военный, экономический, гражданский. При этом качество этого ресурса, позволяющего нашей стране выстоять в критические моменты, призвано быть и в действительности остается очень высоким.

В отечественном научном мире одним из примеров такого “неразмениваемого” ресурса является лаборатория философии хозяйства (ЛФХ), созданная Ю.М. Осиповым и ставшая фундаментом для создания одноименной Академии. Отмечая ее юбилей, нам важно понять, чем же уникально данное научное объединение с позиций сегодняшнего дня.

1. Своим междисциплинарным методологическим подходом, который позволяет объяснять экономику не с позиций экономики, но с позиций более фундаментальной онтологии и философской перспективы.

2. Сохранением твердой приверженности глубокой философской рефлексии, которая распространяется на широкий круг вопросов, являющихся предметом изучения современного гуманитарного знания, и позволяет постепенно и последовательно выстраивать осмысленную картину изменяющейся реальности.

3. Приверженностью собственной парадигме научного знания, смысл которой постоянно уточняется и актуализируется.

4. Сохранением и развитием Академии философии хозяйства как неформального сообщества исследователей и интеллектуалов, связанных общим видением широкого круга взаимосвязанных научных и социальных проблем. Именно такая форма совместной научной деятельности оказывается эффективной сегодня, в условиях глубокого кризиса, многих формализованных структур и объединений.

5. Принципиальной «россиецентричностью» Академии философии хозяйства как научного объединения — что не исключает, но предполагает формирование ею собственного оригинального и научно обоснованного взгляда на проблемы глобального масштаба».

Завершая выступление, С.В. Бирюков выразил желание «еще раз поздравить Ю.М. Осипова и всех уважаемых коллег с юбилеем нашего замечательного научного объединения и пожелать ему плодотворного продолжения совместной работы на благо российской науки и России».

С точки зрения д.э.н. **А.В. Кузнецова** (Финансовый университет при Правительстве РФ), «за последние 35 лет современная школа философии хозяйства смогла наработать огромный багаж идей, которыми она, главным образом, обязана своему вдохновителю и руководителю — профессору МГУ имени М.В. Ломоносова Ю.М. Осипову. Сегодня приходит время востребованности этих идей. Главнейшая заслуга школы философии хозяйства — в обосновании рисков утраты русской самобытности в бездумном копировании чужого, в необходимости разворота России от Запада к самой себе. Россия — это самобытная цивилизация и должна развиваться по собственным традициям и законам. По своим масштабам Россия не может быть чьим-то придатком. Россия — это равноценный партнер и поэтому должна развивать свою финансовую систему, свою промышленность, свою культуру. Пришло время вернуть место России в мировой цивилизации, для этого нужно опираться на свои собственные силы, на идеи, которые коренятся в русском генетическом коде и которые по междисциплинарным каналам философии хозяйства проникают во все науки, чтобы восполнить тот гуманитарный вакуум, который образовывался в России на протяжении ее многовекового «хождения» на техноцентричный Запад. Мен-

тально разворот России к самой себе начался, нужно чтобы он не закончился на полпути, нельзя расхолаживаться, нужно идти дальше. Только так можно будет выстоять и победить».

Д.э.н., профессор **С.Г. Ковалев** (Санкт-Петербургский государственный экономический университет) выделил три момента.

«1. Жизнестойкость коллектива лаборатории философии хозяйства, сумевшего в сложных перестроечных условиях постсоветского периода не только сохранить научный потенциал, но и обрести собственное, узнаваемое лицо, найти свою нишу в научном познании, на стыке философии, теории хозяйства, социологии и других ракурсов общественнознания. Безусловно, само бытие в течение 35 лет — это гражданский, научный подвиг и коллектива, и его научного руководителя профессора Ю.М. Осипова. Без сомнения, выжить и достичь таких значимых результатов было бы сложно и практически невозможно без поддержки ректората МГУ, деканата экономического факультета.

2. Бытие страны и бытие лаборатории были и остаются тесно связанными — лаборатория за годы деятельности теоретически и практически откликнулась, ставила, с разной степенью широты и глубины проработки, множество проблем, актуальных для России, ее места в мире, освещала их на страницах журнала «Философия хозяйства». И в целом внесла большой вклад в развитие российской общественной мысли.

3. Лаборатории удалось соединить онтологию, гносеологию, аксиологию хозяйства, исток которых уходит в творчество многих мыслителей, и прежде всего, российских, широко употребляющих понятия «хозяйство», «народное хозяйство», «мир как хозяйство», в частности С.Н. Булгакова. Восприятие хозяйства как целостности было характерно не только для Булгакова, но для российской мысли в целом, например, П.Б. Струве. Заслуга С.Н. Булгакова — попытка выйти за пределы вульгарного материализма, подойти к явлению шире — как варианту Бога-генеза, софийной ипостаси Бога. И тем самым придать категории хозяйства, хозяйственной деятельности более глубинный и нравственный смысл. Соответственно, сместить акцент экономической науки с экономизма в плоскость созидательной деятельности, опирающейся на нравственные основы и целевые смыслы».

В заключение С.Г. Ковалев пожелал коллективу новых творческих успехов, человеческого благополучия.

По мнению к.полит.н., профессора **С.А. Маркова** (Институт политических исследований, Москва), Академия философии хозяйства — это одно из наиболее стабильных сообществ в современной России, которое выдержало испытание временем. В своем выступлении он представил современные тенденции, характеризующие новую реальность:

«1. В бурно развивающемся цифровом мире, в котором живут все больше людей, лидирующие позиции в нем занимают не государства, а корпорации, это означает, что нет правового регулирования на национальном уровне.

2. Растет значение неоплачиваемого труда, подчеркивается его ценность для личности, поскольку если труд человека в экономическом секторе является отчужденным, то труд в неэкономическом секторе является неотчужденным, и в этом смысле он укрепляет целостность человека, делает его счастливым.

3. Происходит распад правовой системы и правового сознания, поскольку скорость изменений зашкаливает, и право не успевает подлаживаться, формируется сверхсложная система права, в которой выигрывает не тот, кто прав, а у кого есть власть и деньги.

4. Происходит распад языка — новый язык не успевает за новой реальностью, многие реальности приходят и уходят так быстро, что не успевают получить новый язык. Кроме того, язык формируется в рамках какого-то сообщества, а сейчас происходит кластеризация общественного сознания, в социальных сетях происходит сжимание социального сознания, а в результате распад единого языкового пространства.

5. Происходит распад социальных общностей — исчезают постоянные профессии, во всем мире исчезают профсоюзы».

В результате этих тенденций, с точки зрения С.А. Маркова, «возникает хаотизация — у людей повышается тревога, никто не верит в счастливое будущее, идет резкий рост нестабильности, негативности, отсюда возникает запрос на порядок, некую диктатуру. Но диктатора нет и не предвидится, потому что нет субъекта диктатуры. В этих условиях на роль диктатора претендует искус-

ственный интеллект, но пока он недоразвит, и непонятно, кто его контролирует».

«Вот такой мир нас ждет. И нам надо учиться жить по его правилам. Новый мир будет все более разнообразным, все более ярким, необычным, бушующим, неожиданным, и нам придется танцевать на ветрах этого нового мира», — заключил С.А. Марков.

В докладе «Философия хозяйства в становящейся новой, ноосферной парадигме взаимоотношений Человека и Природы в XXI в. (о “философско-хозяйственной революции” в системе философского знания) д.э.н., профессор директор Центра ноосферного развития СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ **А.И. Субетто** (г. Санкт-Петербург) сформулировал ряд тезисов.

«Прошедшие 111 лет после выхода булгаковской “Философии хозяйства” и 33 года с момента выхода “Опыта философии хозяйства” Ю.М. Осипова я определяю как происходящую “философско-хозяйственную революцию” в системе философского знания и в системе научного мировоззрения, которая накладывается на “вернадскианскую революцию” в системе научного мировоззрения, и наложение этих двух интеллектуальных революций XX в., сгенерированных логикой развития именно русской научной и философской мысли и предстает как начавшаяся ноосферная революция не только в науке, философии, культуре и образовании, но и в системе смыслов и основ бытия человека на Земле.

И С.Н. Булгаков, и Ю.М. Осипов, и многие представители школы философии хозяйства, возглавляемой Ю.М. Осиповым, развивают систему представлений о “софийности хозяйствования на Земле”. “София” еще с древнегреческих времен предстает как символ мудрости. При этом мудрость — это глубинная форма проявления через разумность бытия Закона гармонии мира как целого, как супер-организма.

Софийность хозяйствования человека на Земле обретает ноосферное измерение. Мудрость как таковая только тогда обретает свое достойное оправдание применительно к человеческому разуму, когда человеческий разум становится носителем гармонии ноосферы как целого, т. е. гармонии биосферы в ее новом качестве — как ноосферы. Россия призвана возглавить ноосферный прорыв человечества. И на этом пути русская научная школа философии хозяй-

ства — философско-хозяйственная революция в системе философского знания — необходимый момент начавшегося ноосферного прорыва из России!

Я поздравляю Юрия Михайловича Осипова как главу современного этапа развития нашей — отечественной — школы философии хозяйства, весь коллектив с 35-летием лаборатории философии хозяйства. Это 35-летие (на фоне непростых исторических событий в мире и в России за это прошедшее тридцатипятилетие) несомненно есть торжество не только русской философии хозяйства, русской мысли и русской культуры, но и в целом отечественной науки».

Д.э.н., профессор **И.Г. Шевченко** (РАНХиГС при Президенте РФ) подчеркнул, что «появление и развитие философии хозяйства всегда происходило в выраженном историческом контексте: в начале XX в. в мучительном крушении Российской империи, в 1990-х гг. — при распаде наследия Советского Союза. И в том, и в другом случае общество мучительно искало ответ на выход страны из беспрецедентной катастрофы, и найти его могло только в форме метанаучного знания, философии хозяйства. Особый подход к изучению действительности обусловил невероятную научную продуктивность философии хозяйства и привлек под свои знамена специалистов самых различных отраслей знания. Метафизичность философии хозяйства, ее обращение к Софии как Премудрости Божией дает агонизирующему человечеству шанс остановить маховик самоуничтожения».

В выступлении д.э.н., профессора **В.В. Чекмарева** (Костромское региональное отделение Петровской академии наук и искусств) был аргументирован статус философии хозяйства, подчеркнута роль философии хозяйства как инструмента методологии исследования современного общества и вершины культурно-исторического синтеза научного знания в социуме.

Д.э.н., профессор **И.В. Пшеницын** (г. Москва) обратил внимание, что «Философия хозяйства» С.Н. Булгакова имеет подзаголовок «Мир как хозяйство». «Раскрытие мира как жизнедеятельности, которым испокон веков жил наш народ в форме самоуправляемой крестьянской общины, подчеркивает особенность России, ее иную, чем у Запада, ментальность. Мирское хозяйственное начало России выразилось в создании народом Советов, форме иной госу-

дарственности, подлинного народовластия. Понимание мира как хозяйства отличает наш народнохозяйственный уклад от единственно признаваемой прозападным марксизмом общественно-экономической формации, основанной на отчуждении и отношениях собственности. Стремление нашего народа жить, хозяйствуя миром вместе, сегодня, как и во времена крестовых походов христиан, противостоит колониальным устремлениям Запада».

Д.соц.н., к.э.н., профессор **Л.И. Ростовцева** (Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, г. Тула), размышляя над вопросом «Почему важно сегодня обращение к философии хозяйства и творческому наследию С.Н. Булгакова и Ю.М. Осипова?», отметила, что «в отличие от экономикса, критикуемого за нереалистичность, и политической экономии, упустившей из виду человека, философия хозяйства свободна от этих упреков, так как имеет дело с реальностью, человеком как представителем человечества и целостной личностью, творящей в трансцендентном мире во взаимодействии с природой. В ней можно найти ответы на все вопросы, она показывает смысл — куда идти и зачем».

Подводя итоги конференции, **Ю.М. Осипов** поблагодарил участников и заключил: «Разговор состоялся. Очень важный разговор, и ежели не эпохальный, хоть он такой и есть, то уж явно этапный. Мало что вновь зафиксирован факт наличия вполне себе сложившейся философии хозяйства и вновь обозначено *ее непреходящее значение как самостоятельного источника гуманитарной мысли*, но и впервые философия хозяйства, обретшая, может, и версию, но все-таки определяющую смысловую интерпретацию как *софиасофия хозяйства*, получила тем самым пусть еще тоже версионный, однако очень значимый статус одного из *больших потоков гуманитарной мысли* наряду с мифологией, богословием, философией, наукой, при этом не отрицая ни один из этих больших потоков, наоборот, их в мере в себя вбирая, возымев возможность *своего собственного большого высказывания*, достаточно-таки отличного от других, исходя не из априорной твердокаменной аксиоматики надежно затверженных догм, а из свободного восприятия самой реальности вкупе с ирреальностью, разумеется, живо пользуясь всем достигнутым человечеством словарно-понятийным наследием.

Да, философия хозяйства, дважды родившись и при этом вновь пройдя через неординарное становление и вольное развитие, преодолевая себе сопротивление и отрицая себя отрицание, достигла той степени зрелости, когда стало возможным не только дать ей соответствующую квалификацию как самостоятельной отрасли знания, но и утвердить ее как оригинальный способ не одного лишь полезностного познания мира (мировидения), а и *иного понимания* мира (мироведения) во всей его целостно-разнообразной сложности, как раз по поводу хозяйственного (деятельного, творческого) взаимодействия человека с миром, а соответственно, и *иного понимания* человека как человека, человека как хозяйствующего субъекта, человека как творящего актора в его деятельном взаимоотношении с Хозяйством Бога и Божиим Творением.

У нас у всех возник шанс убедиться не просто в незрячности наших философско-хозяйственных усилий, а и в высокой значимости всего нами — вослед С.Н. Булгакову и с его сакральным участием — ментально достигнутого — не только не имеющего аналогов в стране и в мире, но и открывающего перед человеком новый — как раз *Иной* — хоть зёмный, хоть космический, хоть видимый, хоть невидимый, хоть материальный, хоть духовный — *Мир*, и разве, уважаемые коллеги, этого мало, и разве это не восхитительно, разве нам с вами нечем гордиться?!».

Литература

1. Сухина Т.С. Философия хозяйства в актуальном слове // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19. № 3. С. 452—456.

References

1. *Sukhina T.S.* Filosofiya khozyaystva v aktual'nom slove // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. 2023. T. 19. № 3. S. 452—456.

Е.С. ЗОТОВА

**Политическая экономия и актуальная экономическая
реальность сегодня
(обзор секции лаборатории философии хозяйства
на VII международном политэкономическом конгрессе)***

Аннотация. Представлен обзор выступлений на состоявшемся 9 июня 2023 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в онлайн-формате секции лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ «Политическая экономия и актуальная экономическая реальность сегодня» на VII международном политэкономическом конгрессе.

Ключевые слова: политическая экономия, философия хозяйства, актуальная экономическая реальность, софиасофия хозяйства, теория хозяйства, стоимость.

Abstract. An overview of the speeches at the section of the Laboratory of Philosophy of Economics of the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University «Political Economy and current economic reality today» held on June 9, 2023 at the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University in the online format of the section of the Laboratory of Philosophy of Economics of the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University «Political Economy and current economic reality today» at the VII International Political Economy Congress is presented.

Keywords: political economy, philosophy of economy, actual economic reality, sophiasophy of economy, theory of economy, cost.

УДК 330
ББК 65.01

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Зотова Е.С. Политическая экономия и актуальная экономическая реальность сегодня (обзор секции лаборатории философии хозяйства на VII международном политэкономическом конгрессе) // Философия хозяйства. 2023. № 5. С. 235—245. DOI: 10.5281/zenodo.8416816.

9 июня 2023 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках VII международного политэкономического конгресса состоялось заседание (в смешанном формате) секции лаборатории философии хозяйства «Политическая экономия и актуальная экономическая реальность сегодня». Организаторы секции — лаборатория философии хозяйства и Научный совет «Центр общественных наук МГУ» — так сформулировали проблемы для обсуждения:

«Политическая экономия зарекомендовала себя как триипостасный гуманитарный феномен: во-первых, как наука, объективно-де отражающая реальность, которую она называет экономической (правда, какую же именно реальность она отражает пусть и весьма условно, и не полно, и не всегда достоверно, нередко и искажено?); во-вторых, как субъективно-оценочный, следственно, и идеократический, то бишь позитивный, апологетический, критический, разносный, судия экономической реальности (правда, какой же?), уже этим оправдывая свой “политический” предикат и свое назначение быть не только наукой, но и идеологией; в-третьих, как прогностический дознаватель и проективный актор текущей экономической реальности (опять же какой?), чем еще более оправдывая свой “политический” предикат.

А вот и дискуссионная постановка: современная политическая экономия (какая же концептуально?) с учетом триипостасности — как науки, как идеологии и как творца реальности перед лицом и вызовом современной экономической реальности (какой же?), не избегая обращения к вопросу о практической роли и исторической ее — политэкономии — ответственности!».

С вступительным докладом выступил д.э.н., профессор **Ю.М. Осипов** (экономический факультет МГУ). «Мое критическое отношение к политической экономии, на мой взгляд, слишком неопределенной, эклектичной и весьма оторванной от ею же вполне ясно не обозначенной предметной реальности, хорошо известно, о чем я давно уже говорю и пишу. Поэтому ограничусь несколькими положениями, имеющими более отношение к последовавшей исторически за политэкономией и в известной мере из нее вышедшей философии хозяйства.

Несмотря на многое ценное, выказанное, скажем так, в сфере знания, долгое время называвшемся политэкономическим, так и

осталось вполне нераскрытым. Что же подразумевалось и подразумевается в этом знании “экономией”, а что имелось и имеется в виду под предикатом “политическая”? Иначе: что экономического по сути в экономике, а что политического в данном случае в политическом?

По моему мнению, ясных ответов на это как не было, так и нет.

Концептуальное неудовлетворение от политэкономии заставило меня выйти за ее пределы и поискать смысловой адекват реальности уже за ее пределами, для чего сначала обратился к философии как воззренческой методологии, а затем вышел вместо евроцентрического понятия и предмета отражения “экономика” на русоцентрическое понятие и соответствующий ему предмет отражения “хозяйство”, что в итоге увенчалось выходом на иное, чем политэкономия, знание-размышление — философию хозяйства, согласно которой хозяйство — жизнеотправление человека, экономика — обусловленное и опосредованное движением идеальной субстанции хозяйства — стоимости (денег, оценок, товарообмена, капитала), ну а философия — идущее от реальности и отраженное и переваренное в сознании на сию реальность философическое, что не значит, что строго (академически) философское, воззрение.

Не скрою, что первая моя версия философии хозяйства носила явно научный (сциентический) характер, что и было отражено в моей книге “Опыт философии хозяйства”, начатой на рубеже 1970—1980-х гг. и увидевшей свет в 1990 г. Однако, что очень важно, по переизданию впервые с дореволюционного времени в том же 1990 г. работы С.Н. Булгакова “Философия хозяйства”, которой я даже не знал, моя познавательно-размыслительная чаша стала вслед Булгакову наполняться сначала, как когда-то говаривали, философическим идеализмом, а затем — после многих лет раздумий и обращений к русскому философскому наследию конца XIX—XX вв., начиная с В. Соловьева, включая и булгаковское, и метафизической софиологией, а завершилось это сначала открытием мною софиасофии, что для меня означало не просто обращение к Софии Премудрости Божией как объекту философического внимания, а утверждение приоритета Софии Премудрости Божией — Софии! — над человеческой мудростью — “сófией”, а затем уже и выходом на софиасофию хозяйства, что в свою очередь означало не отказ от об-

щепринятого в научно-философическом обиходе имени-знака-символа “философия хозяйства”, которое есть, служит и будет служить, а всего лишь утверждение с моей стороны для меня завершительной — новой — версии философии хозяйства.

Мы собрались, чтобы поговорить о политэкономии, против которой я вовсе не воюю, но по поводу которой я не мог не выразить своего критического отношения, как и не высказаться по поводу вышедшей из политэкономии поначалу ее воззренческой наследницы, а затем и вполне себе самостоятельного гуманитарного знания.

Пусть политэкономия будет, хотя хотелось бы все-таки уточнить, какая же она, о чем, с какой функцией и целью должна быть?

Обсудим!»

В докладе «Политическая экономия в национальных нарративах и критических вариантах» д.э.н., профессор **Н.А. Шапиро** (Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург) отметила: «Следует признать, что современная политическая экономия не представляет собой “большой теории”, а имеет все черты фрагментарности, представляющей собой фундаментальную характеристику любой современной социальной науки. Фрагментарность (гетерогенность) политической экономии выражается в существовании онтологических нарративов национальных школ и критических методологических переосмыслениях классической политэкономии (школы Д. Рикардо). В решении проблемы актуализации преподавания политической экономии в вузе важно: 1) видеть принципиальные отличия разных концепций политической экономии от мейнстрима и между собой, а также 2) найти релевантный способ отразить российские изменения в дисциплинарном контексте. В ответе на первый вопрос целесообразно показать социальные группы, во взаимодействии которых складываются производственные отношения (такими группами уже не могут быть как акторы классической политэкономии: капиталисты, наемные рабочие и земельные собственники, так и рациональные экономические субъекты неоклассической ортодоксии). В поиске ответа на второй вопрос целесообразно обратиться к варианту учебника П. Самуэльсона, в котором заключительный раздел всегда посвящен актуальной теме экономического развития. В рамках указанного подхода можно актуализировать изложение микро- и

макроэкономики с учетом новых теоретических достижений и проблем современного общества. Политэкономические концепции могут найти свое место как в разделе макроэкономики, так и в специальном — заключительном — разделе курса (учебника)».

К.э.н., доцент **В.Е. Гаврилова** (экономический факультет МГУ) в докладе «Деньги как единство информации, идеологии и власти» пояснила, что «политико-экономический анализ хозяйственной и социальной природы современных денег отличается фрагментарностью, меж тем сами деньги и их функции остаются ключевым элементом понимания закономерностей экономического развития.

Современные деньги — это не столько количество труда, необходимое для производства экономического блага, сколько информация о правах и обязательствах того или иного субъекта по поводу обмена природными ресурсами и результатами труда. При этом современные деньги — это сложноверифицируемая информация как для общества, так и для участников общественного производства, а самая короткая логическая цепочка “деньги — это время” остается актуальной, поскольку дороже тот товар, который проверен временем. Важно, что за прошедшее столетие мировая финансовая система превратила деньги из свободной информации об объеме, качестве и стоимости экономического блага в особый информационный товар. Другими словами, деньги прошли три стадии своего существования и, согласно закону отрицания отрицания, из выделенного частного товара они превратились в общественное благо, а в современное время, утратив свою универсальность, снова явились миру как частный товар доминирующей финансовой системы на новой технологической основе».

В своем выступлении, посвященном обоснованию политэкономических императивов формирования поливалютного стандарта, д.э.н., профессор **А.В. Кузнецов** (Финансовая академия при Правительстве РФ) отметил, что замораживание странами Запада валютных резервных активов Российской Федерации привело к нарушению базового принципа действующей валютной системы — свободной конвертируемости валют. Сложившаяся геополитическая ситуация объективно требует формирования поливалютного стандарта, т. е. перехода роли мировых денег (как средства измерения и обмена стоимостью между странами) от одного носителя (доллара

США) к нескольким. Свидетельствами начала этого процесса являются заключение ряда соглашений: между Бразилией и Китаем о совершении двухсторонних сделок в национальных валютах, между Индией и Малайзией об обслуживании внешнеэкономической деятельности в индийских рупиях, между Россией и Ираном о создании «стабильной монеты», обеспеченной золотом, а также возникновение многочисленных альтернативных цифровых платежных систем, инициированных финтех-компаниями. Между тем, *реальная* дедолларизации мировой экономики не представляется осуществимой без создания *коллективной* международной ликвидности как альтернативы ликвидности, основанной на *национальных* валютах (независимо от того, идет ли речь о долларе США или китайском юане). Однако предпосылкой обращения коллективных средств обмена стоимости является соблюдение принципа пропорционального развития, что предполагает реальную научно-технологическую и производственную интеграции участвующих стран (а не фиктивную, как в Еврозоне). Подобный опыт был получен в период функционирования системы переводного рубля в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Дух народнохозяйственной кооперации стран СЭВ был близок к философии хозяйства, поскольку ставил во главу угла развитие человека (его умственных и нравственных качеств), а не расчеловеченных технологий (искусственного интеллекта). Актуализация опыта обращения коллективных средств обмена стоимостью, полученного Россией в советский период, могла бы способствовать очеловечиванию системы мирового хозяйства, заключил докладчик.

В своем выступлении «Содержательно-методологические аспекты политико-экономического анализа и современность» к.э.н., профессор **В.В. Кашицын** (г. Новороссийск) подчеркнул, что «имея в виду сложность и противоречивость современной экономической трансформации мирового хозяйства и, соответственно, экономик крупных стран, может показаться, что накопленный за четырьест лет потенциал экономической науки и современная экономическая реальность находятся в разных плоскостях и измерениях и в неразрешимых противоречиях друг с другом. И на явленной поверхности это выглядит действительно так. Но если посмотреть на данный гордиев узел методологически корректно, отправляясь от историко-логической эволюции экономической реальности исследова-

ний последней через призму объекта, предмета и метода политической экономии, то подавляющая часть напластовавшихся коллизий и непреодолимых нестыковок достаточно быстро рассыпается. Какие же основные смысловые этапы в своей эволюции преодолел до сегодняшнего дня, двигаясь в будущее, наш тандем экономической реальности и экономической науки, читай политической экономии?

С точки зрения производительной силы это, конечно же, процесс разделения труда и его производительности, концентрация производства, взвешенная во взаимосвязи шести факторов производства: труд, земля, капитал, предпринимательство (управление), пространство и время, необходимый и прибавочный продукт.

С точки зрения экономических отношений — это конкуренция, монополия, капитал, государство, внутренний и мировой рынки, безальтернативность социума как самоорганизующегося начала в экономическом процессе, отвечающего за обратные связи и за объективизм процесса.

Ну и конечно же, здесь критическую роль играет царь-метод — (диалектический, вне которого сколько-нибудь серьезный анализ в любой — и особенно гуманитарной — науке невозможен в принципе.

Таким образом, все эти смысловые острова в своей динамической взаимосвязи и образуют живой архипелаг политической экономии, ценность которой как науки, особенно в период любой эпохальной трансформации, безальтернативна. Что, конечно, не умаляет актуальности ее корреспонденции с другими знаниевыми островами, особенно с философией хозяйства».

Д.э.н., профессор **В.М. Кульков** (экономический факультет МГУ) в своем докладе активно настаивал на том, что политическая экономия обладает большим потенциалом, который востребован и сегодня. Это, по его мнению, проявляется прежде всего в трех подходах, традиционно связанных с политэкономией: системном, социально-экономическом и воспроизводственном. Она может осваивать новые формы реализации этих подходов, распространять их на новые области, объяснять ими новые вызовы. Но для этого она должна перестроиться, проявлять большую активность, освободиться от догм, вызванных узким материализмом и экономическим детерминизмом, обогащать свои исследования междисциплинарным анализом. Политэкономия способна укрепить и национально ориентиро-

ванный подход, доводя его до разработки национальной экономической системы, что крайне важно для современной России.

В заключение докладчик обратил внимание на необходимость тесного сотрудничества политэкономии и философии хозяйства, которое благотворно повлияет на каждое из этих направлений, снизит степень монополизма в экономической теории, обогатит исследовательский потенциал.

Д.э.н., профессор **У.Ж. Алиев** (Университет «Туран-Астана», Казахстан) так обозначил тему своего выступления: «Трансформация политической экономии в теоретическую экономию». «Известно, что экономическая мысль человечества во всей писаной его истории получила множество различных неконцептуальных, предконцептуальных, концептуальных, теоретических, парадигмальных, организационно-дисциплинарных форм исследования и отражения социально-экономической реальности, способов использования их результатов в практической, в том числе и образовательной деятельности человека и общества. В этом ряду особо выделяются “экономика” и “хрематистика” древности, “социальная физика” Ибн-Хальдуна, западноевропейская “камералистика”, классическая “политическая экономия”, “экономикс” (каталлактика), вездесущая “экономическая теория” — теоретическая экономия, “философия хозяйства” Булгакова—Осипова. Кроме них в последнее время возникли множество “новых” экономик.

В настоящее время мировое экономическое знание и образование объективно переживают кризисы троякого рода: а) *онтологический* (объектно-содержательный) — кризис самого общественного и прежде всего социально-экономического бытия, с чем имеют дело социальные науки; б) *гносеологический* (субъектно-познавательный) — кризис, связанный с субъективными трудностями в адекватном познании, описании и объяснении происходящих турбулентных социально-экономических процессов в мировом и отечественном масштабах; в) *аксиологический* (ценностно-ориентированный) — кризис, связанный с выбором из трех основных парадигмальных мейнстримов современности западно-рыночного мейнстрима в качестве доминантной парадигмы в формировании ценностей, стандартов и моделей современной экономической цивилизации и общественного сознания, в том числе экономического знания и образования. Возникает вопрос: какая из пере-

численных научно-образовательных дисциплин в большей степени может разрешить указанные кризисные явления?»

В качестве такой базовой общетеоретической дисциплины профессор Алиев выдвинул *теоретическую экономию* как синтез общей экономики, социальной экономии (правопреемницы достоянной классической политической экономии) и экономикса (каталлактики). По своему содержанию теоретическая экономия глубже и масштабнее нынешней экономической теории, ближе к «Теории хозяйства» Ю.М. Осипова. А общемировоззренческой (софиософийной) основой всей системы экономических наук современности служит философия хозяйства Булгакова—Осипова. Все они в своих предметных границах (если они четко сформулированы), не противореча друг другу, занимают вполне определенное место в системе современного (и будущего) экономического образования и знания.

К.э.н., доцент **Г.В. Фадейчева** (Академия труда и социальных отношений) в выступлении «Политэкономические мотивы современной философии хозяйства» акцентировала внимание на взаимосвязи политической экономии и философии хозяйства, в том числе с точки зрения используемого ими категориального аппарата. Кроме того она высказала предложение о разграничении философии хозяйства в широком и узком смысле слова. В первом случае философия хозяйства рассматривается как предшествующее всем экономическим наукам социохозяйственное знание, источник становления и развития системы экономических наук. В узком смысле слова под философией хозяйства понимается научная школа, восходящая к трудам С.Н. Булгакова и представленная современной философией хозяйства научной школы Ю.М. Осипова.

В своем выступлении д.э.н., профессор **И.Р. Бугаян** (Южно-Российский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, г. Ростов-на-Дону) отметил, что, согласно его концепции, политическая экономия как наука возникла в период доминирования фактора производства «труд», т. е. — человеческого происхождения, и его использование для исследования закономерностей общественного развития при другой доминанте — тоже человеческого происхождения — капитале — было также успешно. В настоящее время она бессильна из-за того, что ныне доминирует уже метафизический фактор производства — предпринимательство, который неопределим физикой экономики; необходим хозяйственный подход: диа-

лектическое единство двух противоположностей экономики и общественного сектора.

Говоря о качественных характеристиках структурных изменений в социально-экономическом развитии, доцент **Т.Д. Коломеец** (Университет «Синергия») заметила, что рассмотрение политэкономии и актуальной экономической реальности будет некорректным, если не учитывать единичный, общий и всеобщий уровни, на которые обращали внимание классики марксизма. «В условиях развивающегося киберфизического уклада мы можем выделить квантовый уровень, социальный, общественный уровень и континуум, обеспечивающий единство мира существования человеческого общества.

Каждый из уровней имеет специфику проявления. Вместе с тем, конструкция их общественного (социального) строения может быть описана в рамках философии хозяйства как единство материального и виртуального миров, объединенных общей идеей и окружающего их идейно-ценностного поля. На выходе этого единства возникает действие как смысл и реальный результат.

Источник возникновения этого объединения — информация в форме энергии и сознание членов социума, вынужденного осознавать и создавать свое воспроизводство, накопление и аккумуляцию энергии для жизни. Пересечение отдельных составляющих порождает терминологию политэкономии. Человек проявляется как зазор между импульсом и реакцией. Предпринимательство возникает как результат разделения труда, его специфическая особенность — постоянное обеспечение соединения спроса и предложения в условиях обмена результатами деятельности.

Материальная компонента формируется вокруг ресурсов, относительно которых складываются отношения субъектов, возникает процесс и создается схема взаимоотношений. К ней относятся: природные ресурсы, информация, здоровье людей, интеллект населения, время. Материальная компонента посредством идеи, определяющей удовлетворение потребностей членов социума, требует раскрытия качеств участников этих отношений.

Виртуальная компонента включает: идею, воображение, волю, выбор, образы, мечты участников этих отношений. Общество с помощью ценностей, институтов государственной власти калибрует эту потенциальную деятельность и с помощью обратной связи позволяет реализовать или не допустить реализацию идеи. Идейно-

ценностное поле объединяет обстоятельства, технологии, стандарты, законы, общественные организации, ценности, культуру, государство.

Осознание представителями социума структуры формирования отношений позволяет организовать управление реализацией производственных отношений по смыслам, раскрыть потенциал возможностей общества».

В своем докладе «Роль абстрактного труда в эволюции форм социалистического хозяйствования» д.э.н., профессор **И.Г. Шевченко** (РАНХиГС при Президенте РФ) заявил, что «абстрактный труд как усредненный труд, труд вообще, как трата человеческой энергии не гарантирует создание новой стоимости и увеличение богатства: в XX в. массовый характер стала приобретать деятельность людей, уничтожающая стоимость. В течение последнего столетия масса абстрактного труда увеличивалась, но это привело к глобальной экологической катастрофе, истощению природных ресурсов, вытеснению человека машинами. Таким образом, труд, лишенный четких морально-нравственных ориентиров, в долгосрочной перспективе приносит вред обществу. В этой связи особого внимания заслуживает развитие социалистической идеи, которая на начальном этапе способствовала ускоренному увеличению абстрактного труда, но после геополитического фиаско стала медленно эволюционировать в сторону христианского социализма, способного гармонично объединить народы и религии в процессе разумного и достаточного производства общественного продукта».

В докладе «Национальная экономическая безопасность: структурный подход» к.э.н., доцент экономического факультета МГУ **С.В. Кайманаков** предложил рассматривать данную категорию как многоуровневую систему. «Ее глубинная основа — защищенность национальных экономических интересов, которые, в первую очередь, реализуются в стабильном состоянии экономики, наличии в ней механизмов защиты от угроз. На втором уровне они выражаются в устойчивом и достаточно высоком экономическом росте, на третьем — в экономическом суверенитете страны. Наконец, они имеют свои особенности для каждого государства, что находит свое выражение в национальных приоритетах экономической безопасности. Таким образом, структура этой категории отвечает принципам статичности, динамики, независимости и учета национальной специфики». Далее С.В. Кайманаков доложил результаты

проведенной им оценки каждого уровня безопасности на примере России. Расчеты показали, что большинство индикаторов безопасности находятся в опасной зоне. В докладе были предложены конкретные меры для того, чтобы исправить такое положение.

«Пандемия коронавируса, начавшаяся в 2020 г. и не исчезнувшая до сих пор (на начало марта 2023 г. в мире было отмечено 755 млн подтвержденных случаев COVID-19), — отметил в своем выступлении д.э.н., профессор **П.А. Покрыган** (факультет глобальных процессов МГУ), — стала наиболее крупным по своим масштабам явлением последних десятилетий и оказала глобальное влияние на все стороны общественной жизни, в том числе и на социально-экономические процессы. Оценка масштабов ее воздействия на социально-экономические процессы в социалистическом Китае возможна с позиций политической экономии труда, предоставляющей адекватный предмету исследования арсенал инструментов познания. Социально-экономические процессы в Китайской Народной Республике в условиях пандемии продемонстрировали противоположную рыночно ориентированным странам Европейского союза, РФ и США динамику. Это детерминировано условиями формирования данных форм производства. Исследование показало, что последствия пандемии имели разновекторное влияние на социально-экономические процессы в странах с различными формами общественного хозяйства. Если в рыночно ориентированных странах пандемия в своем движении приводит к тем же последствиям, что и всеобщий закон капиталистического накопления, компенсируя ослабление его действия, то в нерыночно ориентированной стране пандемия не оказала заметного влияния на социально-экономическое развитие, детерминированное пятилетними планами. Было выявлено, что: а) социально-экономические последствия пандемии в рыночно ориентированных странах привели к суженному воспроизводству общественного продукта, а в Китайской Народной Республике воспроизводство общественного продукта продолжало происходить по расширенному типу;

б) пандемия в рыночноориентированных странах привела к расширению масштабов нищеты на фоне роста безработицы, в КНР же безработица незначительно выросла (0,6%), но бедность была уничтожена полностью».

В заключительном слове **Ю.М. Осипов** сказал: «Разговор состоялся. Мне не показалось, что мы нашли достаточно определен-

ное смысло-понятийное основание политэкономии, тем более, современной, надо полагать, и уже немало обновленной. Пока ясно одно: есть, безусловно, сфера гуманитарного знания, называемая политэкономической, в которой идет обобщающего (теоретического) характера речь о реальности, походя, без всяких обоснований и определений (не дефиниций, а понятий) именуемой экономической, то бишь речь идет о чем-то абстрактно предполагаемом, но все-таки, я настаиваю, так достаточно ясно понятийно и не выраженном. Пусть меня простят адепты политэкономии, но трудно удержаться от того, чтобы не сказать: речь идет по-прежнему более о каком-то *ничто*, чем о явно *нечто*, да и сама речь более грешит баснословным *ничтом*, чем отличается содержательным *нечтом*.

Однако кое-какой разговор у нас состоялся, пусть он послужит оценке факта бытия и практического значения как политэкономии, так и философии хозяйства, причем в любопытнейший исторический момент: неумолимого убывания с глаз долой из сферы науки и высшего образования все еще широко вроде бы признаваемой в по преимуществу уже уходящих образованных кругах политэкономии и упорного отбрасывания с глаз долой все еще широко не признаваемой ни в каких образованных кругах философии хозяйства. Вот так! Что ж, будем, как говорится, посмотреть, авось кое-что и увидим, аккурат на фоне споро трансгрессирующего в постсуществование иночеловечества!».

* * *

19—21 сентября 2023 г. в г. Тамбове с выездным заседанием в пос. Мучкапский Тамбовской области состоялся VII Всероссийский научно-практический симпозиум из цикла «Средняя Россия: земля и люди» на тему «Переменная социохозяйственная реальность: вызовы, деяния, итоги», организованный Научным советом «Центр общественных наук МГУ» и Тамбовским государственным университетом имени Г.Р. Державина. В мероприятии приняли участие доктор наук Ю.М. Осипов, В.В. Смагина (Тамбов), кандидаты наук А.В. Саяпин (Тамбов), Г.В. Булгаков (Тамбов), И.П. Смирнов, научный сотрудник Т.С. Сухина.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**«Россия в борьбе за Россию: государственность
и социум, хозяйство и культура, война и мир»**

Нынешняя Россия, она же в реалии Российская Федерация, в борьбе, причем вовсе не только и не столько в той войновской войне, разыгравшейся на Украине, сколько, во-первых, в давно уже ведущейся с переменными успехами и неудачами нескончаемой экзистенциальной войне Запада с Россией (Российской империей, СССР, Российской Федерацией), во-вторых, в точно так же издавна ведущейся и тоже в общем-то экзистенциальной войне, но уже с внутренним противником, не менее, если не более антироссийским, чем внешний противник, а в общем — Россия в постоянной борьбе с анти-Россией, как внешней, так и внутренней, что как раз и оказалось сегодня нескрываяемо очевидным. Важно принять во внимание, что пореформенная — глобализованная и вестернизированная — Российская Федерация лишь частью своей — глубинной, корневой, давненько уже отринутой в навь — собственно Россия, а так... э-э... некий вычурный, нелепый и неперспективный гибрид псевдо-Запада с псевдо-Россией, обремененный, как всякий оксюморон, сонмом непримиримых противоречий, лишь ждущих, набираясь сил, момента своего разрешения, может, и грозowego, как раз через борьбу и в борьбе России за Россию.

Отсюда эпохальное заключение: чтобы отстоять себя в этой судьбоносной борьбе и в итоге победить, внешней России в образе Российской Федерации необходимо для начала... победить саму себя (!), радикально изменившись в сторону самой же себя и представ в итоге иной Россией, воистину самой себе онтологически и на перспективу соответствующей — Россией соборной!

Сбудется ли это или что-то подобное — время покажет, а любой идеал вовсе не для того, чтобы его, сломя голову, любой ценой добиваться, хотя стремиться к нему с холодным умом и горячим сердцем все-таки непременно надо, однако памятуя при этом, что бытие-история способно выдать на гора и что-то совершенно бесподобное, что, кстати, оно по обыкновению и делает.

Россия вперед, но вперед к России!

Пленарное заседание «Исторический разворот России к России: данность, проблемность, перспективы».

Секция 1 «Стратегические перемены: политика, государственность, общество».

Секция 2 «Обретение экономики и целостное развитие национального хозяйства».

Секция 3 «К национальной идеологии: былое, настоящее, будущее».

Панельная дискуссия на тему: «Россия — мир — Россия: проблемы, конфигурации, исходы».

6—8 декабря 2023 г.
(Экономический факультет МГУ)

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*osipov.msu@mail.ru*).

КОРОЛЕВ ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия (*vkorolev@sfedu.ru*).

ИОХИН ВИКТОР ЯКОВЛЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, отдел экономических исследований, Институт Европы РАН, Москва, Россия (*iokhinan@mail.ru*).

ГУДКОВА ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра микро- и макроэкономического анализа, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*tat-gud@yandex.ru*).

НИФАЕВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА,

доктор экономических наук, доцент, кафедра отраслевой экономики и управления, Брянский государственный технический университет, Брянск, Россия (*olganifaeva@yandex.ru*).

КОВАЛЕВ СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра общей экономической теории и истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия (*nkovaleva379@gmail.com*).

МАНАХОВА ИРИНА ВИКТОРОВНА,

доктор экономических наук, профессор, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*manakhovaiv@mail.ru*).

ЕВТУХ ВСЕВОЛОД ЮРЬЕВИЧ,

аспирант, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*vsevolodhs1@gmail.com*).

ФАТЕНКОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,

доктор философских наук, профессор, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского; Приволжский исследовательский медицинский университет, Нижний Новгород, Россия (*fatenkov@fsn.unn.ru*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*shylevsk@mail.ru*).

ГОРБАЧЕВ АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ,

старший преподаватель, кафедра русской литературы, Белорусский государственный университет, Минск, Белоруссия (*sansanytch08@mail.ru*).

ВЭЙЮЙ ВАН,

студент магистратуры, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*van9161605865@gmail.com*).

ВОЛКОВ ЮРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация (*yu.k.volkov@yandex.ru*).

ТАРАСОВ АЛЕКСЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ,

кандидат философских наук, доцент, кафедра социально-гуманитарных наук, Приволжский исследовательский медицинский университет, Нижний Новгород, Россия (*alexey.an.tarasov@gmail.com*).

ГУЗЕВ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, Волжский, Россия (*guzev@vgi.volsu.ru*).

СУХИНА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА,

научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*tssmsu@mail.ru*).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*eszotova@mail.ru*).

Our Authors

OSIPOV YURI MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Head of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*osipov.msu@mail.ru*).
Agrarian University, Yekaterinburg, Russia (*kostskp@mail.ru*).

KOROLEV VLADIMIR KONSTANTINOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, South Federal University, Rostov-on-Don, Russia (*vkorolev@sfnu.ru*).

IOKHIN VIKTOR YAKOVLEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Department of Economic Research, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (*iokhinan@mail.ru*).

GUDKOVA TAT'YANA VIKTOROVNA,

Candidate of Economics, Associate Professor, Department of Micro- and Macroeconomic Analysis, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*tat-gud@yandex.ru*).

NIFAEVA OLGA VLADIMIROVNA,

Doctor of Economics, Associate Professor, Chair Sectoral Economy And Management, Bryansk State Technical University, Bryansk, Russia (*olga-nifaeva@yandex*).

KOVALEV SERGEY GEORGIEVICH,

Doctor of Economics, Professor, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia (*nkovaleva379@gmail.com*).

MANAKHOVA IRINA VIKTOROVNA,

Doctor of Economics, Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*manakhovaiv@mail.ru*).

EVTUKH VSEVOLOD YURIEVICH,

Postgraduate Student, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*vsevolodhs1@gmail.com*).

FATENKOV ALEKSEY NIKOLAYEVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Privolzhskiy Research Medical University, Nizhny Novgorod, Russia (*fatenkov@fsn.unn.ru*).

SHULEVSKI NIKOLAY BORISOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*shylevsk@mail.ru*).

GORBACHEV ALEXANDER YURIEVICH

Senior Lecturer, Department of Russian Literature, Belarusian State University, Minsk, Belarus (*sansanytch08@mail.ru*).

WEIYU WANG,

Master Student, Faculty of Philosophy, Moscow State University, Moscow, Russia (*van9161605865@gmail.com*).

VOLKOV YURI KONSTANTINOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russia (*yu.k.volkov@yandex.ru*).

TARASOV ALEKSEY ANATOLYEVICH,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Social and Humanity Sciences, Privolzhsky Research Medical University, Nizhny Novgorod, Russia (*alexey.an.tarasov@gmail.com*).

GUZEV MIKHAIL MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Deputy Research Director, Volzhsky branch of Higher Education «Volgograd State University», Volzhsky, Russia (*guzev@vgi.volsu.ru*).

SUKHINA TATIANA SERGEEVNA,

Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*tssmsu@mail.ru*).

ZOTOVA ELENA SERAPHIMOVNA,

Candidate of Economics, Leading Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*eszotova@mail.ru*).

Требования к оформлению статей

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом до 35000 знаков (с пробелами), включая метаданные и библиографию.

Для каждой статьи обязательно наличие на русском и английском языках: сведений об авторе (прилагаются в отдельном файле); названия статьи; аннотации; ключевых слов; списка литературы.

Аннотация к статье должна быть информативной, в ней должны отражаться цель работы и ее основные результаты исследования, область их применения, выводы. Недопустимо несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями. Англоязычная аннотация должна быть написана грамотно (100—150 слов).

Сведения об авторе (в текстовом оформлении) на русском и английском языках должны включать: полные фамилию, имя и отчество; ученую степень, звание; занимаемую должность; основное место работы (учебы), без сокращений; адрес электронной почты, контактный телефон.

Каждая статья должна сопровождаться индексом **УДК, ББК** (после аннотаций и ключевых слов).

Требования к электронной версии: текст статьи в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (14 пт.) с межстрочным интервалом — 1,5, отступ «первой строки» — 1 см.

Не допускаются в тексте статьи выделения, кроме курсива.

Автор и название статьи пишутся обычным шрифтом строчными буквами, не допускается использование других стилей, располагаются по центру, сначала на русском, затем на английском языках.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]). Несколько источников указываются через точку с запятой [1, 15; 8].

В список литературы включаются только публикации, которые упоминаются в тексте статьи. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Дополнительно под заголовком *References* должен прилагаться список русскоязычных источников в латинском алфавите: либо в переводе на английский язык, либо в виде транслитерации.

Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Слева в скобках — номера-

ция формул. Графики строятся с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные).

Таблицы выполняются табличными ячейками Word.

Рисунки и схемы сгруппировываются внутри единого объекта, допуская возможность редактирования, перемещений в тексте и изменений размеров. Название — под рисунком. Подписи не должны быть частью рисунков или таблиц. Размер шрифта внутри рисунков — 10. **Размер таблиц и рисунков** не должен превышать 11 см по ширине и 14 см по высоте. **Цвет рисунков — черно-белый.** Не использовать в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставлять их в документы Word. Количество графического материала должно быть не более 5 рисунков.

Количество таблиц и рисунков в статье должно быть не более 8 в совокупности.

Плата за публикацию не взимается, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 19 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183.

Порядок рецензирования статей, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все присланные для публикации материалы рассматриваются редколлегией на предмет соответствия их научного уровня тематике журнала. При несоответствии присланного материала профилю журнала и требованиям к оформлению статей присланный материал не рецензируется и не публикуется.

2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам научно-редакционного совета (НРС), при необходимости членам научно-экспертного совета журнала (НЭС) или приглашенным рецензентам, имеющим соответствующую компетенцию.

3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

4. В случае отказа в публикации автору рецензируемой работы может быть предоставлена возможность ознакомиться с текстом рецензии без упоминания имени рецензента.

5. Если в рецензии на статью содержатся рекомендации по ее доработке, то рецензия может быть направлена автору для продолжения работы над статьей.

6. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается НРС.

7. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и НРС, сохраняются.

8. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут авторы в соответствии с законодательством РФ.

Редакционная этика журнала

Редакция принимает к публикации достаточные по научному качеству и соответствующие основному направлению издания авторские материалы, не содержащие не обозначенные специально (кавычками, сносками) заимствования из опубликованных ранее работ, включая и собственные авторские.

Текст материала должен быть не только самостоятельно выполненным его автором, но и ранее не публиковавшимся.

Подаваемый в журнал материал не должен быть одновременно предлагаем другим изданиям.

Автор подаваемого материала гарантирует нарушение авторских прав иных лиц и организаций.

Редакция подвергает любой предлагаемый для публикации текст проверке на плагиат. В случае обнаружения не обозначенных соответствующим образом заимствований, включая собственные авторские, редакция либо отклоняет полученный материал, либо предлагает автору внести в текст необходимые коррективы.

Редакция строго соблюдает научно-творческую направленность журнала и воздерживается от публикации априорно идеологизированных и политизированных материалов.

Редакция не допускает публикации любых «фобских» материалов, как и наличия грубых выпадов в адрес официальных органов и лиц, других авторов, независимо от государственной и гражданской принадлежности.

Редакция гарантирует конфиденциальную сохранность подаваемого материала и невозможность пользования им до его опубликования никакими лицами, включая сотрудничающих с редакцией.